

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

5

Ю. Г. ФЕЛЬШТИНСКИЙ

БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ

ОКТАБРЬ 1917 - ИЮЛЬ 1918

НА ПУТИ К ОДНОПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

Под общей редакцией
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

5

Ю. Г. ФЕЛЬШТИНСКИЙ

БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ
ОКТАБРЬ 1917 - ИЮЛЬ 1918

НА ПУТИ К ОДНОПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЕ

ПАРИЖ • 1985

Редактор Н.Г. Росс

© 1985 by the Russian Social Fund for Persecuted
Persons and their Families
ISBN 2-85065-063-3

ВВЕДЕНИЕ

Лишь в первые месяцы существования коммунистического режима в России партия большевиков согласилась на самое короткое время разделить власть с другой социалистической партией — партией левых социалистов-революционеров. Этот союз, шедший наперекор самой природе большевизма, не мог существовать долго. Зародившись на рубеже октябрьского переворота, блок большевиков и левых эсеров распался в июле 1918 г. при самых загадочных обстоятельствах — немедленно после убийства в Москве германского посла графа Мирбаха и так называемого "восстания левых эсеров". С этого момента ведет свою историю однопартийная диктатура коммунистической партии СССР.

Столь неестественное для коммунистической системы явление — союз двух партий — привлекло внимание историков. Исторические работы о блоке левых эсеров и большевиков начали появляться уже в 1920-е годы, но характер их был далек от научного.¹ * И позже, вплоть до середины 1950-х годов, в СССР публиковались работы о большевистско-левозсеровском союзе, но, к сожалению, эти исследования были тенденциозны и их авторы лишь пытались подчеркнуть отрицательную роль партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) в октябрьском

* Сноски и примечания приводятся поглавно. Название источника, впервые указанного после каждой главы, приводится полностью, далее — в сокращенном виде. (Примечание редактора).

перевороте и позже.² Посталенинская историография также не вывела историков Советского Союза за пределы, ограниченные рамками марксистско-ленинской идеологии, хотя, начиная с 1956 года, в СССР было опубликовано большое число работ по истории ПЛСР.³ Эти исследования отличались от предшествующих тем, что часто были написаны на основании архивных материалов и вводили в научный оборот ранее неизвестные источники.

На Западе труды по истории большевистско-левоэсеровских отношений, к сожалению, немногочисленны. На русском языке отдельных работ о партии левых эсеров нет вообще, хотя сам факт "восстания" левых эсеров неоднократно подвергался сомнению эмигрантскими авторами.⁴ Англоязычная литература, в том числе и переводная, изучала вопрос о большевистско-левоэсеровских отношениях лишь поверхностно, обычно в связи с исследованием более общих, либо, наоборот, более конкретных тем. Настоящая работа, поэтому, ставит перед собой задачу, обобщив предшествующую историографию, показать и проанализировать основные аспекты большевистско-левоэсеровских отношений октября 1917 — июля 1918 г., со дня большевистского переворота до разгрома ПЛСР. Особое внимание будет уделено нескольким узловым моментам истории первого года советской власти: формированию правительства, разгону Учредительного собрания и оппозиционных социалистических партий, Брестскому миру, отношениям с Германией, тезису большевиков о мировой революции и революционной войне и вызванному этим вопросом расколу в рядах большевистской партии, и, наконец, самим июльским событиям, ставшим роковыми для партии левых эсеров: убийству германского посла графа Мирбаха и "восстанию левых эсеров".

В советской историографии вопрос о "мятеже левых эсеров" в Москве в июле 1918 г. считается давно изученным. Многочисленные советские авторы, расходясь в детализации событий, всегда соглашались в главном: ПЛСР совершила убийство Мирбаха и подняла антибольшевистский мятеж с целью сорвать Брест-Литовский мирный договор и свергнуть советскую власть.⁵ Удивительно, что и столь недоверчивая во многих других случаях западная историческая наука в целом беспрекословно приняла

эту советскую точку зрения. Фундаментальные труды зарубежных историков и отдельные исторические монографии редко противостояли официальной советской теории.⁶ Только Г.М. Катков в 1962 г. впервые опубликовал статью, аргументированно подвергнушую сомнению всеми признанную версию.⁷ Несколько позже недоверие к советской официальной точке зрения высказали и другие западные историки. Вот что писал, например, один из ведущих советологов в США Адам Улам:

”Драма, разыгравшаяся в июле и августе [1918 г.] и приведшая к гибели левого крыла когда-то гордой партии, лояльной русскому крестьянству, до сих пор хранит в себе элемент мистики... Все сконцентрировалось вокруг графа Мирбаха, чье убийство якобы было санкционировано Центральным Комитетом социалистов-революционеров на заседании 24 июня... Было бы неудивительно, если б кто-либо из коммунистических лидеров решил убрать Мирбаха... Безусловно, обстоятельства, связанные с убийством, крайне подозрительны... Приходится подозревать, что по крайней мере некоторые из коммунистических сановников знали о решении социалистов-революционеров, но ничего не предпринимали... Возможно, по крайней мере, что кто-то в высших большевистских кругах был осведомлен об эсеровских приготовлениях, но считал, что представляется хорошая возможность избавиться и от них [эсеров], и от германского дипломата, причиняющего неприятности. Вообще, самые сильные подозрения падают на Дзержинского...”⁸

Джозель Кармайкл также подвергает сомнению официальную советскую точку зрения. Он пишет:

”Обстоятельства этого убийства остаются необычайно загадочными... Сами левые эсеры яростно отрицали всякую подготовку к восстанию, хотя и не оспаривали своего участия в убийстве и даже похвалялись им. Однако несоответствия, содержащиеся в этой версии, начисто опровергают ее... Ленин использовал убийство Мирбаха как предлог для истребления левых эсеров. Их пресловутое ”восстание” было не более, чем протестом против

большевистских "преследований", состоявших в том, что большевики представили их общественности, в особенности германскому правительству, убийцами Мирбаха. Эсеровский "бунт" был на редкость ребяческой затеей..."⁹

В предлагаемом исследовании делается еще одна попытка опровергнуть укоренившееся в советской, а частично и в западной историографии мнение об убийстве германского посла графа Мирбаха и "восстании левых эсеров". Постоянная закрытость важнейших советских архивов не дает возможности ни западным, ни советским ученым ознакомиться со всеми документами, необходимыми для изучения столь сложной темы. Именно поэтому некоторые из сделанных в работе выводов остаются гипотетическими, и монография не дает ответа на все поставленные в ней вопросы.

Важнейшими источниками для написания данной книги были документы и архивные материалы, опубликованные в СССР и на Западе, а также монографии и исследования советских и западных историков. В дополнение к этому в работе использованы многочисленные статьи, речи, доклады, донесения, показания и воспоминания участников и современников событий октября 1917 — июля 1918 гг., равно как и материалы периодической печати.¹⁰

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

1. См., например: В. Владимирова. Левые эсеры в 1917–1918 гг. "Пролетарская революция", 1927, № 4. – В.А. Шестаков. Блок с левыми эсерами. "Историк-марксист", 1927, № 6. – Е. Мороховец. Аграрные программы российских политических партий в 1917 году. Ленинград, 1929.
2. См., например: А. Агеев. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров. "Пропагандист", 1939, № 16. – Аграрная программа В.И. Ленина, в сб.: Памяти Ленина. "Сборник музея революции", 1934, № 6. – В. Парфенов. Разгром левых эсеров. Москва, 1940. – Д.А. Чугаев. Борьба коммунистической партии за упрочение советской власти. Разгром "левых" эсеров. "Ученые записки Московского областного педагогического института", т. XXVII, вып. 2, Москва, 1954. – Е. Луцкий. Борьба вокруг декрета "О земле" (ноябрь–декабрь 1917 г.). "Вопросы истории", 1947, № 10. – В. Зайцев. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период упрочения советской власти. Москва, 1953.
3. См., например: К. Гусев. Крах партии левых эсеров. "История СССР", 1959, № 2. – П.Н. Хмылов. К вопросу о борьбе большевиков против соглашательства "левых" эсеров в дни Октября. "Ученые записки Московского библиотечного института", вып. 3, Москва, 1957. – Д.Ф. Жидков. Борьба партии большевиков с правыми и левыми эсерами за крестьянство в первые месяцы советской власти. "Труды кафедр общественных наук Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева", сборник 33, Москва, 1959. – М.В. Спиридонов. Борьба коммунистической партии против левых эсеров в 1917–1918 гг. "Ученые записки Карельского государственного педагогического института", т. X, Петрозаводск, 1960. – А.С. Смирнов. Об отношении большевиков к левым эсерам в период подготовки Октябрьской революции. "Вопросы истории КПСС", 1966, № 2. – Р.М. Илюхина. К вопросу о соглашении большевиков с левыми эсерами. "Исторические записки", т. 73, Москва, 1963. – В.В. Кучма. Ленин о теоретических основах соглашения большевиков с левыми эсерами. В кн.: Бессмертны ленинские идеи. Волгоград, 1970. – П.А. Голуб. О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября. "Вопросы истории КПСС", 1971, № 9. – Л.А. Слепов. Применение большевиками тактики левого блока. "Вопросы истории", 1973, № 1.
4. См., например: А. Авторханов. Происхождение партократии. т. 1, Франкфурт-на-Майне, 1973, стр. 506–509. С другой стороны, в недавно вышедшем двухтомнике М. Геллера и А. Некрича – "Утопия у власти" –

излагается традиционная советская точка зрения на июльские события 1918 г. (М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1982, стр. 63 и далее).

5. Точка зрения советской историографии по данному вопросу сводится примерно к следующему: "24 июня ЦК партии левых эсеров постановил путем террористических актов против представителей германского империализма сорвать Брестский мир, спровоцировать войну с Германией и насильственным путем изменить политику советской власти. Началась подготовка к вооруженному выступлению. Заговорщики рассчитывали, что мятеж в Москве будет поддержан и войсками Восточного фронта, во главе которых стоял левый эсер Муравьев, и левозеро-эсерскими организациями других городов". (Революционные латышские стрелки, 1917–1920. Под ред. А. Дризула и Я. Крастыня. Рига, 1980, стр. 103).
6. Так, Леонард Шапиро в своей книге "Коммунистическая партия Советского Союза" (второе, дополненное издание, пер. с английского, Флоренция, 1975) повторяет, по существу, советскую точку зрения, причем даже делает попытку оправдать большевистский террор: "Мятеж также укрепил утверждение большевиков, что только один шаг отделяет оппозицию от вооруженного восстания, и это оправдывало в их глазах систематический красный террор, направленный против всех политических противников". (Шапиро, указ. соч., стр. 269). Луис Фишер в книге "Жизнь Ленина" (Лондон, 1970, пер. с английского) также поддерживает версию о мятеже левых эсеров. (Фишер, указ. соч., стр. 359–361). Аналогичной точки зрения придерживается и Исаак Дойчер. (Isaak Deutscher, *The Prophet Armed. Trotsky: 1879–1921*. Oxford University Press, 1979, pp. 403–404). Стандартной точки зрения по вопросу о "восстании левых эсеров" и убийстве Мирбаха придерживается и немецкий ученый фон Раух. (Georg von Rauch. *A History of Soviet Russia. Sixth Edition*, New York, 1976, pp. 94–95).
7. George Katkov. *The Assassination of Count Mirbach. "Soviet Affairs"*, №3, edited by David Footman, Carbondale, Illinois, 1962, pp. 53–94.
8. Adam B. Ulam. *The Bolsheviks*. New York, 1968, pp. 423, 424–425. Советскую официальную версию Адам Улам подвергает сомнению и в другой своей книге: *A History of Soviet Russia. USA*, 1976, p. 33.
9. Джоэль Кармайкл. Троцкий. (Сокр. пер. с англ.). Иерусалим, 1980, стр. 142, 143.
10. Вся используемая литература указана в сносках.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАРОЖДЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКО-ЛЕВОЭСЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Большевистско-левоэсеровский союз обе партии считали блестящим тактическим ходом. Формально "уния" была заключена только после Второго съезда Советов, но к мысли о необходимости образования коалиции лидеры большевиков и левых эсеров пришли еще до октябрьского переворота. Тактика левых эсеров была проста: бить "направо", кооперироваться "налево". "Левее" находились большевики. И кооперироваться левые эсеры могли прежде всего с ними. Большевики же, по словам советского историка, шли на блок с левыми эсерами "не ради левых эсеров как таковых, а из-за того влияния, которое имела на крестьян эсеровская аграрная программа".¹ Впрочем, дело было не во "влиянии", но в самой программе, а ранее того — в левоэсеровских партийных работниках, имевших, в отличие от большевиков, хоть какой-то доступ в деревню. Свердлов в марте 1918 г. признал, что до революции большевики "работой среди крестьянства совершенно не занимались".² Советская историография указывала еще в 1920-е годы, что большевикам "не удалось к моменту Октябрьской революции создать своей крестьянской организации в деревне, которая могла бы занять место социалистов-революционеров".³ И левое крыло эсеровской партии, отстаивавшее "принципы советской власти и интернационализма",⁴ пришлось в этом смысле как нельзя кстати. Вот что писал Ленин 27 сентября 1917 г. председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилге:

”Ваше положение исключительно хорошее, ибо вы можете начать сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, который один может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном собрании. Пока там суд да дело, заключите немедленно такой блок у себя, организуйте издание листовочек (выясните, что вы можете сделать технически для этого и для их провоза в Россию), и тогда надо, чтобы в каждой агитаторской группе для деревни было не менее двух человек: один от большевиков, один от левых эсеров. В деревне ”фирма” эсеров пока царит, и надо пользоваться вашим счастьем (у вас левые эсеры), чтобы во имя этой фирмы провести в деревне блок большевиков с левыми эсерами...”⁵

Большевикам, кроме того, нужна была какая-нибудь аграрная программа. Парадокс заключался в том, что у РСДРП (б), партии, считавшей себя сугубо пролетарской, своей аграрной программы вообще не было. Впервые после 1906 года, аграрный вопрос большевики поставили на повестку дня лишь на Всероссийской партийной конференции в апреле 1917 г. Принятая по аграрному вопросу резолюция и стала большевистской аграрной программой. Резолюция призывала к немедленной конфискации всех помещичьих земель и переходу всех земель к крестьянским советам и комитетам. Третий пункт аграрной резолюции конференции требовал ”национализации всех земель в государстве”.⁶

В крестьянском вопросе партия большевиков не хотела брать на себя каких-либо четких обязательств. В этом смысле Ленин в 1905 году ничем не отличался от Ленина в 1917: ”Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это, — писал Ленин на рубеже 1905—1906 годов. — Но кому посоветуем мы отдать конфискованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем... не обещаем уравнительного раздела, ”социализации” и т.п., а говорим: там мы еще поборемся...”⁷ В октябре 1917 г. Ленин также был категорически против того, чтобы вносить в аграрную программу ”чрезмерную детализацию”, которая ”может даже повредить, связав нам руки в частностях”.⁸ Но и игнорировать крестьянский вопрос и русскую деревню большевики не могли. Для победы ”пролетарской революции” в городе и во всей стране

большевикам была необходима гражданская война в деревне. И Ленин очень боялся, что "крестьяне отнимут землю [у помещиков], а борьбы между деревенским пролетариатом и зажиточным крестьянством не вспыхнет". Ленин, таким образом, уловил не только сходство ситуаций 1905 и 1917 годов, но и различие их: "Повторить теперь то, что мы говорили в 1905 г., и не говорить о борьбе классов в деревне — есть измена пролетарскому делу... Надо соединить требование взять землю сейчас же с пропагандой создания Советов батрацких депутатов".⁹

С апреля по октябрь 1917 г. тактика большевиков в отношении крестьянства и эсеровской аграрной программы неоднократно менялась. Так, в аграрной резолюции конференции большевиков содержалось предложение добиваться образования "из каждого помещичьего имения достаточно крупного хозяйства".¹⁰ Месяцем позже, выступая на Первом Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, Ленин от имени партии большевиков рекомендовал,

"чтобы из каждого крупного хозяйства, из каждой, например, помещичьей экономии крупнейшей, которых в России 30 000, образованы были, по возможности скорее, образцовые хозяйства для общей обработки их совместно с сельскохозяйственными рабочими и учеными агрономами, при употреблении на это дело помещичьего скота, орудий и т.д."¹¹

Между тем, Первый съезд Крестьянских Советов не был таким уж радикальным. Из 1 115 делегатов эсеров было 537, социал-демократов — 103, народных социалиста — 4, трудовиков — 6. На съезд не было избрано *ни одного большевика*, при том что 136 делегатов объявили себя беспартийными, а 329 принадлежали к партиям несоциалистическим, т.е. "правее" эсеров и энесов.¹² Как бы Ленину ни хотелось обратного, крестьяне стояли за уравнительный раздел помещичьих земель, но *не* за уравнительный раздел земель вообще. В наказе крестьянского съезда Первой армии так и говорилось: "...Пользование землей должно быть уравнительно-трудовым, т.е. каждый хозяин получает столько земли, сколько он может обработать лично с семьей, но не ниже потребительской нормы..."¹³ Эти крестьянские настроения были

подтверждены и публикацией в августе 1917 г. сводного крестьянского наказа, составленного из 242 крестьянских наказов, привезенных на съезд в мае эсеровскими крестьянскими делегатами. Эти наказаы были, безусловно, "левее" наказов беспартийных крестьян или делегатов несоциалистических партий, но даже согласно сводному эсеровскому наказу крестьяне соглашались оставить неразделенными лишь несколько высококультурных бывших помещичьих хозяйств, но не более того.¹⁴ И Ленин вскоре после съезда и публикации наказа ретировался, немедленно изменил тактику. Он решил принять программу эсеров целиком и полностью, переманить крестьян на свою сторону, по крайней мере раздробить их, лишить ПСР опоры в деревне и затем, укрепив блок с левыми эсерами благодаря принятию эсеровской аграрной программы, лишить партию эсеров еще и ее левозеровских функционеров-практиков в деревне. Тем же целям должно было служить усиление большевистской пропаганды среди крестьян. Ленин требовал теперь "всю агитацию в народе... перестроить так, чтобы выяснить полную безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть,.. пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эсеров и меньшевиков".¹⁵ В конце августа Ленин уверяет крестьян, что только партия большевиков "может на деле выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242 наказах".¹⁶

Здесь, однако, проступал и новый момент. Ленин незаметно подменил "крестьян" — "крестьянской беднотой", т.е. "сельским пролетариатом". Подкрепляя поздним числом демагогическое ленинское заявление, советский историк Гусев пишет: "Таким образом, можно считать, что около 80% крестьянских хозяйств представляли собой пролетариев или полупролетариев".¹⁷ Но это заявление Гусева совершенно безосновательно, а цифра в 80% откровенно фальсифицирована. Абсолютное большинство российских крестьянских хозяйств относилось к числу "кулацких" и "средняцких", причем последние преобладали.

Подготавливая мосты для будущего отступления большевистской партии от ранее принятых на себя обязательств, Ленин стал вычитывать в эсеровском крестьянском наказе то, чего там

никогда не было. Так, Ленин указал на якобы имеющееся в наказе желание "крестьянской бедноты" безвозмездно отменить частную собственность "на землю всех видов, вплоть до крестьянских". Заявление Ленина, разумеется, противоречило и резолюциям Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, и самому наказу.¹⁸ Но Ленина это не смущало. Под "уравнительным землепользованием" он также стал понимать нечто отличное от того, что понимали под этим крестьяне и даже эсеры. В апреле 1917 г. на Всероссийской партийной конференции большевиков Ленин говорил, что "уравнительное землепользование" крестьяне "понимают как отнятие земли у помещиков, но не как уравнение отдельных хозяев".¹⁹ Впрочем, в августе Ленин охарактеризовал сводный эсеровский крестьянский наказ как "программу крестьянской бедноты", желающей "оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть, — продолжал Ленин. — Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой".²⁰

Но разойтись с "крестьянской беднотой" Ленин, конечно же, был готов. Он упрямо и методично подготавливал базу будущей гражданской войны в деревне, вернее — теоретическое оправдание необходимости подобной войны. Он ни в чем не собирался всерьез отходить от позиции, сформулированной им еще в 1905 году: "Вместе с крестьянами-хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии, против всех крестьян-хозяев. Вот лозунг сознательного деревенского пролетариата".²¹ В отличие от эсеров, которые видели в деревне лишь два противоборствующих лагеря — помещиков и крестьян, большевики выделяли из крестьян еще одну группу: деревенскую бедноту. Но, как всегда, когда этого требовали тактические соображения, большевики кооперировались с "левым" крылом для уничтожения "правого". В данном случае нужно было поддержать крестьян в борьбе с помещиками, чтобы после того, как будет уничтожена помещичья собственность, расправиться с крестьянами, поддержав требования "деревенской бедноты". С этой целью большевики временно отказались от лозунга превращения каждого помещичьего имения в государственное хозяйство. В то же время Ленин старался больше не

упоминать об уравнительном землепользовании. Так, в написанном в начале октября, но не опубликованном тогда воззвании "К рабочим, крестьянам и солдатам" говорилось только, что "если власть будет у Советов, то немедленно помещичьи земли будут объявлены владением и достоянием всего народа".²² Формулировка, конечно же, была чисто эсеровской. В работе "К пересмотру партийной программы" Ленин также не касался вопроса об уравнительном разделе земли, равно как и вопроса о преобразовании помещичьих имений в общественно-государственные хозяйства. Однако пункт о национализации земли был Лениным в работу включен,²³ хотя о том, что делать с национализированной землей, не говорилось ни слова. Это странное замалчивание столь важного для большевиков вопроса обратило на себя внимание многих. Уже после переворота В. Мещеряков в помещенной в нескольких номерах "Правды" статье "Марксизм и социализация земли" отметил эту многозначительную особенность аграрной программы большевиков:

"Как поступить с национализированной, обобществленной государственной землей? Программа национализации у большевиков совсем не давала ответа на этот вопрос, откладывая его на время после захвата земель, после победы революции, после национализации земли... Ни в проекте национализации, предложенном большевиками Стокгольмскому съезду рабочей партии (1906 г.), ни в программе национализации, принятой на конференции партии в апреле 1917 г., ни в обширной литературе по этому вопросу — ни разу никто из сторонников национализации в среде марксистов не затрагивал этого вопроса, не предлагал каких-либо решений".²⁴

Чем ближе к перевороту, тем сильнее и сильнее видоизменял Ленин первоначальные крестьянские требования. Так, в написанной за пять дней до октябрьского мятежа и опубликованной 24 октября статье "Новый обман крестьян партией эсеров" Ленин "пересказал" требования крестьян следующим образом:

"Крестьяне требуют отмены права частной собственности на землю; обращения *всей* частновладельческой и т. д. земли в всенародное достояние безвозмездно; превращения

земельных участков с высококультурными хозяйствами (сады, плантации и пр.) в "показательные участки"; передачи их в "исключительное пользование государства и общин"; конфискации "всего хозяйственного инвентаря, живого и мертвого" и т.д. Так выражены требования крестьян, точно и ясно, на основании 242-х местных наказов, самими крестьянами данных".²⁵

Но, во-первых, речь шла о наказах "эсеровских" крестьян, а не о крестьянах вообще. Во-вторых, даже в эсеровских наказах не было изложенных Лениным требований. По существу Ленин очень тонко и завуалированно завел речь о национализации. Но в солдатской и крестьянской среде господствовала "идея "уравнительного землевладения" по потребительско-трудовой норме распределения, а не грабительская ленинская идея "национализации".²⁶

Однако Ленин был слишком прагматичен для того, чтобы воздействовать на крестьян одними газетными статьями. Перед ним стояла двудеяная задача проникновения в деревню для завоевания там позиций и ослабления эсеровской партии как политической силы, пользующейся в деревне существенным влиянием. Но для проникновения в деревню нужно было перетянуть на свою сторону часть активных деятелей крестьянских Советов, а среди них были и эсеры. Вот здесь и помогло большевикам левое крыло эсеровской партии.

Блок с левым крылом ПСР был в тот момент для Ленина естественным и единственно возможным шагом. Для союза существовал и реальный фундамент. Месяцами перманентной борьбы с большинством своей партии левые эсеры доказали свою приверженность к догматическому радикальному социализму. Принятие большевиками эсеровской аграрной программы, без которой большевистское правительство не смогло бы функционировать, и согласие левых эсеров, в случае принятия большевиками эсеровской аграрной программы, во всех вопросах следовать программе большевиков были, как тогда всем казалось, залогом успешного союза. Лезвоэсеровские партийные кадры в сельских Советах и большевистские партийные деятели в Советах городских естественно дополняли друг друга.

В мае 1917 г. во время выборов в районные Думы Петрограда большевистско-левоэсеровский союз дал первые практические результаты: в Невском районе большевики вступили в блок с левыми эсерами-интернационалистами. Именно с мая 1917 г. и начался открытый отход левого крыла от основного ядра ПСР. В этом месяце, незадолго до Третьего съезда партии эсеров, один из будущих лидеров ПЛСР В. Трутовский заявил, что среди членов эсеровской партии многие, "называя себя и социалистами, и революционерами", на деле не являются ни теми, ни другими.²⁷ Это заявление Трутовского, опубликованное в печати, стало вызовом всей ПСР, справедливо считавшей себя партией социалистической и революционной. Непосредственный партийный раскол начался.

На Третьем съезде ПСР, проходившем в конце мая – начале июня 1917 г., левое крыло партии, насчитывавшее 42 человека, образовало свою фракцию и выступило с резолюцией, отвергнутой в конце концов съездом. Примерно с этого момента левые эсеры, формально оставаясь членами эсеровской партии, стали занимать по ряду вопросов позицию, отличную от директив и установок своего ЦК, и проводить собственную политическую линию. В ответ на это руководство партии эсеров запретило левым социалистам-революционерам выступать от имени ПСР с критикой решений Третьего съезда партии. Но никаких реальных последствий это постановление не имело. Зато левые эсеры несколько позже приняли решение, "не порывая организационной связи с партией, определенно и твердо отграничиться от политики, усвоенной руководящим большинством". Левые обвинили ЦК партии эсеров в отклонении от программы и "традиционной тактики" и в перемещении "центра опоры партии на слои населения, по классовому характеру своему или уровню сознательности не могущие быть действительной поддержкой политики истинного революционного социализма". В заявлении также указывалось, что левое крыло оставляет за собой право на "полную свободу выступлений в духе указанных выше положений". Заявление было подписано организационным бюро левого крыла эсеров, избранным фракцией левых социалистов-революционеров на Третьем съезде, а также фракциями левых эсеров во ВЦИКах Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.²⁸

В августе фракция левых эсеров в ПСР добилась того, что стала считаться легальной. И уже 10 сентября, на Седьмой Петроградской губернской конференции ПСР, левые эсеры подвергли резкой критике работу ЦК эсеровской партии, а при перевыборах губернского комитета, вследствие растущего радикализма петроградских эсеров, получили большинство голосов. Левые стали доминировать теперь в целом ряде организаций: петроградской, воронежской и гельсингфорсской, причем в петроградской организации эсеров из 45 тыс. человек за левыми шло примерно 40 тысяч.²⁹ В Петрограде, таким образом, за левыми эсерами стояла реальная сила.

Поражений у левых эсеров в те дни почти не было, если не считать того факта, что они вынуждены были уйти из редакции эсеровской газеты "Земля и воля". Но и здесь они взяли реванш, добившись в сентябре переизбрания редакции газеты "Знамя труда", ставшей с того времени их органом.³⁰ Усиливая свою критику в отношении ПСР, на Всесоюзном демократическом совещании социалистических партий, советов профсоюзов, земств, торгово-промышленных кругов и воинских частей, проходившем в цитадели левых эсеров — Петрограде — с 14 по 22 сентября 1917 г., левые выступили против коалиции с кадетами, внося этим раскол в ряды социалистов. А в эсеровской фракции Предпарламента — Временного Совета республики, созданного Демократическим совещанием — левые эсеры объявили политику ПСР предательской и покинули заседание. Критика велась в основном по трем вопросам: об отношении к войне, об аграрной политике и о власти.

Еще на Третьем съезде ПСР левые эсеры требовали "немедленно порвать гражданский мир со всей буржуазией".³¹ Они также высказались против подготовки наступления на фронте и за публикацию секретных договоров, заключенных царским правительством со странами Антанты. Но несмотря на это ЦК ПСР, будучи не заинтересован в партийном расколе, продолжал считать левых эсеров членами единой эсеровской партии.

Левые эсеры, однако, все ближе и ближе смыкались с большевиками. Они согласились в принципе с идеей разгона Временного правительства и уже накануне октябрьского переворота вошли

в Бюро Военно-Революционного Комитета, где работали, по свидетельству Троцкого, "прекрасно".³² Между тем этот факт был отнюдь не мелкого значения. ВРК был создан в Петрограде для практической деятельности по организации переворота, хотя открыто заявлялось, что ВРК образуется для организации обороны Петрограда против немцев. Вот в этот организационный центр переворота и вошли левые эсеры, причем левый эсер П. Е. Лазимир стал первым председателем ВРК.³³

Вместе с большевиками левые эсеры выступили и на Северном областном съезде Советов, открывшемся в Смольном в октябре 1917 г. На съезде присутствовало 150 делегатов из Финляндии и Северной области, причем председателем избрали Крыленко. Речь, по существу открыто, шла о захвате власти, и Троцкий, по соглашению с левыми эсерами, прочитал резолюцию "по текущему моменту" с требованием "немедленного перехода всей власти в руки Советов". Троцкий требовал от левых эсеров и большевиков единогласного принятия этой резолюции, что, по его мнению, означало бы "переход от слов к делу". И левые эсеры резолюцию поддержали. Поддержали ее и присутствовавшие на съезде "без присмотра Мартова" меньшевики, побоявшиеся выделиться из общего дружного хора делегатов съезда. А уже перед тем, как вместе пропели "Интернационал", преподнесли Северному съезду подарок социалисты Латвии. Под бурные овации большевиков, левых эсеров и меньшевиков "представитель "красной Латвии"... предложил в распоряжение будущих повстанцев 40 000 латышских стрелков... Это была настоящая сила..."³⁴

Перед самым открытием Второго Всероссийского съезда Советов левые эсеры нанесли своей партии еще один удар. Они раскололи партийную фракцию съезда, на заседании фракции, где у них было большинство: 92 голосами против 60 они отклонили резолюцию ЦК ПСР об отношении к съезду, предложенную от имени эсеровской партии Гендельманом.³⁵

Созыв Второго Всероссийского съезда не был ordinарным явлением. Еще 28 сентября 1917 г. Бюро Исполнительного Комитета Совета крестьянских депутатов постановило съезда не созывать. А 4 октября пленум крестьянского ЦИК признал созыв съезда 20 октября, как это когда-то намечалось, "несвоевременным

и опасным” и предложил крестьянским Советам воздержаться от посылки на него делегатов.³⁶ 12 октября ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов признал решение вопроса о переходе власти к Советам до созыва Учредительного собрания ”не только вредной, но и преступной затеей, гибельной для родины и революции”. А уже перед самым открытием съезда, 24 октября, ИК разослал всем крестьянским Советам телеграммы, в которых подтвердил ”свое постановление о несвоевременности съезда” и призвал крестьянские Советы ”не принимать участия” в нем. Несвоевременным съезд считался в частности потому, что созывался во время подготовки выборов в Учредительное собрание и как бы в противовес ему должен был решать вопрос о власти в стране.³⁷

Столкнувшись с активным нежеланием Крестьянского Исполнительного комитета и пассивным нехотением ВЦИК первого созыва проводить съезд Советов, большевики решили действовать самовольно. 16 октября от имени Петроградского Совета рабочих депутатов и Петроградского Совета крестьянских депутатов, Московского Совета рабочих депутатов и областных комитетов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Северной области решено было послать всем губернским и уездным Советам циркулярную телеграмму и предложить им к 20 октября прислать в Петроград делегатов съезда. Северный областной, Московский и Петроградский Советы готовы были, таким образом, пойти на созыв съезда явочным порядком.³⁸ Вот тут и встала перед ВЦИКом первого созыва реальная альтернатива: участвовать в съезде и попробовать найти общий язык с большевиками, или же бойкотировать съезд. ЦИК предпочел первое. 17 октября он согласился созвать съезд на 25 октября,³⁹ дав, таким образом, большевикам лишние пять дней для организации переворота. Съезд должен был работать ”не более 3-х дней”.⁴⁰

25 октября в 10.45 вечера съезд открылся. Первоначально большевики располагали 250 мандатами из 518, эсеры — 159, меньшевики — 60.⁴¹ Но по отчетам создается впечатление, что большевики были в меньшинстве, настолько многочисленной и резкой была в их адрес критика, настолько шокированы были все социалистические партии переворотом, подготовка к

которому, впрочем, вполне открыто производилась большевиками на глазах у тех же социалистических партий. После резкого обмена мнениями и вынесения соответствующих деклараций меньшевики и эсеры со съезда ушли. Но левые эсеры, несмотря на решение ЦК ПСР, на съезде остались. Они осудили уход эсеровской фракции и таким образом окончательно раскололи эсеровскую партию. Вместе с тем, левозеро-эсерское крыло партии теперь существенно окрепло, так как многие из оставшихся на съезде членов эсеровской фракции стали считать себя левыми. К левым эсерам, кроме того, прибавлялись вновь прибывшие левозеро-эсерские делегаты, а также те из делегатов крестьянского ЦИК, которые отказались покинуть съезд. Но и после этого левые эсеры в оппозицию к большевикам на съезде не встали, не объединили вокруг себя стоящие правее большевиков социалистические партии, а предпочли сотрудничество с большевиками. Последние, со своей стороны, не могли не считаться со столь многочисленной фракцией и больше всего боялись создания единого антибольшевистского социалистического блока.

Большинство членов ЦК РСДРП (б) боялось также формировать однопартийное правительство, и поэтому 26 октября, за несколько часов до формирования на Втором съезде Советов чисто большевистского правительства, большевики предложили трем левозеро-эсерским лидерам — Карелину, Камкову и Спиро — войти в состав СНК. Но те отказались.⁴² Карелин мотивировал этот отказ следующим образом: "Если бы мы пошли на такую комбинацию, то мы бы этим усугубили бы существующие в рядах революционной демократии разногласия. Но наша задача заключается в том, чтобы примирить все части демократии".⁴³

Приняв к сведению отказ левых эсеров войти в формируемое ими правительство, большевики достигли с левыми эсерами договоренности о провозглашении Лениным 26 октября эсеровского закона о земле "во всей его полноте", вместе с уравнительным землепользованием, в соответствии с эсеровским крестьянским наказом 242-х. 26 октября Ленин действительно провозгласил на съезде этот наказ, ставший знаменитым "Декретом о земле", не скрывая, что декрет списан у эсеров. Этому тактическому ходу Ленин склонен был приписывать потом утверждение

советской власти в России: "Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую... Наша победа в том и заключалась... Вот почему эта победа была так легка..."⁴⁴

Нет, конечно же, ничего удивительного, что левые эсеры проект этот одобрили целиком и полностью.⁴⁵ Но эсеры ленинского "грабежа" большевикам не простили. По их инициативе ЦИК первого созыва разослал всем Советам и армейским комитетам телеграмму о непризнании Второго съезда.⁴⁶ А Чернов, кроме того, написал "Письмо крестьянам", справедливо уверяя их в том, что от большевиков никакого уравнительного землепользования ждать нельзя, что большевики защищают интересы сельского пролетариата, а крестьян считают своими противниками и рассматривают их как мелкую буржуазию. Всем периферийным эсеровским организациям предлагалось это письмо немедленно "перепечатать в местной с.-р. прессе, а также, где можно, издать отдельной листовкой".⁴⁷

Исполнительный Комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов также выпустил воззвание, в котором разъяснял крестьянам, что большевики лишь обманывают их и что крестьяне "лишатся земли и воли", если пойдут за большевиками.⁴⁸ А 28 октября Исполком заявил, что "не признает большевистскую власть государственной властью" и призвал крестьян и армию не подчиняться образованному на Втором съезде Советов правительству.⁴⁹ На следующий день ЦК ПСР исключил из партии всех тех, кто после 25 октября остался на Втором съезде Советов, а 30 октября распустил петроградскую, воронежскую и гельсингфорскую организации ПСР, в которых доминировали левые эсеры.⁵⁰ Последние срочно созвали Девятую Петроградскую конференцию ПСР, пригласив туда своих сторонников, и, отказавшись признать законным решение своего ЦК, выразили ему недоверие, обвинив руководителей эсеровской партии в организационном расколе. Вслед за этим левые эсеры создали так называемое Временное бюро и назначили на 17 ноября собственный партийный съезд.⁵¹

Союз левых эсеров и большевиков тем временем налаживался. Обе партии были заинтересованы в поражении эсеров. А для этого было необходимо прежде всего отбить у эсеров

позиции, занятые ими на Первом Крестьянском съезде. С этой целью 27 октября, по соглашению между большевиками и левыми эсерами, ВЦИК на своем первом заседании принял решение о созыве в срочном порядке Второго Крестьянского съезда и предложил "избрать комиссию для подготовительной работы по созыву". В комиссию было избрано пять человек: Спиро, Колегаев (Калегаев), Василюк, Гриневич и Муранов. Этой комиссии левые эсеры, действуя в обход большинства членов крестьянского ЦИК первого созыва, предложили "сговориться с левой частью ВЦИК",⁵² т.е. с самими левыми эсерами.

Большевики обещали левым эсерам поддержать их на съезде целиком и полностью. Эта поддержка была для левых эсеров немаловажной, так как в противном случае победа наверняка досталась бы социалистам-революционерам.⁵³ Но и еще одним были скреплены теперь большевистско-левоэсеровские отношения — кровью. Во время переворота в Москве, как с восторгом указывал Бухарин, "левые с.-р. со всей своей активностью и с необычайным героизмом сражались бок о бок с нами..."⁵⁴ причем во главе отряда особого назначения, буквально решившего исход сражений 28 октября и спасшего Моссовет от захвата верными Временному правительству войсками, был поставлен левый эсер прапорщик Г. (Ю.) В. Саблин. А левый эсер Черепанов большевиков просто умилил, когда перед самым началом боев в Москве заявил им: "Хотя я не разделяю программы большевиков, но я умру вместе с вами, потому что я социалист". А позже, вспоминая о защите Моссовета, добавил: "Мы там остались и пробыли как раз особенно опасную ночь в Совете, когда, собственно, вся советская работа висела на волоске".⁵⁵

Так стянуло их вместе в революционной борьбе. Ненадолго.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

1. В. Н. Гинев. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Ленинград, 1977, стр. 201.
2. Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 года. Стенографический отчет. Москва, 1962, стр. 6. Советские редакторы поспешили поправить Свердлова, указав, что его "выражение... не точное". (Там же, стр. 359).
3. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Москва—Ленинград, 1928. Предисловие, стр. XIX.
4. Ю. Стеклов. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). Москва, 1962, стр. 7.
5. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958—1965, т. 34, стр. 266.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1, изд. 8-е, Москва, 1970, стр. 443.
7. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 221—222.
8. Там же, т. 34, стр. 376.
9. Там же, т. 31, стр. 241.
10. КПСС в резолюциях, т. 1, стр. 444.
11. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 186.
12. См.: Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т. 1, часть 1, Москва, 1929, стр. 132.
13. К. В. Гусев. Крах партии левых эсеров. Москва, 1963, стр. 49.
14. Подробнее см.: Гинев, ук. соч. Именно о таких настроениях крестьян писал и Церетели (см.: И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Книга первая, Париж, 1923, стр. 451).
15. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 15.
16. Там же, стр. 114.
17. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 56.
18. В наказе об этом говорилось: "Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме. Формы пользования землею должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках". (Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Часть III, Ленинград, 1967, стр. 410).
19. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 418.
20. Там же, т. 34, стр. 114—115.
21. В. И. Ленин. Сочинения. 2-е изд., Москва, 1926—1932, т. 8, стр. 261.
22. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 285.

23. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 373.
24. "Правда", 13 января 1918.
25. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 429.
26. М. Френкин. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа. 1917–1918 гг. Иерусалим, 1982, стр. 78–79.
27. См.: "Земля и воля", 17 мая 1917.
28. Там же, 9 июля 1917.
29. "Пролетарская революция", 1927, № 4, стр. 106.
30. Ежедневная газета "Знамя труда" начала выходить 23 августа 1917 г. как орган Петроградского комитета партии эсеров. Первые номера газеты вышли под редакцией таких эсеровских лидеров, как Шрейдер, Камков, Спиридонова. В октябре, однако, в Петроградском комитете эсеро́вской партии остались одни левые эсеры. 28 октября газета стала выходить как орган еще и фракции левых эсеров во ВЦИКе Советов, а с декабря 1917 г. газета выпускалась как орган ЦК ПЛСР. 6 июля, в день разгрома ПЛСР, газета была закрыта большевиками.
31. Третий съезд партии социалистов-революционеров. Петроград, 1917, стр. III.
32. См.: Второй Всероссийский съезд Советов, стр. XXXII; см. также: Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 95.
33. См.: Октябрь в Петрограде. Сборник статей. Ленинград, 1933, стр. 241.
34. Ник. Суханов. Записки о революции. Кн. VII, Берлин–Москва, 1922, стр. 72–74.
35. См.: Второй Всероссийский съезд Советов, стр. 163; – Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 96. – См. также: С. Мстиславский. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Изд. 2-е, Берлин, Петербург, Москва, 1922, стр. 121–123.
36. Ник. Суханов. Записки о революции. Кн. VII, стр. 29–30.
37. См.: Второй Всероссийский съезд Советов, стр. XLIX–L.
38. Там же, стр. LI–LII.
39. См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов под ред. А. Ф. Бутенко и Д. А. Чугаева. Москва, 1957, стр. 179.
40. См.: Второй Всероссийский съезд Советов, стр. LII. Надо, однако, понимать, что разногласия между левым и правым крылом социалистического лагеря сводились лишь к срокам. Такие представители социалистической демократии, как Дан и Либер, высказывались не против захвата власти Советами как такового, но против конкретного переворота, подготовляемого большевиками, так как считали его несвоевременным. (См. там же, стр. LIII).
41. Сведения о численности делегатов съезда весьма разноречивы. К концу съезда большевиков было уже большинство: 390 из 649.

42. Луначарский впоследствии писал: "Надо, тем не менее, констатировать с полной определенностью, что большевики совершили свой переворот, отнюдь не выгоняя из Совета эсеров и меньшевиков, а даже (не слишком, впрочем, настаивая) определенно приглашали их продолжать совместную работу. На это, однако, с их стороны сыпались только проклятия. Даже левые эсеры испугались и в правительство идти не хотели". (А. Луначарский. Бывшие люди. Очерки истории партии эсеров. Москва, 1922, стр.31–32).
43. Второй Всероссийский съезд Советов, стр.26, 32. Однако примирение не состоялось: раскол углубился на Втором съезде.
44. Ленин. ПСС, т. 44, стр.30.
45. Второй Всероссийский съезд Советов, стр.75. Декрет о социализации земли в окончательной форме был опубликован 19 февраля за подписями Свердлова, Зиновьева, Володарского, Коллегаева, Спиридоновой, Камкова и других. (См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 года. Под ред. Д. Кина и В. Сорина. Москва–Ленинград, 1928, стр.256.
46. Советы в Октябре. Сборник документов. Под ред. С.А. Пионтковского. Москва, 1928, стр.33. Троцкий вспоминал позднее, что 27 и 28 октября большевики "продолжали получать от армейских комитетов, городских дум, земств и организаций Вижеля... непрерывные угрозы по телеграфу..." (Л. Троцкий. К истории Октябрьской революции. Нью-Йорк, б/г, стр.69).
47. "Земля и воля", 26 ноября 1917.
48. "Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов", 26 октября 1917.
49. "Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов", 28 октября 1917.
50. См.: К.В. Гусев, Х.А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. Москва, 1968, стр.177. – Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 84, 85.
51. См.: "Знамя труда", 5 ноября 1917, № 63; там же, 6 ноября 1917, № 64. – О.Н. Знаменский. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Ленинград, 1976, стр.242.
52. Протоколы заседаний Всероссийского ЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918, стр.3.
53. В мае 1917 г. на Первом Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов левые эсеры потерпели полный провал. Во время выборов в Исполком Совета Спиридонова получила 7 голосов, а Камков – 10. В то же время лидер эсеровского большинства В.М. Чернов собрал 810 голосов, А.Ф. Керенский – 804, Н.Д. Авксентьев – 799, Н.Я. Быховский – 759 голосов. (См.: Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т.1, часть 1, стр.141; Л.В. Шестаков. Советы крестьянских депутатов в 1917–1918 гг. Москва–Ленинград,

б/г, стр.28). Несмотря на это левые эсеры активизировались в Тверской, Костромской, Московской губерниях, в Риге, Ревеле, Таганроге, Новгороде, Минске, Пскове, Саратове, Бугуруслане и Одессе. Их позиции усилились также в киевском губернском комитете, в Уфе, Томске, Баку, Златоусте, Курске, Екатеринославе, Гельсингфорсе. (См.: Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Москва, 1918, стр.5–14. – К.В. Гусев. Партия эсеров. Москва, 1975, стр.148, 152–154. – Х.М. Астрахан. Большевики и их политические противники в 1917 г. Ленинград, 1973, стр.307–308). Сильные позиции были у левых эсеров в Петрограде и в Казанской губернии, хотя, как свидетельствует советский историк, "в целом левые эсеры к этому времени были немногочисленной группой, не пользовавшейся значительным влиянием ни в самой партии [эсеров], ни за ее пределами" (К. Гусев. Партия эсеров, стр.147).

54. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.37.
55. Советы в Октябре, стр.50, 58.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Если Ленин и Троцкий легко согласились уступить в земельном вопросе, то делить с кем-либо власть они явно не собирались, хотя вопрос о создании коалиционного правительства был открыто поставлен на Втором съезде Советов объединенными социал-демократами интернационалистами и левыми эсерами уже 26 октября. Интернационалист Б.Авилов по этому поводу сказал, что "необходимо создание власти, которую поддержало бы все крестьянство, как состоятельное, так и беднейшее". Авилов огласил резолюцию, в которой говорилось "о необходимости передачи всей власти в руки демократии".¹ Карелин, выступавший от левых эсеров, придерживался серединной позиции: "Мы, конечно, протестуем против того, что вместо временных комитетов, которые бы взяли на себя временное разрешение наболевших вопросов дня, мы имеем перед собою готовое правительство. Но мы не хотим идти по пути изоляции большевиков, ибо понимаем, что с судьбой большевиков связана судьба всей революции: их гибель будет гибелью революции... Всякую попытку новой власти наладить работу по разрешению неотложных вопросов дня мы будем поддерживать".²

Касаясь вопроса об отказе левых эсеров войти в состав советского правительства, Карелин сказал, что "левые с.-р. отклонили предложение вступить в министерство, так как вступление в большевистское министерство создало бы пропасть между ними и ушедшими со съезда отрядами революционной армии, — пропасть, которая исключила бы возможность посредничества

их между большевиками и этими группами. А в этом посредничестве, в использовании всех средств для сближения большевиков с покинувшими съезд партиями, левые с.-р. в настоящий момент видят свою главную задачу”.³ И чтобы заверить большевиков в том, что среди этих средств есть и средства давления, Карелин кончил свою речь жесткими нотками. Он заявил, что список членов СНК, предложенный Каменевым, как председателем съезда и большевистской фракции, не удовлетворяет левых эсеров, “так как он не скреплен представителями Советов крестьянских депутатов”, что фракция левых эсеров будет голосовать “против образования власти Советов”, и призвал “к организации власти, основанной на союзе всех сил революционной демократии”.

Имея на Съезде Советов большинство, а своим главным оппонентом — расколотившую эсеровскую партию, Ленин с Троцким никогда не уступили бы ни в мелочах, ни в главном и близко не подпустили бы к правительству членов других партий. Но по-иному смотрели на революцию другие члены большевистского ЦК. Большевистское руководство не было сплоченной, однородной, единомыслящей группой.⁴ Постоянно разделенные на лагеря, большевики тратили в те дни на междоусобную войну больше энергии, чем на столкновения со своими социалистическими оппонентами — эсерами и меньшевиками. В деле захвата власти до конца последовательными оставались лишь двое: Троцкий и Ленин. Остальные колебались. И именно вследствие этих колебаний большевистский ЦК дал согласие на ведение переговоров с социалистическими партиями о создании однородного социалистического правительства, причем, казалось, под давлением меньшевиков и эсеров, большинство ЦК соглашалось на формирование многопартийного социалистического правительства без Ленина и Троцкого. В протоколе заседания ЦК РСДРП (б) от 29 октября по этому вопросу было записано следующее: “Мы не делаем ультиматума из вхождения в правительство всех социалистических партий до народных социалистов включительно *и соглашаемся отказаться от кандидатур Троцкого и Ленина, если этого потребуют*”. При голосовании, однако, вторая часть фразы была вычеркнута.⁵ Пойти столь далеко вопреки воле Ленина и Троцкого ЦК не отважился.

Резолюция, принципиально допускающая возможность создания однородного социалистического правительства, была принята большевиками не от хорошей жизни. Дело в том, что 29 октября 1917 г. на заседании ВЦИК с ультиматумом о прекращении в стране гражданской войны и партийных междоусобиц выступил умиротворитель — Викжель (Всероссийский Исполнительный Комитет ж.-д. профсоюза). Он заявил, что СНК, "как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране" и что в связи с этим "необходимо создать новое правительство". Викжель указал также, "что к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами, вплоть до прекращения всякого движения на дорогах. Остановка движения наступит в 12 час. ночи сегодня, с двадцать девятого на тридцатое октября, если к тому времени в Петрограде и Москве боевые действия не будут прекращены... Ввиду создавшегося положения железнодорожный союз предлагает послать вам своих делегатов на совместное заседание ЦИК железнодорожного союза, совместно с социалистическими партиями".⁶

От Викжеля тогда действительно зависело, быть или не быть большевистскому правительству. Представитель Викжеля об этом напомнил:

"...Хотя Москва и окружена правительственными войсками, но, борясь с контрреволюцией, мы не допустим правительственные войска ни в Москву, ни в Петроград. Сейчас мы посылаем делегацию к Керенскому, чтобы сказать ему наше решение, и если бы даже Керенский вошел в Петроград, то и в этом случае ему пришлось бы сдать, так как железнодорожный союз закроет все пути к Петрограду".⁷

(Так уже было: в дни похода Корнилова, когда саботаж Викжеля стал "одной из важнейших причин поражения корниловщины").⁸

История повторялась. В критические дни октябрьского переворота Викжель в который раз спасал левых радикалов:

"...Когда дошло известие, что армия Юго-Западного фронта сдвигает полки на усмирение большевиков и когда определенно сказали, что недалеко от Москвы эти

полки, и если они придут, они подавят большевиков, ...мы прибегли к героическому средству, чтобы остановить это кровопролитие, и заявили, что... в ночь с 29 на 30 будет объявлена всеобщая забастовка".⁹

Но в критические дни октябрьского переворота Викжель не только *не* пускал в столицы правительственные войска, Викжель еще и *пропускал* большевистские. Представитель Викжеля в Моссовете рассказывал:

"Вы знаете, что дороги северные, фронтовые, давали телеграммы: сейчас идут большевистские войска, мы хотим пустить их под откос, позвольте нам это сделать. Викжель говорил: не смейте этого делать... ..Перед нами стал вопрос: если мы допустим подавление большевиков, мы допустим подавление пролетариата, подавление революции. Этого... мы не могли... допустить..."¹⁰

Вот за это решение Викжеля, за эту неоценимую услугу платил теперь председатель съезда Каменев вежливостью и покорностью. Хотя существенных уступок он не сделал, ему пришлось обещать придти на "совместное заседание".¹¹

В 7 часов вечера в помещении Викжеля открылось первое совещание представителей социалистических партий и организаций по вопросу о создании многопартийного правительства. От ЦК РСДРП (б) на совещании присутствовали Каменев и Сокольников; от ЦК меньшевиков — Дан и Эрлих; от меньшевиков-интернационалистов — Мартов, Мартынов, Абрамович и Семковский; от ЦК ПСР — Якобин и Гендельман; от левых эсеров — Малкин; от объединенной еврейской социалистической партии — Гутман; от польской социалистической партии — Лапинский; от еврейской СДРП "Поалей-Цион" — Бару; от Центрального Бюро объединенных социал-демократов-интернационалистов — Каттель и Блюм; от Совнаркома — Рыков; от ВЦИК — Рязанов и Сагарашвили; от Комитета Спасения Родины и революции — народный социалист Знаменский и меньшевик Вайнштейн; от Петроградской Думы и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов — эсер Покровский; и другие — всего 26 человек, помимо членов Викжеля.¹²

Эта разношерстная компания начала бесплодные и заранее обреченные на провал переговоры. Прежде всего Каменев от имени ВЦИК заявил, что "соглашение возможно и необходимо". Условия: платформа Второго съезда Советов; ответственность перед ВЦИКом; соглашение в пределах всех партий, от большевиков до народных социалистов включительно. "Для ВЦИКа на первом месте стоит программа правительства и его ответственность, а отнюдь не личный его состав", — закончил Каменев, дав понять, что готов отказаться от кандидатур Ленина и Троцкого. Но присутствовавших это явно не удовлетворило. Вайнштейн и Гендельман высказались против участия большевиков в правительстве вообще. Дан в дополнение к этому предложил распустить ВРК и объявить Второй съезд Советов несостоявшимся и потребовал прекратить террор. Прочие были менее жестки. Мартов в примирительной речи призвал к соглашению "обоих лагерей демократии". Малкин предложил пропорции для будущего правительства: 40 % большевиков, 40 % оборонцев и 20 % интернационалистов. В принципе никто не возражал. Сокольников же заявил, что ЦК большевиков в основном разделяет позицию Викжеля и любезно предложил — сам! — социалистическим партиям разделить власть вместе с большевиками. Все конфликты, кажется, были разрешены, и для конкретизирования внесенных предложений избрали очередную комиссию в составе Дана, Каменева, Рязанова, Сокольникова, представителей Викжеля, Петроградской Думы и ЦК ПСР. Комиссия работала всю ночь с 29 на 30 октября.¹³

Утром 30-го состоялось новое заседание. От большевиков были Рязанов, Каменев, Сокольников, Рыков; от левых эсеров — Закс, Калегаев, Спиро, Карелин, Шрейдер. Но к соглашению так и не пришли. Вопрос о включении большевиков в состав однородного социалистического правительства не был решен совещанием ввиду разногласий. Заслушали доклад комиссии, избранной совещанием для переговоров с Керенским, и отложили заседание до вечера. А вечером опять заседали. И под угрозой вторжения войск Керенского и из-за боязни рвать с Викжелем большевики дали согласие на создание "Временного Народного Совета" из 420 человек, формируемого вместо распускаемого ВЦИКа Советов. Томились, сидели до утра.

Начали обсуждать кандидатуры будущего правительства, причем все партии заявили, что не уполномочены выражать окончательное мнение. На пост министра-председателя выдвинули Чернова и Авксентьева, но кандидатура последнего была снята, так как против высказались большевики. На кандидатуре Ленина никто из большевиков всерьез даже не настаивал. На пост министра иностранных дел выдвинули первоначально Авксентьева, Скобелева, Троцкого и Покровского. Двое последних предложены были большевиками. Но после краткого обмена мнений кандидатуры Троцкого и Скобелева были сняты. Намечены были и кандидатуры других министров. И в этом духе составлен был с одобрения представителей большевиков проект соглашения, после чего совещание прервали.¹⁴

Ленин, однако, был далек от того, чтобы отдать Чернову власть. Свой первый бой он дал 1 ноября на заседании Петербургского комитета РСДРП (б), посвятив свой доклад кризису в большевистской партии:

”Зиновьев и Каменев говорят, что мы не захватим власти. Я не в состоянии спокойно выслушивать это. Рассматриваю как измену...¹⁵ ...Соглашение?...¹⁵ Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно...

Нам бы еще стали предлагать соглашение... с Викжелем... Это торгашество... Согласиться с соглашателями, а потом они будут вставлять палки в колеса... Если будет раскол — пусть. Если будет их большинство — берите власть в Центральном Исполнительном Комитете и действуйте, а мы пойдем к матросам. Мы у власти... Они говорят, что мы одни не удержим власти... Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь возможна только социалистическая революция. ...Необходимо арестовывать, — и мы будем. И пускай нам это будут говорить ужасы о диктатуре пролетариата. Вот викжелевцев арестовать — это я понимаю. Пускай вопят об арестах... Наш лозунг теперь: без соглашений, т.е. за однородное большевистское правительство!”¹⁶

Ленина поддержал Троцкий:

”Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя... Ведь никто еще не знает, какие жесткие меры мы вынуждены будем проводить... Почему, на каком основании, эту партию, которая захватила власть с бою, ...они хотят обезглавить, отстранив Ленина? ... Всякая власть есть насилие, а не соглашение”.¹⁷

В эти первые дни своей власти Ленин успел соответствующе зарекомендовать себя. И у тех большевиков, что по наивности сохраняли еще веру в нетираническую форму коммунистического правления, Ленин стал вызывать беспокойство, недоверие и раздражение. Кое-кто из большевиков видел в нем Бонапарта. Кое-кто из эсеров и меньшевиков – Робеспьера. А Ленин, между тем, боролся за власть, отстаивал ее в борьбе не только с врагами, но и с друзьями. Лишь Троцкий был верной опорой Ленина и поддерживал его во всем. Когда 1 ноября на долгом, томительном заседании ЦК РСДРП (б), тянувшемся весь вечер, да еще и ночь на 2-е, Каменев, как председатель большевистской делегации на переговорах, делал доклад о совещании с Вик-желем, он знал, что самой резкой критике его подвергнут два радикала – Ленин и Троцкий, настроенные против соглашения, поговаривавшие не об отставке, не об обороне, но о самых решительных акциях в отношении своих социалистических оппонентов.

Ленин считал, что переговоры, которые вел Каменев, ”должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий”, что во что бы то ни стало ”нужно отправить солдат в Москву” и что ”политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент”. Троцкий заявил, что из хода переговоров с социалистическими партиями ”ясно только, как партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг”. Троцкий продолжал:

”Незачем было устраивать восстания, если мы не получим большинства [в правительстве]: если они этого не захотят, ясно, что они не хотят нашей программы. Мы должны иметь 75%. Ясно, что мы не можем дать права отвода, точно также мы не можем уступить председательства Ленина; ибо отказ от этого совершенно недопустим”.¹⁸

На заседании ЦК в тот день мнения разделились. Ленина и Троцкого поддержали Урицкий и Дзержинский. Зиновьев считал, "что было бы весьма важным, если бы партия наша теперь добилась соглашения" с другими социалистическими партиями, что для большевиков "ультимативны два пункта: наша программа и ответственность власти перед Советом как источником власти".¹⁹ Зиновьев, таким образом, допускал возможность отстранения Ленина и Троцкого от руководства советским правительством. Рязанов считал, что "соглашение неизбежно".

"В Питере даже власть не в наших руках, но в руках Советов, от этого отвертеться нельзя. Если сойти с этого пути, то мы останемся совершенно одни и безнадежно одни. Мы уже сделали ошибку, когда возглавили правительство и заостряли на именах;²⁰ если бы мы этого не сделали, за нас были бы средние бюрократические круги".

Рязанов далее сообщил, что через два-три дня большевики будут стоять перед необходимостью выдавать по 1/4 фунта хлеба в день.

"Если мы сегодня отказываемся от соглашения, то мы остаемся без левых эсеров, без всего, остаемся перед фактом, что мы обманули массы, обещав им советское правительство. ...Следствия наступления будут еще ужасней наступления 18-го [июня]. Начнется раскол внутри".²¹

За соглашение высказался и Милютин, который поставил вопрос, "будем ли мы настаивать на том, чтобы удержать власть исключительно в наших руках. Если да, то все эти переговоры ни к чему. Но если мы не будем слишком увлекаться не только в военном отношении, то нам станет ясно, что длительную гражданскую войну мы выдержать не сможем. Объективно мы уже провели нашу программу. Власть советская необходима, при этой власти необходимо соглашение". О том же говорил и Рыков, относившийся к переговорам "серьезно": "Если мы прекратим их, то от нас отшатнутся и те группы, которые нас поддерживают, и мы не в состоянии будем удержать власть. Каменев совершенно правильно вел переговоры".²²

В те критические для большевиков дни полураскола левые эсеры все больше смыкались с ними. 1 ноября Петроградская

эсеровская конференция, 99 делегатов которой из 103-х были левыми эсерами, призвала левых к полному подчинению Совнаркому и к совместной с большевиками работе в Военно-Революционном Комитете. О том же заявила и фракция левых эсеров во ВЦИК.²³ На переговорах о формировании коалиционного социалистического правительства, после устроенного Лениным и Троцким разгона "согласительной" комиссии, левые эсеры взяли на себя роль посредников, согласились представлять интересы большевиков и вести переговоры с эсерами, меньшевиками и Викжелем от имени двух партий — ПЛСР и РСДРП (б). В связи с этим на заседании ЦК РСДРП (б) от 1 ноября решено было переговоры о создании однородного социалистического правительства продолжать. В резолюции, принятой по этому поводу, говорилось:

"ЦК постановляет: разрешить членам нашей партии, ввиду уже состоявшегося решения ЦИК, принять сегодня участие в последней попытке левых с.-р. создать так называемую однородную власть с целью последнего разоблачения несостоятельности этой попытки и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти".²⁴

Параллельно с заседанием ЦК РСДРП (б) шло и заседание ВЦИК, в порядке дня которого также стоял вопрос о ходе переговоров на совещании при Викжеле. Из-за того, что заняты были большевики, все откладывалось вциковское совещание, открылось лишь поздно вечером и длилось всю ночь с 1 на 2 ноября. Представитель Викжеля М.Ф. Крушинский в речи своей лишь подтвердил позицию профсоюза железнодорожников. За создание однородного социалистического правительства вновь высказались левые эсеры.²⁵ На все это большевики ответили резким отказом. И Володарский прочитал только что заготовленный на заседании ЦК РСДРП (б) проект резолюции ВЦИК, существенно изменявший проект соглашения, достигнутого Каменевым на совещании при Викжеле. Карелин, однако, заявил, что "резолюция Володарского левых эсеров не удовлетворяет: в ней очень много категоричности и формальной непримиримости". Он сказал также, что Второй съезд Советов нельзя считать единственным

источником власти до тех пор, пока во ВЦИК не введены представители ЦИК Советов крестьянских депутатов. Вместе с этим ПЛСР настаивала на увеличении представительства ЦИК до 150 человек при одновременном сокращении представительства городов до 50.²⁶ Но это означало для большевиков если не мгновенную, то скорую потерю большинства во ВЦИК, и РСДРП (б) ответила категорическим отказом.

При поименном голосовании за резолюцию большевиков высказалось 38 человек. За резолюцию левых эсеров — 29. Голосовали строго по партийному признаку, и исход голосования поэтому был предрешен, так как большевиков было существенно больше.²⁷ После объявленного по просьбе левых эсеров часового перерыва голосовали снова, теперь уже по пунктам, но все поправки, кроме одной — ”включение ушедших из съезда во ВЦИК по пропорциональному представительству” — также были отклонены большевиками. Тогда сдались и левые эсеры. При окончательном голосовании они, вместе с большевиками, выступили за принятие резолюции Володарского, которая и была одобрена единогласно при одном воздержавшемся. Меньшевики в голосовании не участвовали, а после принятия резолюции большевиков покинули зал заседаний.²⁸

Эту победу Ленин не рассматривал как значительную. Было привычно уже, что, поупрямившись и поломавшись, ПЛСР в конце концов во всем с большевиками соглашалась. Другое дело — оппозиция внутри РСДРП (б). Именно здесь подстерегала Ленина главная опасность. И в борьбе с нею он пробовал сочетать кнут и пряник. 2 ноября на заседании большевистского ЦК он предложил к рассмотрению написанную им резолюцию ”По вопросу об оппозиции внутри ЦК”. В резолюции, в частности, указывалось, что ”без измены лозунгу советской власти нельзя отказываться от чисто большевистского правительства... победа социализма в России и Европе обеспечивается только неуклонным продолжением политики теперешнего правительства...” Но еще уступал Ленин вот в чем:

”Центральный Комитет подтверждает, что, не исключая никого со Второго Всероссийского съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию

этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти...”²⁹

Пункт этот был основной ленинской уступкой и оппозиции внутри ЦК, и левым эсерам, хотя в целом резолюция предназначалась прежде всего для очередного заседания ВЦИК, начавшего свою работу вечером 2 ноября и продолжавшегося до раннего утра 3-го. Заседание было малочисленным. Присутствовало (судя по результатам голосований) 39 человек. Но на этом заседании, которому ни Ленин, ни Троцкий не уделили должного внимания, большевистские диктаторы понесли одно из самых тяжких своих поражений. Сначала Малкин от имени фракции левых эсеров огласил ультиматум о необходимости пересмотра резолюции ВЦИК от 1 ноября по вопросу о платформе соглашения социалистических партий. Протоколы заседаний ВЦИК далее отмечают: ”Затем тов. Зиновьев читает заявление ЦК партии и прибавляет, что это заявление фракцией большевиков еще не обсуждалось”.³⁰ Вероятно, речь шла о резолюции по вопросу об оппозиции внутри ЦК, принятой на заседании ЦК РСДРП (б) 2 ноября.³¹ Резолюция эта действительно во вциковской фракции большевиков не обсуждалась. И фракция попросила о часовом перерыве, во время которого ленинская резолюция была фракцией отвергнута, а вместо нее принята новая, оглашенная Каменевым во ВЦИК в форме проекта в 3 часа 15 минут утра 3 ноября: ВЦИК

”считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий..., которые признают завоевания революции 24/25 октября... [ВЦИК] постановляет поэтому продолжать переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения. Центральный Исполнительный Комитет расширяется до 150 человек...”³² В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерство труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть предоставлены большевистской партии во всяком случае... Постановляется настаивать на кандидатурах товарищей Ленина и Троцкого”.³³

И уже уступив левым эсерам в главном — расширении состава ВЦИК до 150 человек, и более — предоставив в правительстве половину мест левым эсерам, эсерам и меньшевикам, фракция большевиков все еще боялась, что левые эсеры таким проектом резолюции не удовлетворятся. Поэтому большевик Стеклов обратился к левым эсерам с призывом не отклонять проекта, подчеркнув "необходимость для делегации ВЦИК выступить не с двумя, а с одной резолюцией":

"Наши противники стремятся нас разъединить, но если большевики и левые с.-р. расходятся в частностях, то в общем [и] целом они согласны. Поэтому предлагаю товарищам левым с.-р. голосовать за большевистскую резолюцию. Моральное значение такого шага будет велико".

Карелин со Стекловым согласился:

"Резолюция большевиков является шагом в сторону соглашения. Мы поэтому голосуем за эту резолюцию, оставляя за собой право изменения некоторых деталей, как, например, вопроса о представительстве крестьян".

Большинством голосов против шести при одном воздержавшемся большевистская резолюция была принята ВЦИКом. Тогда же "для продолжения ведения переговоров о составлении правительства" была избрана комиссия в составе пяти человек: от большевиков — Каменев, Зиновьев и Рязанов; от левых эсеров — Карелин и Прошьян. Но уже сейчас левым эсерам передавался наркомат земледелия. В протоколах об этом было записано следующее: "Тов. Прошьян от имени с.-р. предлагает, чтобы министерство земледелия было предоставлено левым с.-р. Заявление с.-р. принимается единогласно".³⁴

Ленина эти события привели в бешенство. 3 ноября он предъявил "Ультиматум большинства ЦК РСДРП (б) меньшинству". О том, как Ленин добился "большинства" в ЦК, писал А. Бубнов: Ленин приглашал к себе в кабинет отдельно каждого члена ЦК из находившихся в тот период в Петрограде, знакомил с текстом ультиматума и требовал подписать его.³⁵ Ультиматум был оглашен на заседании ЦК 4 (17) ноября.³⁶ ЦК предложило меньшинству "подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции" от

2 ноября. Ультиматум подписали Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, М. Урицкий, Дзержинский, А. Иоффе, А. Бубнов, В. Сокольников и М. Муранов.³⁷

В ответ на этот ультиматум меньшинство в составе Ю. Каменева, А. И. Рыкова, В. Милютина, Г. Зиновьева и В. Ногина опубликовало заявление о выходе из состава ЦК РСДРП (б).³⁸ Только теперь понял Ленин, что пренебрегал оппозицией зря, что недооценил ее решимость, а на заседания ВЦИК не являлся напрасно. Эти ошибки он решил исправить 4 ноября. В тот день на заседание ВЦИК явился весь цвет большевистской партии: бой предстояло дать по всему комплексу вопросов, причем как левым эсерам, так и оппозиционерам из РСДРП (б).

В порядке дня первым стоял вопрос об обсуждении принятого большевиками 27 октября декрета о печати, против которого выступила оппозиция.³⁹ Выступавший от ее имени Ларин попробовал, однако, подойти к проблеме несколько шире:

”Вопрос о печати нельзя выделить из всех остальных стеснений, применяемых революционной властью, — арестов, обысков и тому подобное... Вопрос о печати один из частных вопросов, который нельзя вырывать из общей необеспеченности граждан...”

Ларин в заключение предложил резолюцию, отменяющую декрет о печати. Но ему возразил большевик-ленинец Аванесов, пытавшийся взять большевистской диалектикой:

”...Я должен заявить, что право на закрытия буржуазных газет в период боевых действий в момент восстания как будто никем не оспаривалось... Отстаивая свободу печати, мы полагаем, что в это понятие нельзя вкладывать старые понятия мелкобуржуазных и буржуазных свобод. ...Было бы смешно полагать, что советская власть может под свою защиту взять старое понятие о свободе печати”.

Аванесов ни в чем не убедил оппозицию. Левый эсер Колегаев заметил: ”Мы не смотрим на вопрос о свободе печати, как на мелкобуржуазные предрассудки... В резолюции бросаются демагогические слова и замазывается суть вопроса...”⁴⁰ Но сам Колегаев сути вопроса касаться не стал. Ее затронул Троцкий:

”Здесь два вопроса связывают между собой: 1) вообще о репрессиях, и 2) о печати. Требования устранения всех репрессий во время гражданской войны означают требования прекращения гражданской войны... В условиях гражданской войны запрещение других газет есть мера законная... Вы говорите, что мы [до революции] требовали свободы печати для ”Правды”. Но тогда мы были в таких условиях, что требовали минимальной программы. Теперь мы требуем максимальной”.

Подобной софистике трудно было не удивиться даже левым эсерам. Карелин заметил: ”Существует готтентотская мораль: когда у меня крадут жену — это плохо, а когда я краду — это хорошо...”

Троцкого поддержал Ленин: ”Троцкий был прав... Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет — значит перестать быть социалистом”. Но Ленин привел и еще один аргумент — и куда теперь деваться было Карелину с его готтентотской моралью —

”И закрывали же ведь царские газеты после того, как был свергнут царизм. Теперь мы свергли иго буржуазии. Социальную революцию выдумали не мы, — ее провозгласили члены Съезда Советов, — никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена...”⁴¹

Вот только теперь и начинался открытый бой. Стало ясно, что никакой ошибки, никакого недоразумения — на что все еще хотели рассчитывать левые эсеры — в декрете о печати нет. Малкин и обратил внимание прежде всего на эту сторону вопроса:

”Когда эта резолюция была внесена, мы думали, что предлагаемая нам диктатура репрессий принята под давлением той диктатуры паники, которая охватила большевистских максималистов, оказавшихся в победоносном одиночестве. Но нам здесь, в речах т.т. Троцкого и Ленина, была дана попытка укрепить эту диктатуру идеологически... Мы предлагаем ЦИК немедленно отменить все ограничения свободы печати”.

Но резолюция Ларина была отклонена. За нее проголосовало 22 человека против 31-го. За резолюцию большевиков — 34 против 24 при одном воздержавшемся. Не обошлось и без резких заявлений и ультиматумов. После объявленного получасового перерыва слово взял левый эсер Прошьян:

“...Принятая большинством ЦИК резолюция о печати представляет собой яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны. Фракция с.-р., оставаясь в составе ЦИК, ...не желает ни в какой мере нести ответственность за гибельную для революции систему террора и отзывает всех своих представителей из Военно-Революционного Комитета, из Штаба и со всех ответственных постов”.⁴²

Ленина с Троцким ожидал еще один неприятный сюрприз. Для “внеочередного заявления” слово взял Ногин и огласил подписанную группой большевистских наркомов декларацию об уходе в отставку.⁴³ Но и это было еще не все — оппозиция наступала безостановочно — фракция левых эсеров обратилась к Ленину со “спешным запросом” по поводу того, что “за последние дни опубликован ряд декретов... без всякого обсуждения и санкции ЦИК. В таком же порядке проведены правительственные действия, фактически отменившие начала гражданских свобод”. Левые эсеры запрашивали в связи с этим, “на каком основании проекты декретов и иных актов не представляются на рассмотрение ЦИК” и “намерено ли правительство отказаться от установленного им совершенно недопустимого порядка — декретирования законов”.⁴⁴

Удар был продуман верно. Отвечать на такие обвинения Ленину было просто нечего. Он стал огрызаться: “Апологеты парламентской обструкции... Если вы недовольны, созывайте новый съезд, действуйте, но не говорите о развале власти. Власть принадлежит нашей партии...” Троцкий, конечно же, Ленина поддержал. А Воровский предложил резолюцию, легализующую “декретирование законов”: “Советский парламент не может отказать” СНК “в праве издавать без предварительного обсуждения ЦИК неотложные декреты...”⁴⁵ Эта резолюция и была принята 25 голосами против 23-х.

Большевики победили. И все-таки одну конкретную проблему им приходилось решать немедленно: необходимо было заменить ушедших со своих постов большевистских функционеров. Здесь-то и вспомнил Ленин о вчерашнем решении ВЦИК назначить левого эсера на пост наркома земледелия. Эту должность Ленин предложил Колегаеву. Но — не удалось. Прошьян немедленно напомнил Ленину "о постановлении фракции левых эсеров об отзывании всех представителей из всех советских органов". Малкин добавил при этом, что фракция левых эсеров

"могла бы принять это предложение при образовании однородной социалистической власти, при немедленном аннулировании декрета о печати и прекращении политики репрессий, для того, чтобы возможно было закончить переговоры на основе той резолюции о соглашении, которая принята ЦИК".

Троцкий сделал вид, что отказом этим не слишком расстроен: "С таким багажом мы не можем допустить левых социалистов-революционеров в Совет народных комиссаров. Или Авксентьев, или мы". А Малкин в ответ обвинил Троцкого в нарушении резолюции ВЦИК: "Троцкий своей ультимативной постановкой вопроса опорачивает вчерашнее постановление ЦИК о переговорах с этими самыми Гоцами и Авксентьевыми".⁴⁶

На следующий день, 5 ноября, Ленин вновь встретился с представителями ПЛСР для обсуждения вопроса о вхождении левых эсеров в состав СНК,⁴⁷ но ПЛСР снова ответила отказом, уже не слишком решительно, уже с пониманием, что вот именно сейчас пришел срок левым эсерам получить от Ленина и Троцкого больше, чем могли они дать до раскола внутри РСДРП (б), когда единым фронтом стояли большевики, а на левых и правых раскалывались эсеры.

В переговорах левых эсеров с другими социалистическими партиями по вопросу о соглашении большого прогресса не наблюдалось. Левые меньшевики, составлявшие большинство в меньшевистском ЦК, потребовали, как предварительного условия, восстановления свободы печати, прекращения арестов и отмены политического террора. Требования эти для большевиков были не из приятных. Но Карелин усмотрел во всем этом другой, куда

более важный для Ленина момент — раскол социал-демократов на правое и левое крыло. Вывод, который Карелин сделал во ВЦИК 6 ноября, свелся к принципиально новой позиции левых эсеров в вопросе о формировании однородного социалистического правительства: "соглашение с правыми социалистическими партиями отпадает и возможны переговоры о соглашении между левыми".

Этот сдвиг Карелина влево, эту новую нотку — нежелание левых эсеров идти на соглашение с правыми социалистическими партиями — Ленин уловил мгновенно. Предложенная Карелиным резолюция была составлена таким образом, что в своей первой части позволяла трактовать ее достаточно свободно, а во второй — не содержала ничего конкретного:

"ВЦИК считает необходимым, чтобы ввиду приближающихся выборов в Учредительное собрание была обеспечена свобода письменной и устной агитации и чтобы было приступлено к освобождению арестованных в связи с установлением нового порядка, за исключением тех лиц, пребывание коих на свободе в эти дни угрожает новому порядку. ...ВЦИК постановляет продолжать переговоры об образовании общесоциалистического правительства на основе резолюции, принятой ВЦИК на заседании [в ночь на] 3 ноября".⁴⁸

Но и такую умеренную резолюцию левых эсеров ВЦИК не принял, хотя и постановил "продолжать переговоры на основе резолюции от 2 [3] ноября и закончить эти переговоры в кратчайший срок". Это была последняя резолюция ВЦИК, принятая по вопросу о формировании однородного социалистического правительства.⁴⁹ Никаких переговоров в Петрограде с тех пор фактически не проводилось. Против соглашения с социалистическими партиями выступил Петроградский Совет.⁵⁰ На формировании коалиционного правительства с эсерами и меньшевиками не настаивали уже и левые эсеры. А во ВЦИК у сторонников Ленина—Троцкого было прочное большинство.

Другое дело — Москва. На нее сторонников Ленина—Троцкого уже хватало. Там верховодил Рыков. 7 ноября на заседании Исполкома Моссовета он выдвинул от имени фракции большевиков

ту самую резолюцию, которую 2—3 ноября предлагал ВЦИКу Каменев и которая так взбесила Ленина. Предложив Моссовету резолюцию, Рыков еще и оправдывался, что он — ”враг репрессий и террора и потому вышел из состава ЦК партии и Совета нар. к-ров, но сейчас создаются условия, которые заставляют идти на это”. Наконец, от имени партии большевиков, Рыков обещал членам Исполкома, что власть в России будет передана Учредительному собранию сразу же после его созыва. В протоколах заседания отмечено:

”Т. Исуев далее спрашивает, гарантирует ли власть полную свободу выборов в Учредительное собрание и, если соберется Учредительное собрание, подчинится ли она ему и сдаст власть. Т. Рыков отвечает, что полная свобода выборов в Учредительное собрание будет гарантирована и что как только будет созвано Учредительное собрание, ему будет передана власть”.⁵¹

Однако никакого соглашения между социалистическими партиями ни вообще, ни в Москве не состоялось, т.к. более жесткую, чем ранее, позицию заняли теперь эсеры и меньшевики. Они настаивали на удалении из правительства Ленина и Троцкого. А на это, в свою очередь, не шли не только большевики, но и левые эсеры. Последние считали, что без Ленина и Троцкого социалистическое правительство России не сможет функционировать и падет.⁵² В который раз Ленин и Троцкий побеждали не благодаря своей силе, но благодаря слабости своих оппонентов и их внутренним симпатиям к большевикам.

Больше всего нельзя было допустить Ленину с Троцким блока оппозиционеров и ПЛСР. Но и не могли они восстанавливать единство через уступки отколовшемуся меньшинству ЦК партии. Скорее готовы были пойти на соглашение с левыми эсерами, а с оппозиционерами — лучше уж на разрыв. И Ленин предъявил Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину новый ультиматум:

”...Либо немедленно в письменной форме дать обязательство подчиниться решениям ЦК и во всех ваших выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть

ответственные посты в рабочем движении впредь до партийного съезда. Отказ дать одно из этих двух обязательств поставит ЦК перед необходимостью поставить вопрос о немедленном вашем исключении из партии”.⁵³

Если бы оппозиция отступила, для Ленина и Троцкого отпала бы необходимость искать союза с левыми эсерами — все большевистские функционеры остались бы на местах. Но оппозиция не только не отступила, но перешла в наступление. Первым ответил Каменев, обвинивший ленинское большинство ЦК в срыве партийных решений. Его поддержали Рязанов, Милютин, Ларин и Дербышев. И только один отступился сразу же — Зиновьев.⁵⁴

Зиновьева Ленин с Троцким простили, а вот Каменева — нет. На заседании ЦК, состоявшемся в первой половине дня 8 ноября, Каменев был снят с должности председателя ВЦИК в связи с несоответствием “между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева”.⁵⁵ Однако большинство большевистской фракции во ВЦИК как раз и стояло на точке зрения Каменева. И чтобы навязать фракции резолюцию ЦК, к ней были посланы для разъяснительной беседы три члена Центрального Комитета: Троцкий, Сталин и Иоффе. Под их давлением фракция согласилась Каменева с поста снять. Его место занял Свердлов.⁵⁶

Левые эсеры между тем склонялись к идее вхождения в советское правительство. Они приняли это решение не из одного лишь желания получить власть, но прежде всего из опасения, что при наличии столь сильной оппозиции внутри РСДРП (б) большевики не смогут удержать власть в одиночку. Поэтому 8 ноября на конференции военных руководителей ПЛСР для предотвращения падения большевистского правительства левые эсеры объявили о вхождении в состав СНК. Саблин в связи с этим на заседании Моссовета 9 ноября заявил следующее:

”Для меня, так же, как и для моих товарищей, так же, как и для значительной части партии большевиков, было ясно, что правительство большевиков в его чисто большевистском виде не сможет долго просуществовать, ибо опираться только на свою партию оно не может...”⁵⁷

Но свое решение о вхождении в Совнарком левые эсеры объявили первым шагом на пути к созданию многопартийного социалисти-

ческого правительства.⁵⁸ Пока же ответственность за отказ сформировать такое правительство левые эсеры возлагали на ПСР, с одной стороны, и на "часть большевистских лидеров", прежде всего Ленина и Троцкого, с другой.

Саблин символизировал собою в тот день многое. 9 ноября им впервые была образована в Моссовете самостоятельная лево-эсеровская фракция, окончательно порвавшая с ПСР. На заседании Саблин объявил об этом с трибуны под "продолжительные овации". Речь Саблина в основном и была посвящена вопросам практического сотрудничества с большевиками и разрыва с эсерами, причем Саблин заверил Моссовет в том, что при выборе между эсерами и большевиками ПЛСР предпочтет последних.⁵⁹

Видимо, уже 9 ноября между большевиками и левыми эсерами начались конкретные переговоры о вхождении левых эсеров в состав советского правительства.

В бесконечном смещении событий тех дней нити большевистско-левоэсеровских переговоров по различным вопросам не шли параллельно, но постоянно переплетались. И трудно поэтому проследить границу одного соглашения и начало другого. Судя по всему, 10–14 ноября большевики и левые эсеры согласились в целом ряде вопросов: о поддержке большевиками левых эсеров на Крестьянском съезде Советов, о принципиальном согласии левых эсеров вступить в советское правительство, о слиянии ЦИКов Советов крестьянских депутатов, с одной стороны, и рабочих и солдатских, с другой. От имени левых эсеров переговоры вела Спиридонова. От имени большевиков — Свердлов, сделавший в те дни в Совнаркоме доклад о результатах этих переговоров.⁶⁰ Договор, однако, не означал автоматического решения всех противоречий между РСДРП (б) и ПЛСР, а скорее фиксировал принципиальное согласие партий считать урегулированными те или иные вопросы. Так, принципиально согласившись вступить в советское правительство, левые эсеры не хотели делать этого немедленно, прежде всего потому, что считали необходимым предварительно формально отделиться от ПСР и зарекомендовать себя в качестве самостоятельной партии.

События не заставили себя ждать. 10 ноября 1917 г. в Петрограде эсеровский Исполком Всероссийского Совета крестьянских

депутатов, избранный Первым Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, собрал Совещание губернских крестьянских Советов и армейских комитетов. Совещание, большинство делегатов которого составляли эсеры, должно было рассмотреть организационные вопросы, связанные с предстоящим созывом крестьянского съезда, в частности, должно было решить, где съезд будет проводиться — в Петрограде или Могилеве. За Могилев 9 ноября 27 голосами против 23 высказался Крестьянский ЦИК Советов.⁶¹

Эсеры отдавали предпочтение Могилеву прежде всего потому, что опасались ареста в Петрограде, в случае их прибытия туда, Гоца и Чернова. Было также очевидно, что в Петрограде, всецело контролируемом большевиками, съезд не чувствовал бы себя свободно и что не исключены были карательные акции со стороны большевистского правительства. И поскольку с перенесением работы съезда в Могилев большевики и левые эсеры действительно теряли контроль над событиями, они сделали все от себя зависящее, чтобы съезд состоялся в Петрограде. Уже 9 ноября они собрали в столице подобранных ими представителей низовых уездных Советов и делегатов от дивизий, свыше 120 человек.⁶² Все они 10 ноября явились на Совещание; в результате число участников Совещания возросло до 195, причем ставленники левых эсеров насчитывали 110 человек, а большевиков — 55.⁶³ Формально это не имело никакого значения, так как вызванные большевиками и левыми эсерами представители низовых организаций не имели права решающего голоса. Однако эсеры в который раз недооценили своих противников. На первом же заседании Спиридонова от имени большевиков и левых эсеров предложила предоставить "низам" право решающего голоса. И у эсеров не хватило мужества отказать "народным массам". После этого новоиспеченные делегаты большинством голосов, по предложению большевиков и левых эсеров, провозгласили Совещание Чрезвычайным съездом⁶⁴ и постановили открыть его 11 ноября в Петрограде.

Сознавали ли это эсеры или нет, но битва за крестьянский съезд была уже ими проиграна. 10 ноября в выступлении во ВЦИК левый эсер Устинов справедливо констатировал, что "общее

настроение съезда левое". Уступку эсерам большевики и левые эсеры сделали лишь одну, символическую: гарантировали личную неприкосновенность Чернову, Гоцу и Авксентьеву, "чтобы последние могли присутствовать на съезде... и дать отчет".⁶⁵ И с этим приступили к созыву делегатов. Эсеры пробовали сопротивляться, оспаривали законность мандатов большевистских и левозерских делегатов, но и здесь не выдержали натиска. Как указывает советский историк, вокруг мандатного вопроса развернулась "настоящая битва". В результате "левые эсеры и большевики получили значительное большинство на съезде".⁶⁶ Из 330 делегатов 195, или 59%, были левыми эсерами, 65 — эсерами и 37 — большевиками. Беспартийных было 14. На остальные партии приходилось 19 мест.⁶⁷

На таком съезде эсеры не могли чувствовать себя уютно, тем более что большевики и левые эсеры действовали дружным блоком.⁶⁸ Когда представитель ПСР попробовал обвинить большевиков в том, что они "списали" у эсеров декрет о земле, большевикам даже не пришлось защищаться. За них вступился левый эсер Колегаев, не без ехидства отметивший: "Мне кажется, что лучше провести в жизнь spisанный закон, чем ничего не проводить".⁶⁹ На благополучный для себя исход в этих условиях эсерам рассчитывать не приходилось. Они нервничали, метались, дважды уходили со съезда и дважды возвращались. Наконец, ушли в третий раз и не вернулись, а собрались на свое, отдельное совещание. Левому блоку именно это и было нужно. В избранный уже без эсеров Президиум Чрезвычайного съезда вошло 15 человек, включая 10 левых эсеров и 3 большевиков. Председателем съезда избрали Спиридонову.⁷⁰

14 ноября, в соответствии с договоренностью между Спиридоновой и Свердловым,⁷¹ съезд вынес резолюцию с требованием немедленных переговоров о слиянии ЦИКа Советов крестьянских и ЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов. 15 ноября соглашение было утверждено Центральными Исполнительными Комитетами. К 108 членам ВЦИК присоединилось 108 делегатов Крестьянского чрезвычайного съезда, 100 делегатов с фронта и флота и 50 представителей профсоюзов. Все эти группы объединились между собой на платформе Второго съезда Советов.⁷²

По настоянию левых эсеров в резолюцию Крестьянского чрезвычайного съезда 14 ноября был включен и пункт о желательности формирования правительства "из всех социалистических партий от народных социалистов до большевиков включительно". Однако большевики, со своей стороны, внесли в резолюцию дополнение, лишившее левозсеровский тезис об "однородном социалистическом правительстве" какого-либо практического содержания: правительственная коалиция организовывалась на основе программы, принятой Вторым съездом Советов, и только из партий, признавших эту программу. Поскольку и большевикам, и левым эсерам было заранее известно, что на таких условиях эсеры войти в многопартийное правительство не могут, специальный третий пункт резолюции, принятый большевистско-левозсеровским большинством на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов, предусматривал, что, в случае нежелания каких-либо партий участвовать в создании коалиционного правительства, правительство образуют те партии и группы, которые примут "платформу соглашения Исполнительных Комитетов Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов". Резолюция, таким образом, ни в чем не противоречила постановлению ЦК РСДРП (б), принятому 1 ноября 1917 г.⁷³

15 ноября 1917 г. в Смольном состоялось первое заседание объединенных на паритетных началах ЦИКов. Свердлов от имени Президиума немедленно огласил резолюцию, подтверждающую декреты советского правительства о мире и рабочем контроле. Резолюцию по аграрному вопросу предложили левые эсеры. Они подвергли резкой критике Временное правительство всех составов, "правые" группы социалистических партий и большинство избранного в мае Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов за проведение земельной политики, противоречащей "интересам трудового народа". Резолюция левых эсеров предлагала Совнаркому, называемому левыми социалистами-революционерами новым "народно-социалистическим правительством", "принять все меры к практическому осуществлению перехода всей... земли... нетрудовых хозяйств ...и инвентаря в распоряжение демократизированных земельных комитетов. Декрет "О земле" левыми эсерами был поддержан.⁷⁴

Большевики, со своей стороны, приняли левоэсеровскую резолюцию по аграрному вопросу. Как писала "Деревенская беднота", "выступивший от большевиков т. Харитонов, не видя в резолюции существенных противоречий в деле общей рабочей и крестьянской революции", заявил, "что большевики будут голосовать за резолюцию, предложенную левыми эсерами".⁷⁵ Таким образом, 15 ноября потенциальная опасность, исходившая со стороны крестьянских Советов, была устранена. Слияние двух ЦИКов стало одной из важнейших побед большевистско-левоэсеровского блока.

Как для большевистско-левоэсеровских отношений, так и для эсеров-левоэсеровских месяц ноябрь стал важной ступенью. Во время состоявшегося в ноябре Первого съезда ПЛСР левые эсеры вновь рассмотрели вопрос об их отношении к большевикам и эсерам. В целом представители партии левых эсеров выступили за союз с большевиками, подвергнув одновременно с этим резкой критике партию эсеров. Спиридонова, например, заявила, что за большевиками "идет масса, выведенная из застоя", и поэтому "как нам ни чужды их грубые шаги, но мы с ними в тесном контакте".⁷⁶ О том же в выступлении на конференции военной организации левых эсеров несколько раньше говорил и А.М. Устинов: "Идти ли с ними против соглашателей, или наоборот? — Мы пошли с большевиками, хотя и осуждали их тактику". Тактику, но не программу. "В программе у нас разногласий нет". Декрет о земле — "это целиком наша программа". Впрочем, Устинов тут же заявлял, что если бы требования левых эсеров "были выполнены, не было бы большевистского выступления, у них была бы выбита из-под ног почва".⁷⁷

В вопросе о невхождении в состав Совнаркома левые эсеры не были едины. Многие из них считали, что левоэсеровская фракция на Втором съезде Советов "сделала большую ошибку, что не вошла в Совет народных комиссаров". Говорить об однородном правительстве, заявлял делегат Первого съезда левых эсеров Алгасов, можно было только в сентябре, но не в ноябре.⁷⁸ Организационной связи между ПСР и ПЛСР уже не существовало: в ноябре Четвертый съезд ПСР утвердил решение своего ЦК от 29 и 30 октября об исключении левых из эсеровской партии.⁷⁹ С эсерами, таким образом, отношения ПЛСР были теперь разорваны

даже формально. Как результат этого, 17 ноября фракция левых эсеров во ВЦИК, "принимая во внимание, независимо от линии поведения" СНК "безусловную необходимость... создания власти без промедления", сочла "неизбежным для себя участие в создании ответственной перед ЦИК власти и в самих органах этой власти". Большевики же, со своей стороны, вероятно в соответствии с достигнутой ранее между РСДРП (б) и ПЛСР договоренностью, провели через ВЦИК постановление о передаче левым эсерам наркомата земледелия и о введении левыми эсерами своих представителей во все коллегии при СНК.⁸⁰ Наркомом земледелия 24 ноября единогласно был утвержден Колегаев.

Назначение Колегаева наркомом в тот день, вероятнее всего, не было случайным. Дело в том, что 25 ноября, на последнем заседании Чрезвычайного крестьянского съезда, должно было быть вынесено решение о созыве Второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. И было важно, чтобы уже к этому времени левые эсеры формально стали составной частью советского правительства, а наркомат земледелия возглавил левый эсер. Первоначально открытие съезда намечалось на 26 ноября, но состоялось днем позже. Данные о численности фракций на съезде весьма противоречивы. Все исследователи сходятся на том, что из 790 делегатов съезда большевиков было 91. А вот дальше начинаются разногласия. А.В.Шестаков указывает, что эсеров было 370 и они являлись самой многочисленной фракцией съезда, а левых эсеров — 319.⁸¹ По сведениям В. Зайцева, эсеров было только 305, левых эсеров — 350, а беспартийных — 44.⁸² Такие же сведения приводит и Р.М. Илюхина.⁸³ Возможно, разночтения статистических данных связаны с тем, что в ходе съезда численность депутатов менялась. Одни делегаты уезжали домой; другие, новые — прибывали. Кроме того, многие делегаты "перебежали" из одной фракции в другую, что, конечно же, не могло не отразиться на точности статистики.

Уже в первый день работы съезда началась ожесточенная борьба между сторонниками Исполкома (эсерами) и Президиумом Чрезвычайного съезда (большевиками и левыми эсерами). Крайне важно было, кто откроет съезд — Исполком или Президиум. Вопрос этот был отнюдь не престижный. Речь фактически шла

о легализации Исполкомом самого Чрезвычайного съезда и его Президиума. И эсеры вновь потерпели поражение: они признали факт существования Президиума Чрезвычайного съезда.

Большевики и левые эсеры, составив единый блок и получив большинство, открыли Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Председателем съезда избрали Спиридонову. За нее голосовало 246 делегатов. За Чернова — 233.⁸⁴ Борьба, однако, только начиналась. Эсеры подняли вопрос об отношении съезда к Учредительному собранию. Резолюция эсеров, призывающая к защите Собрания, при голосовании, вопреки ожиданиям левозэсеровских и большевистских лидеров, получила большинство голосов. За нее голосовали не только эсеры и беспартийные, но и часть левых эсеров и большевиков.

Соотношение сил на съезде резко менялось в пользу эсеров. Многочисленные левые эсеры стали переходить в эсеровскую фракцию, прибывали новые делегаты от партии эсеров. По тактическим соображениям в эсеровскую фракцию начали записываться и некоторые беспартийные. Большевистско-левозэсеровский блок терял свое большинство. Чтобы спасти положение, левые эсеры зачислили в свою фракцию делегатов, не имевших оформленных мандатов. Эсеры пробовали протестовать, но безуспешно. На девятый день работы съезда, 4 декабря, они покинули съезд и до 11 декабря заседали отдельно, назвав себя "Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов (в составе 347 делегатов, стоящих на защите Учредительного собрания)".⁸⁵ Ими было принято несколько резолюций и воззваний, а на 8 января 1918 года назначен новый съезд.

После ухода эсеров большевикам и левым эсерам на съезде уже никто не противостоял. Свердлов не преминул поблагодарить ПЛСР за эту победу:

"В течение долгого времени нам совершенно не удавалось заложить какой-нибудь прочной основы для нашей работы в организациях крестьянства... Когда создался Второй Крестьянский съезд... победа оказалась на стороне левых эсеров, приехавших с мест".⁸⁶

Разногласия между двумя партиями фактически сгладились. Левые эсеры уже не выставляли требования создания "однородного

социалистического правительства”, 5 декабря 1917 г. проголосовали за резолюцию о мире, а на следующий день, вместе с большевиками, обвинили Исполком Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов в борьбе с советской властью и соглашательстве с буржуазией и помещиками.⁸⁷

В разгар работы съезда, 7 декабря, между большевиками и левыми эсерами было достигнуто очередное соглашение. В обмен на согласие ПЛСР придерживаться общей с большевиками политики на крестьянском съезде, СНК постановил “считать приемлемым привлечение [левых] с.-р. в министерства с некоторым изменением условий, предложенных ими”.⁸⁸ На следующий день Совнарком вновь обсудил возможность большевистско-левоэсеровского сотрудничества на уровне наркоматов и 9 декабря вынес постановление о вхождении левых эсеров в Совнарком. Штейнберг назначался наркомом юстиции; Трутовский — наркомом по городскому и местному самоуправлению; Алгасов и Карелин (Михайлов) — “министрами без портфеля”, членами коллегии по внутренним делам; Прошьян — наркомом почт и телеграфов. Колегаев, как и было постановлено ранее, оставался наркомом земледелия, а Измайлович получил должность наркома по дворцам республики.⁸⁹ На том же заседании Свердлов заявил о достижении полного соглашения с ПЛСР по всем пунктам, подчеркнув, что левые эсеры “обязуются проводить советскую политику”.⁹⁰

После ухода эсеров со Второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов земельным делам съезд внимания почти не уделял. Этот вопрос был затронут лишь на последнем заседании, 10 декабря. От левых эсеров с большим докладом выступил делегат Саратовской губернии Н. С. Арефьев. Он осудил эсеров и Временное правительство, чья аграрная политика обусловила “успех народного восстания в октябре”. В то же время Арефьев оценил декрет “О земле” как “благодетельный шаг”. Арефьев подчеркнул также, что декрет “проникнут духом программы партии эсеров без всяких уступок и логических противоречий”. За принятие этого декрета левый эсер благодарил Ленина. Он призвал делегатов высказаться за решение земельного вопроса в духе аграрной программы эсеров и провести в жизнь принцип

уравнительного землепользования: до утверждения Учредительным собранием — на временной основе, а после — на постоянной.⁹¹

Резолюция по докладу была утверждена большинством голосов. В ней, в частности, указывалось, что съезд утверждает новое "Положение о земельных комитетах" и "Временные правила об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений". Документы эти в наркомате земледелия разработали левые эсеры.⁹² В середине декабря большевики нашли возможным утвердить эти документы практически без изменений. ("Временные правила" после утверждения Совнаркомом стали называться "Инструкцией").⁹³ "Положение" и "Инструкция" имели и политическое значение. Несмотря на свой временный характер, "до окончательной земельной реформы", они не упоминали об Учредительном собрании как о высшей и заключительной инстанции для выработки всех аграрных инструкций и законов.⁹⁴

Примерно с этого времени левые эсеры поддерживали большевиков практически по всем вопросам внутренней и внешней политики.⁹⁵ Но что давал большевистско-левоэсеровский союз каждой из двух партий? Может показаться, что выгоден он был только большевикам и с момента зарождения двухпартийной коалиции большевики только и делали, что обманывали простодушных левых эсеров. Такое убеждение, однако, вряд ли соответствует действительности. По отношению к эсерам и кадетам, не говоря уже о "буржуазных" партиях, левые эсеры вели себя точно так же, как большевики. По тактическим соображениям ПЛСР часто колебалась, но уже *после того*, как то или иное политическое решение было принято. Так было после раскола в партии эсеров, после принятия большевиками декрета о печати, после постановления о разгоне Петроградской городской Думы, после ухода эсеров со Второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Так было не раз и в 1918 году.

По отношению к левым эсерам кадеты и эсеры были на правом фланге фронта, а противник справа всегда виднее и ненавистнее. Наоборот, всегда вызывает инстинктивные симпатии у революционеров противник слева. Опасным он никогда не

кажется. Этой тактики "кооперирования налево" поочередно придерживались все политические партии России. Кадеты опирались на левых в борьбе с царским правительством, эсеры считали кадетов препятствием на пути к революции, а вот к левым эсерам относились как к незначительной партийной секте. Последние опирались на стоящих левее большевиков и с их помощью боролись против меньшевиков и эсеров. И только по отношению к большевикам все политические партии, кроме анархистов, стояли "правее". И там, где для левых эсеров большевики были верными союзниками, там для большевиков левые эсеры были потенциальными врагами. До тех пор, пока оставалась в России хоть одна партия, стоявшая "правее" левых эсеров и пользовавшаяся политическим влиянием, большевики готовы были идти на союз с левыми эсерами и даже на отступление перед ними.

Но неизменно твердым оставался курс большевистской партии на однопартийную диктатуру, а успехи этого курса были поистине громадны. За один месяц партия большевиков прошла путь от угрозы создания коалиционного социалистического правительства, где сами большевики оказались бы в меньшинстве, до двухпартийной системы правления, в которой все ключевые посты в государственном аппарате занимали большевистские функционеры. Но и двухпартийная система не устраивала большевиков. Как здесь не вспомнить позднюю остроту Бухарина: "У нас могут быть две партии: одна у власти, другая в тюрьме".⁹⁶ А Сталин о том периоде писал: "Мы имели блок с левыми эсерами и делили руководство с ними... Фактически у нас уже тогда была диктатура пролетариата, так как мы, большевики, составляли большинство". Но подлинная диктатура пролетариата, по словам Сталина, была осуществлена лишь тогда, "когда руководство перешло целиком и полностью в руки одной партии, ...которая не делит и не может делить руководство государством с другой партией".⁹⁷

Однако в первой половине 1918 г. большевики еще нуждались в левых эсерах. Влияние последних оставалось весьма значительным в сельских Советах. Именно это имел в виду Ленин, когда писал:

"В самый момент октябрьского переворота мы заключили не формальный, но очень важный (и очень успешный)

политический блок, ... приняв целиком, без единого изменения, эсеровскую аграрную программу, т.е. заключили несомненный компромисс”.⁹⁸

Потеря левых эсеров в конце 1917 года означала бы не только потерю всякого контроля над деревней, не только осязаемую потерю власти в городах, не только риск создания эсеро-меньшевистско-левоэсеровской коалиции, направленной против большевиков, но и безусловную потерю всякого влияния в Учредительном собрании, а следовательно и неминуемую потерю власти. Путь к коммунистической диктатуре лежал через уничтожение деревни, оппозиционных политических партий, включая левых эсеров, и Учредительного собрания. Именно с разгрома Учредительного собрания и начали большевики выполнение своей триединой задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

1. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Москва—Ленинград, 1928, стр. 25, 81.
2. Там же, стр. 25—26, 82.
3. Там же, стр. 83.
4. С. Коэн. Бухарин и большевистская революция. США, 1980, стр. 7.
5. См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918. Москва, 1958, стр. 122.
6. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. Москва, 1918, стр. 9—10.
7. Там же, стр. 10.
8. Второй Всероссийский съезд Советов, стр. VI, предисловие.
9. Советы в Октябре. Сборник документов. Под ред. С. А. Пионтковского. Москва, 1928, стр. 61.
10. Там же, стр. 60—61.
11. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 10.
12. См.: И. Н. Любимов. Революция 1917 года. Хроника событий, т. VI. Октябрь—декабрь. Москва—Ленинград, 1930, стр. 22.
13. П. Вомпе. Дни Октябрьской революции и железнодорожники. Москва, 1924, стр. 26—32.
14. И. Н. Любимов. Революция 1917 года, стр. 39.
15. Отточие документа.
16. Заседание Петербургского комитета РСДРП (б) 1/14 ноября 1917 г. "Бюллетень оппозиции", № 7, 1929, стр. 32—33.
17. Там же, стр. 35, 36, 37.
18. Протоколы ЦК РСДРП (б), стр. 127, 126, 125.
19. Там же, стр. 125.
20. Т. е. требовали неперменного участия в правительстве Ленина и Троцкого.
21. Протоколы ЦК РСДРП (б), стр. 128.
22. Там же, стр. 127, 128.
23. См.: И. Н. Любимов. Революция 1917 года, стр. 49.
24. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917— февраль 1918 г. ГИЗ, 1929, стр. 155—156.
25. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 11.
26. Там же, стр. 12—13.
27. Из 101 члена ВЦИК, избранных на вечернем заседании 26 октября, большевиками было 62 человека, а левыми эсерами 29 (или 31). Большевики поэтому даже не утруждали себя приходом на заседания в полном составе фракции.
28. См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 15.

29. В. И. Ленин. Сочинения. 4-е изд. Москва, 1941–1962, т. 26, стр. 245–246.
30. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 21.
31. См.: Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 26, стр. 244–246.
32. В проекте резолюции далее указывалось, что к этим "150 делегатам Советов рабочих и солдатских депутатов добавляется 75 делегатов от губернских крестьянских Советов, 80 от войсковых частей и флота, 40 от профессиональных союзов... и 50 делегатов от социалистической Петроградской городской Думы".
33. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 21–22. См. также Г. Зиновьев. Сочинения. Т. 7, часть 2, Ленинград. 1925, стр. 207.
34. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 22.
35. См.: Протоколы ЦК РСДРП (б), примечание 175, стр. 275.
36. См. там же, стр. 275. Протокол этого заседания числится в необнаруженных.
37. См.: Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 26, стр. 248–249.
38. "Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов", № 217, 5 ноября 1917.
39. См.: "Записки института Ленина", т. 1. Москва, 1927, стр. 89–90. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 6–7. СНК фактически предоставил себе право закрывать любые газеты. Декрет задним числом легализовал действия ВРК и отрядов Красной гвардии по закрытию и конфискации газет, в том числе "Речи", "Дня" и "Вестника городского управления".
40. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 23–24.
41. Там же, стр. 24–26.
42. Там же, стр. 26–27.
43. Там же, стр. 27. Протоколы ЦКРСДРП (б), стр. 136. Заявление подписали нарком торговли и промышленности В. Ногин; нарком внутренних дел А. Рыков; нарком земледелия В. Милютин; нарком по продовольствию Т. Теодорович; комиссар по делам печати Н. Дербышев; Д. Рязанов; комиссар государственных типографий С. Арбузов; комиссар Красной гвардии Юренев; заведующий отделом конфликтов в министерстве труда Г. Федотов; заведующий отделом законодательных предписаний комиссариата труда Ю. Ларин. Нарком труда А. Шляпников сделал к заявлению следующую приписку: "Присоединяюсь к общей оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения, но считаю недопустимым сложение с себя ответственности и обязанностей". ("Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов", № 217, 5 ноября 1917 г.).
44. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 28. Запрос подписали В. Карелин, В. Спиро, А. Шрейдер, В. Дмитриевский-Александрович, И. Нестеров, С. Котляревский, И. В. Балашов, Петр Бухарцев, А. Прошьян, С. Зак, Гр. Закс.
45. Там же, стр. 31.

46. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.33.
47. См.: "Вопросы истории КПСС". 1960, № 2, стр.181.
48. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.35.
49. Там же, стр.36. В "Протоколах..." не опубликован протокол № 7 заседания от 7 ноября, возможно потерянный. На заседании ВЦИК 8 ноября доклад согласительной комиссии был включен в повестку дня последним, шестым пунктом. Но о самом докладе в протоколах нет ни слова. Возможно, что последний пункт повестки дня обсужден так и не был, и не было зачитано никакого доклада. (См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.40–46).
50. См. там же, стр.36.
51. Советы в Октябре, стр.44.
52. См.: I.N.Steinberg. In Workshop of the Revolution. New-York–Toronto, 1953, pp.47–48.
53. Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 26, стр.268.
54. См.: Протоколы ЦК РСДРП (б), стр.137, 142–145.
55. Там же, стр.146.
56. См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.40. Раскол в стане большевиков не был долгим. Рыков, Каменев, Милютин и Ногин вскоре раскаялись в своих поступках и на заседание ЦК 29 ноября принесли покаянное заявление с просьбой принять их обратно в состав ЦК. Ленин им отказал, предложив опубликовать покаяние в печати и письменно им ответить, "что назад их не принимаем". Свердлов сомневался: "Можем ли мы формально отказать им во вхождении вновь в ЦК?" Но на сторону Ленина встало большинство членов ЦК, присутствовавших на заседании. Урицкий, например, считал, "что мы не можем их принять обратно в ЦК, так как совершенно нет гарантии, что, оставшись вновь в меньшинстве по какому-либо вопросу, они не выступят с такими же письмами и выступлениями, как только что". Решено было "принять ответ тов. Ленина". (См.: Протоколы ЦК РСДРП (б), стр.154, 155).
57. Советы в Октябре, стр.57.
58. См.: Штейнберг, указ соч., стр.48.
59. См.: Советы в Октябре, стр.58.
60. См.: К.Т.Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр.286–287.
61. См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.48.
62. См. там же, стр.51.
63. См.: В.Владимирова. Левые эсеры в 1917–1918 гг. "Пролетарская революция", 1927, № 4, стр.108.
64. Ввиду того, что на Совещании не были представлены все местные организации, Совещание не могло провозгласить себя очередным съездом.
65. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.51.

66. В. Н. Гинев. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Ленинград, 1977, стр. 225.
67. См.: "История СССР", 1957, № 3, стр. 14. Впрочем, численность делегатов съезда и соотношение числа делегатов партий все время менялись.
68. См.: М. Х[аритонов]. Итоги Второго Всероссийского Крестьянского съезда. "Известия ЦИК", 16 декабря 1917.
69. "Знамя труда", 2 декабря 1917.
70. См.: Х. А. Ерицян. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. Москва, 1960, стр. 112.
71. Очень вероятно, что по крайней мере на каком-то этапе переговоры с левыми эсерами и Крестьянским съездом от имени ЦК вел не Свердлов, а Зиновьев. По крайней мере именно он 15 ноября выступал во ВЦИК с докладом о результатах переговоров. (См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 65). Поскольку в советской историографии до сих пор наложено табу на имя Зиновьева, Свердлова не стала упоминать о нем в своих мемуарах.
72. См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 65.
73. См.: William Henry Chamberlin. The Russian Revolution 1917–1921. v. 1. New York, 1957, p. 352.
74. См.: "Знамя труда", 21 ноября 1917.
75. "Деревенская беднота", 21 ноября 1917.
76. Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Москва, 1918, стр. 35–36.
77. "Знамя труда", 11 ноября 1917. Выступление А. М. Устинова на конференции военной организации левых эсеров.
78. См.: Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров, стр. 60–62. Гельфер и Табаков, выступавшие на съезде, также считали решение левоэсеровской фракции не входить в состав Совнаркома ошибкой.
79. См.: Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров (25 ноября – 5 декабря 1917 г.). Петроград, 1917, стр. 153–154.
80. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 71.
81. См.: "Историк-марксист", 1927, № 6, стр. 40.
82. В. Зайцев. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения советской власти. Москва, 1953, стр. 52.
83. См. статью Р. М. Илюхиной "К вопросу о соглашении большевиков с левыми эсерами". "Исторические записки", т. 73, 1963, стр. 19.
84. Итоги этого голосования косвенно доказывают, что прав Шестаков, так как у большевиков и левых эсеров оказался лишь незначительный перевес над эсерами.
85. Все это не помешало левому эсеру Иващенко утверждать на Петроградском губернском крестьянском съезде, что со Второго съезда ушло

- "ничтожное меньшинство" делегатов. (См.: К. Гусев. Крах партии левых эсеров. Москва, 1963, стр.106). Ничтожное меньшинство, между тем, составляло более 40% делегатов.
86. Я. М. Свердлов. Избранные статьи и речи 1917–1919 гг. Москва, 1939, стр. 79.
 87. "Известия Всероссийского Крестьянского съезда", 8 декабря 1917.
 88. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр.107.
 89. Официально эти назначения утверждены были на заседании ВЦИК 12 декабря.
 90. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр.107–108.
 91. См.: "Голос трудового крестьянина", 13 и 14 декабря 1917.
 92. Проект их был опубликован в "Известиях Всероссийского Крестьянского съезда" 2 декабря 1917 г. Позже они были окончательно утверждены Совнаркомом и опубликованы 13 декабря в "Газете Временного рабочего и крестьянского правительства". "Положение" было подписано Колегаевым и Лениным.
 93. Оба документа исходили из полной отмены декретом о земле помещичьей собственности на землю и передавали ее в распоряжение земельных комитетов. Согласно "Инструкции" все земли сельскохозяйственного назначения делились на две категории – подлежащие и не подлежащие разделению в уравнительное землепользование. Земли первой категории также, в свою очередь, делились на две части. Земли, не превышающие "трудовую норму", оставались в распоряжении прежних владельцев. А земли, обрабатываемые наемным трудом, подлежали перераспределению. Однако пока это был лишь общий принцип. Конкретных указаний по определению размеров трудовых норм "Инструкция" не содержала. Конфискованный инвентарь и скот, по теории, как и земля, подлежал распределению. (См.: Собрание Узаконений РСФСР. 1917, № 7, стр.102–107).
 94. Возможно, это означало, что при выработке этих документов, имевших для ПЛСР принципиальное значение, большевики оставили без изменений эсеровские аграрные законы в обмен на отказ левых эсеров от лозунга "Вся власть Учредительному собранию". В том, что для большевиков принятие этих законов было уступкой, сомневаться не приходится. Ленин неоднократно говорил об этом. Так, 18 декабря он заявил, что большевики, конечно же, обязаны будут дать левым эсерам возможность осуществить их аграрную программу, воздерживаться в СНК при голосовании по аграрным вопросам. (См.: Ленин. ПСС. Т. 35, стр.103). Косвенным доказательством сговора служат январские события. Сразу же после разгона Учредительного собрания большевики выступили против перенесения ряда положений "Инструкции" в закон о социализации земли, а сами земельные комитеты, как самостоятельные учреждения, по требованию большевиков были распущены и заменены земельными отделами Советов. Но в самих

сельских Советах количество левозеролевских функционеров было значительным, чего нельзя было сказать о сельских функционерах партии большевиков. Практическая работа по реализации эсеролевского декрета "О земле" также лежала на партии левых эсеролев.

95. 14 декабря фракция ПЛСР во ВЦИК высказалась за проект декрета о национализации банков: "Мы присутствуем при начале экспроприации экспроприаторов, здесь не может быть двух мнений. Мы готовы всемерно поддержать товарищей большевиков". Устами Штейнберга ПЛСР поддержала большевиков и по вопросу о внешней политике. (Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.149–150, 155). Вместе начали две партии работу по созыву социалистической конференции левых интернационалистов Европы.
96. "Правда", 28 марта 1926, стр. 3.
97. Сталин. Сочинения. Москва, 1949–1951, т. 9, стр.214–215. В общем, как сказал Хрущев 8 апреля 1958 г., "если взял власть в руки, не смотри врагу в зубы, а держи власть крепко". ("Правда", 9 апреля, 1958).
98. В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958–1965, т. 41, стр.57.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОЗЫВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

В воззваниях Военно-Революционного Комитета 25 и 26 октября, в обращении Второго съезда Советов, принятом в ночь на 26 октября, новая советская власть обещала обеспечить созыв Учредительного собрания.¹ Постановление об этом было утверждено 27 октября на первом же заседании ВЦИК второго созыва. В нем указывалось, что "выборы в Учредительное собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12-го ноября".² Лишь до момента созыва Учредительного собрания, как неоднократно заявляла советская власть, оставались в силе и важнейшие декреты новой власти.³ Упоминания об Учредительном собрании не содержалось только в тексте декрета о мире. Но и здесь Ленин клялся, что все предложения о мирном договоре будут переданы на рассмотрение Учредительного собрания, "которое уже будет властно решать, что можно и чего нельзя уступить".⁴ Даже само свержение Временного правительства публично связывалось большевиками с созывом Учредительного собрания. Вот что заявлял на съезде Юго-Западного фронта в Бердичеве главком Крыленко:

"Мы всеми силами стремимся к созыву Учредительного собрания, ибо только оно может успокоить разоренную империалистической войной страну. Да, мы свергли Временное правительство. Но свергли потому, что оно не хотело созывать именно это Учредительное собрание... Мы хотим, чтобы Советы правили бы страной до того дня, когда раздастся властный голос последнего.

И мы хотим, мы требуем от вас, товарищи солдаты, чтобы вы поддержали нас, чтобы вы утвердили лозунг "Вся власть Советам до дня созыва Учредительного собрания".⁵

Как бы в подтверждение этого 28 ноября в избирательные комиссии на местах были разсланы телеграммы за подписью Ленина с приказом продолжать работу по организации выборов и обязательно провести их в установленный еще Временным правительством срок.⁶ Однако в самом постановлении от 27 октября дата созыва Учредительного собрания не называлась, а о первоначальном дне открытия Собрания большевики очень скоро постарались забыть. Категорически против созыва Учредительного собрания выступал Ленин. Троцкий вспоминает:

"В первые же дни, если не часы, после переворота Ленин поставил вопрос об Учредительном собрании.

— Надо отсрочить выборы. Надо расширить избирательные права, дав их 18-летним. Надо дать возможность обновить избирательные списки. Наши собственные списки никуда не годятся... ..Кадетов надо объявить вне закона.

Ему возражали:

— Неудобно сейчас отсрочивать. Это будет понято, как ликвидация Учредительного собрания, тем более, что мы сами обвиняли Временное правительство в оттягивании Учредительного собрания.

— Пустяки... А если Учредительное собрание окажется кадетски-меньшевистски-эсеровским, это будет удобно?...

Ленин со своей позицией оказался одиноким. Он недовольно помахивал головой и повторял:

— Ошибка, явная ошибка, которая может нам дорого обойтись. Как бы эта ошибка не стоила революции головы..."⁷

6 ноября большевики предприняли первую попытку завладеть документами Комиссии по выборам в Учредительное собрание (Всевыборы). В этот день Бонч-Бруевич от имени советского правительства потребовал от Всевыборы предоставить большевикам данные "о работе комиссии вообще и о тех мерах, которые ею принимаются для проведения выборов в назначенный срок". Однако Всевыбора, считавшая большевистский переворот незаконным и

не признававшая большевистское правительство, заявила, что не желает входить в какие-либо отношения с СНК.⁸

В тот же день на заседании ВЦИК был поднят вопрос о том, "возможно ли принять меры, ... чтобы не отодвигая срока созыва Учредительного собрания дать возможность партиям выставить новые списки, так как левым эсерам очень трудно голосовать за правых эсеров, с которыми они фигурируют в общих списках". А большевик Аванесов открыто предложил левым эсерам "поднять вопрос об отсрочке выборов".⁹ Но ПЛСР отказалась, заявив, что, хотя "вопрос о кандидатских списках стоит для нее очень остро", она "считает невозможным отсрочку выборов, а значит и какие-либо перемены в списках, которые технически невозможно провести до 12 ноября".¹⁰

Против отсрочки выборов энергично выступал и связанный с провинцией Свердлов. Он считал, что откладывать созыв Учредительного собрания — значит ослабить позиции большевиков и советской власти на местах.¹¹ За проведение выборов высказались фактически все политические партии России, если не считать анархистов и эсеров-максималистов, с одной стороны, и некоторых консервативных партий, с другой.¹²

Встретив столь дружную оппозицию своим намерениям, большевики решили всячески затягивать выборы, но ставку делать не на отсрочку открытия Учредительного собрания, а на его разгон. 8 ноября В. Володарский на расширенном заседании Петроградского комитета (ПК) РСДРП (б) изложил суть готового плана действий. Массы, заявил Володарский, "никогда не страдают парламентским кретинизмом", особенно в России, где "народ не прошел парламентского этапа". Партия большевиков ставит вопрос о будущем Учредительного собрания "на классовую революционную платформу", и даже при успешном для большевиков исходе выборов осуществит "коренную ломку" Учредительного собрания, в результате которой оно окажется "последним парламентским собранием" России. Но если, продолжал Володарский, "массы ошибутся с избирательными бюллетенями, им придется взяться за другое оружие", так как "Учредительное собрание будет правомочным с точки зрения того класса, который там будет в большинстве, и неправомочно с точки зрения меньшинства".¹³

Некоторые из выступавших в прениях предлагали Учредительное собрание не созывать. Однако не собрать Собрание вообще большевики все-таки не могли. Во-первых, под этим лозунгом они пришли к власти, и политические соображения не разрешали от него отказаться. Во-вторых, большевики считали, что в случае заключения блока с левыми эсерами они имеют шанс на получение в Учредительном собрании если не абсолютного, то по крайней мере относительного большинства. Так, уже во время выборов в Собрание большевик Н. Л. Мещеряков писал в московских "Известиях":

"Вообще выборы идут пока очень благоприятно для революционной демократии, и есть большие основания думать, что в будущем Учредительном собрании большевикам в союзе с примыкающими к ним левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами удастся составить левое большинство".¹⁴

Примерно в том же духе высказывался тогда Луначарский.¹⁵

Если бы Учредительное собрание не было созвано, оно стало бы символом всей антисоветской оппозиции и могло бы объединить страну на борьбу с большевиками и их союзниками. Было очевидно, по крайней мере, что Учредительное собрание будет пользоваться куда большим авторитетом, чем Временное правительство.¹⁶ Учитывая все это ВЦИК Советов 8 ноября 1917 г. единогласно высказался за соблюдение намеченных ранее сроков выборов.¹⁷ На следующий день "Известия ЦИК" опровергли "слухи" о намерениях большевиков отсрочить выборы в Учредительное собрание.¹⁸ А расширенное заседание ЦК РСДРП (б) одобрило решение ВЦИКа и призвало членов большевистской партии "к самой широкой, массовой предвыборной устной и письменной агитации".¹⁹ Заведующий агитационным отделом ВЦИК В. Володарский высказал в связи с этим следующие соображения:

"План агитации у нас таков: у нас написана избирательная листовка и целый ряд плакатов, которые будут готовы завтра. Мы ими засыпем все фабрики и заводы! Необходимо на каждой фабрике, на каждом заводе провести предвыборные митинги и собрания. Максимальную помощь агитаторам мы дадим".²⁰

Начиная с 9 ноября "Правда" ежедневно публиковала избирательный список № 4 – кандидатуры в Учредительное собрание по Петроградскому округу от ЦК и ПК РСДРП (б), военной организации большевиков, комитетов социал-демократии Польши и Литвы, а также ЦК социал-демократии Латвии. Всего – 18 человек. 9 ноября список № 4 опубликовали и "Известия", на что они не имели права, не будучи партийной газетой.²¹ В общем, как свидетельствует советский историк, "печатная агитация большевиков достигла значительного размаха".²²

Политика левых эсеров в отношении Учредительного собрания была динамичной. 12 ноября, в день начала выборов в Учредительное собрание, Б.Д. Камков на первой странице левозероградской газеты "Знамя труда" выступил со статьей, поддерживающей идею созыва Собрания. Камков заявил, что без санкции Учредительного собрания ни одно правительство не имеет права действовать от имени всего народа, что "те, кто против Учредительного собрания, будут сметены с лица земли", что только Учредительное собрание сможет "положить конец губящей страну и революцию гражданской войне".²³ Но в то же самое время в Петрограде во многих местах левые эсеры голосовали и призывали голосовать своих избирателей за список большевистских кандидатов.²⁴ Это было связано с тем, что у эсеров и левых эсеров, составлявших списки кандидатов в Учредительное собрание до своего формального раскола, список был общий. В результате в одних и тех же списках, считавшихся эсероградскими, были как эсеры, так и левые эсеры. Из-за этого создавалась путаница, так как избиратели, голосующие на выборах за ПСР, часто голосовали фактически за левых эсеров. И чтобы, в свою очередь, не отдавать свои голоса эсерам, левые эсеры, в случаях, когда в списках ПСР значились эсеры, предпочитали голосовать за большевиков. Таким образом, заявления советских историков о том, что существование общих эсероградских списков было выгодно эсерам, не соответствует действительности. На общих списках, безусловно, нажились большевики и левые эсеры, а вот эсеры – потеряли.²⁵

12 ноября 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Они дали большинство голосов эсерам. По последним

подсчетом, произведенным советским историком О.Н. Знаменским, в 68 округах (по четырем округам данные есть лишь частичные) голосовало 44 443 тыс. избирателей, в том числе за большевиков 10 649 тыс. или 24%, за эсеров, социал-демократов и депутатов различных национальных партий — 26 374 тыс. или 59%, за кадетов и партии, стоящие правее кадетов — 7 420 тыс. или 17%.²⁶ Из 703 делегатов, избранных в Собрание, 229 были эсерами, 168 — большевиками, 39 — левыми эсерами.²⁷ Таким образом, даже вместе с левыми эсерами, большевики уступали эсерам, хотя и обгоняли кадетов и другие "правые" партии.

Левые эсеры потерпели на выборах полное поражение. Неудивительно поэтому, что им приходилось срочно менять лозунги об отношении к Учредительному собранию. Поддерживать его левые эсеры теперь отказывались. Это ярче всего показал Первый съезд ПЛСР, открывшийся 19 ноября 1917 г. По вопросу об Учредительном собрании на съезде были заслушаны доклады А. М. Устинова и А. Шрейдера.²⁸ Мнения их в основном совпадали. Шрейдер считал, что власть Учредительного собрания должна быть "всемерно и всецело ограничена реальными конкретными завоеваниями революции", а Устинов — что Учредительное собрание, стоящее на позиции народных социалистов, "не удовлетворяет трудовые массы". Оба были за условную поддержку Собрания "поскольку оно встанет на защиту интересов трудовых классов" и "будет защищать социальные ценности", завоеванные в октябре. Из двадцати человек, выступавших в прениях, лозунг "Вся власть Учредительному собранию" защищал лишь один. Некоторые, впрочем, готовы были предоставить Собранию возможность поработать несколько дней или недель, чтобы можно было посмотреть на результаты его работы.

На бойкот Собрания или уход из него левые эсеры соглашались, но дискредитировать себя насильственным роспуском не хотели. Они предпочитали, чтобы самую грязную работу за них сделали большевики. Впрочем, некоторые делегаты съезда соглашались разогнать Собрание в случае, если Собрание, со своей стороны, начнет разгонять Советы, либо если станет очевидным, что Учредительное собрание не сможет провести

социализацию земли. Прошьян, Трутовский и Кац заняли в отношении Собрания большевистскую позицию уже на левоэсеровском съезде. Прошьян, в частности, сказал: "Если мы верим и видим, что началась социальная революция, то власть должна принадлежать Советам... Конечно, отдать власть Учредительному собранию, сложить свое боевое оружие мы не можем и не должны".²⁹ В целом же Прошьян считал, что "не приходится питать никаких иллюзий относительно того, что Учредительное собрание с полубуржуазным большинством своего состава" не будет относиться "сочувственно к тем целям, во имя которых был совершен октябрьский переворот", и что Собрание "не будет укреплять почву для дальнейшего развития социалистической революции".³⁰

Однако многие из левых эсеров еще колебались. Сомнения овладевали и некоторыми большевиками. И только Ленин, казалось, был уверен в себе. По свидетельству Троцкого, "надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, — говорил он, — но вот как насчет левых эсеров?" И Троцкий продолжает:

"Нас, однако, очень утешил старик Натансон. Он зашел к нам "посоветоваться" и с первых же слов сказал:

— А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой.

— Bravo! — воскликнул Ленин. — Что верно, то верно! А пойдут ли на это ваши?

— У нас некоторые колеблются, но я думаю, что в конце концов согласятся, — ответил Натансон".³¹

И Натансон не ошибся. Левые эсеры, переживавшие, по словам Троцкого, "недели своего крайнего радикализма",³² согласились. Они полностью поддержали идею большевистско-левоэсеровского союза. Натансон по этому поводу заявил следующее:

"Почему мы можем быть с большевиками, потому что в основе понимания вступаем ли мы в период социальной революции или должны стоять на точке зрения политической революции, в этом пункте мы сходимся с ними. Вот основа, которой мы можем провести грань между правыми и левыми с.-р."³³

Большевики, тем временем, пытались найти наиболее выгодное для них решение проблемы Учредительного собрания. 20 ноября на заседании СНК Сталин внес предложение о частичной отсрочке созыва. Но предложение было отклонено,³⁴ так как считалось, что такая "полумера" лишь усилит слухи о нежелании большевиков созывать Учредительное собрание. Назначение новой даты также не устраивало большевиков, так как этим они принимали на себя конкретные обязательства, соблюдать которые было не в их интересах. Созывать Собрание без предварительной подготовки его разгона большевики не хотели. Совнарком поэтому обязал комиссара по морским делам П. Е. Дыбенко сосредоточить в Петрограде к 27 ноября до 10—12 тысяч матросов;³⁵ а Г. И. Петровскому и Сталину было поручено "пригласить одного члена Военно-Революционного Комитета и еще того, кого они найдут нужным, и взять в свои руки Комиссию по Учредительному собранию с целью завладеть всеми документами по Учредительному собранию для ориентировки в положении вещей".³⁶

21 ноября большевики, с согласия левых эсеров, добились во ВЦИК утверждения декрета о праве отзыва. С докладом по этому поводу во ВЦИК выступал Ленин, доказывавший, что "право отзыва должно быть предоставлено Советам". Карелин с Лениным согласился: "Поправка тов. Ленина соответствует всем программам минимум социализма. Я вполне присоединяюсь к ней от собственного имени и от имени фракции левых соц.-рев. Это мероприятие естественно и неизбежно".³⁷

Большинством в 67 голосов против 59 декрет в целом был принят. В окончательной своей редакции он предоставил Советам право "назначать пере выборы во все городские, земские и вообще во всякие представительные учреждения, не исключая и Учредительного собрания".³⁸ А еще через два дня был сделан новый шаг на пути к разгону Учредительного собрания. 23 ноября Совнарком назначил комиссаром над Всероссийской Комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание М. С. Урицкого. В то же время, члены Все выборы, отказавшиеся, как и ожидалось, предоставить Сталину и Петровскому документы Учредительного собрания, были арестованы.³⁹ Только после этого, 26 ноября,

Ленин подписал декрет "К открытию Учредительного собрания". Согласно декрету, первое заседание Собрания могло состояться лишь по прибытии более 400 делегатов, т.е. примерно половины от общего числа. Фактически это означало, что 28 ноября Учредительное собрание открыто не будет. А чтобы Собрание не было открыто без большевиков, декрет предусматривал, что его откроет лицо, уполномоченное на это СНК.⁴⁰

Народ, казалось, отсрочкой созыва был не слишком расстроен. 28 ноября массовых манифестаций под лозунгом "Вся власть Учредительному собранию" нигде проведено не было. Мельгунов писал впоследствии, что в Москве в этот день можно было видеть "не слишком внушительную демонстрацию, продефилировавшую под нестройное пение "Интернационала" по Тверской мимо дома Советов, где все еще находилась большевистская штаб-квартира, к зданию университета Шанявского, сделавшемуся центром нелегальной Думы". Демонстрацию организовывали эсеры. К сожалению, их преданность социализму не ограничилась одним лишь пением социалистического гимна. В столь угрожающей для партии социалистов-революционеров ситуации эсеры продолжали тактику кооперирования налево. В организованный "революционной демократией" "Союз защиты Учредительного собрания" эсеры, несмотря на протесты народных социалистов, не допустили кадетов, являвшихся, с точки зрения эсеров, слишком "правыми".⁴¹ Эстафету дискриминации партии народной свободы Ленин перенял немедленно и с готовностью. В течение нескольких дней он собирал "обвинительные материалы" против конституционных демократов,⁴² и 28 ноября, как председатель Совнаркома, утвердил декрет "об аресте вождей гражданской войны против революции": "члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа", подлежали "аресту и преданию суду революционных трибуналов".⁴³

Арест руководителей партии кадетов не был случаен. В Петрограде кадеты, судя по выборам в Учредительное собрание, были второй по популярности политической партией (26,2% голосов избирателей). Именно в связи с созывом Учредительного собрания перед большевиками встал вопрос об уничтожении кадетов как политической силы. Свердлов поэтому на заседании

ЦК РСДРП (б) 29 ноября заговорил о санкциях ЦИК против всей партии кадетов "хотя бы задним числом", предлагая объявить кадетов "врагами народа" еще и постановлением ВЦИК. Партийное решение было важно сделать решением всего советского правительства.

Бухарин шел дальше. В протоколах ЦК РСДРП (б) было записано:

"Тов. Бухарин ставит вопрос о том, нужно ли созывать Учредительное собрание или же оно не созывается? Что нам выгоднее, разбить кадетов по частям или же собрать Учредительное собрание, а потом изгнать оттуда всех кадетов. Он считает второй путь лучшим, так как в широких массах еще живы конституционные иллюзии, а потому и предлагает организовать левую часть, изгнать кадетов и левую часть Учредительного собрания объявить революционным конвентом..."

Бухарин указал при этом, что сделать это будет очень просто, так как конвент будет состоять из левых эсеров и большевиков "с колоссальным преобладанием" последних. Если же Собрание откроют и делегаты других партий, то их можно будет просто арестовать.⁴⁴

Сталин в ответ заметил, "что предложение тов. Бухарина опоздало на сутки... В настоящее время мы определенно должны добить кадетов, или они нас добьют..." Но Бухарина поддержал Троцкий. "Мы ведем линию на революционный конвент", — заявил он и предложил, учитывая, что у большевиков и левых эсеров большинства в Собрании не будет, "собрать всех кандидатов в Питере, чтобы их оповестить о положении дел..." Он считал также необходимым вызвать делегатов-большевиков "по телеграфу сразу же" и, не дожидаясь сбора всех 400 делегатов, открыть конвент.⁴⁵ ЦК в результате решил "кандидатов экстренно не вызывать пока, но в случае необходимости вызвать срочно по телеграфу".⁴⁶ Однако на следующий день, как и предлагал Троцкий, ЦК принял решение о вызове в Петроград большевистских делегатов Учредительного собрания.⁴⁷ Не совсем ясно, шла ли речь о вызове большевиков членов Учредительного собрания для того, чтобы открыть "конвент", не дожидаясь приезда 400

депутатов, или же для того, чтобы как можно скорее набрать 400 депутатов левого блока (большевики, левые эсеры, максималисты — против эсеров) и таким образом попробовать оказаться в большинстве. Устранение кадетов, сосредоточенных практически только в городах, прежде всего в Москве и Петрограде, преследовало те же цели. В то время, как арестовывались кадеты, а эсеры-депутаты оставались в провинции, ни о чем не подозревая, депутаты левого блока, вызванные по телеграфу, спешили в столицу.

Левые эсеры в общем приветствовали устранение партии кадетов с политической арены, хотя и усматривали в самом декрете потенциально опасную для ПЛСР тенденцию большевиков практиковать террор по отношению к целой партии. Левые эсеры, кроме того, были недовольны тем, что декрет "Об аресте вождей гражданской войны против революции" в нарушение установившихся норм отношений ПЛСР и РСДРП (б) был принят большевиками без предварительной договоренности с левыми эсерами. И в этом левые эсеры также усмотрели опасный для себя прецедент. В результате, после длительного обсуждения этого вопроса, левые эсеры решили выразить большевикам умеренное недовольство. Они сделали во ВЦИК запрос о том, "на каком основании арестованы члены Учредительного собрания, которые должны пользоваться личной неприкосновенностью".⁴⁸

Запрос обсуждался на заседании ВЦИК в ночь с 1 на 2 декабря.⁴⁹ За отмену декрета высказались левые эсеры С. Д. Мстиславский и И. З. Штейнберг. Последний считал акт ареста кадетов "нарушением демократии" и требовал, чтобы арестовывали лишь тех, кто действительно был "виновен" в контрреволюционной деятельности, причем в каждом конкретном случае точные данные о причинах ареста Штейнберг предлагал докладывать ВЦИКу. Арестованных 28 ноября кадетов Штейнберг предложил освободить для участия в работе Учредительного собрания, так как в противном случае, по его мнению, Учредительное собрание превратится в филиал ВЦИКа. Вместе с этим Штейнберг подержал ленинский декрет по существу, сказав, что "звание членов Учредительного собрания не должно спасать данное лицо во время беспощадной борьбы с контрреволюцией".⁵⁰

Ленин, однако, отверг половинчатые предложения Штейнберга и был поддержан Троцким.⁵¹ Большинством в 150 голосов против 98 при трех воздержавшихся ВЦИК принял большевистский проект резолюции, подтверждавший "необходимость самой решительной борьбы с... кадетской партией". В резолюции далее указывалось, что "ЦИК обеспечивает и впредь Совету народных комиссаров свою поддержку на этом пути и отвергает протесты политических групп..."⁵²

3 декабря ЦК ПЛСР принял специальное постановление об Учредительном собрании, полностью совпадавшее с позицией большевиков. В нем говорилось, что отношение левых эсеров к Собранию будет всецело зависеть от решения им вопросов о мире, земле, рабочем контроле и отношении Собрания к Советам.⁵³ Эти сходные позиции большевиков и левых эсеров дали возможность двум партиям на Втором Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов поставить на голосование резолюцию об отношении к Учредительному собранию. В ней говорилось, что Собранию будет оказано противодействие, если оно откажется признать за Советами право на власть.⁵⁴

Большевики, со своей стороны, 5 декабря запретили своим делегатам покидать пределы Петрограда. Исключение делалось только для тех, кто уезжал из города меньше, чем на сутки.⁵⁵ Эта мера, конечно же, была принята для того, чтобы из 400 собравшихся в Таврическом дворце делегатов Учредительного собрания большевиков было как можно больше. Вероятно, аналогичное постановление вынес и ЦК левых эсеров.

Одновременно с этим большевики и левые эсеры обратились с воззванием Второго съезда Крестьянских Советов к крестьянству. Проект этого воззвания был составлен Лениным 6–7 декабря и вечером 8 декабря оглашен на заседании съезда. Написанный в жестких тонах, проект осуждал покинувших съезд эсеров и призывал крестьян отозвать из Учредительного собрания тех депутатов, которые не полностью поддерживают решения Второго Всероссийского съезда Советов и Второго Всероссийского Крестьянского съезда. В целом, левые эсеры одобрили проект Ленина, хотя и внесли в него некоторые дополнения и таким

образом несколько смягчили окончательный текст воззвания.⁵⁶ 15 декабря воззвание было опубликовано от имени Всероссийского Совета крестьянских депутатов.⁵⁷ Принятие этого воззвания было связано прежде всего с предстоящим созывом Учредительного собрания и с усилением большевистско-левоэсеровской агитации, направленной против эсеров.

Однако проблемы большевиков, связанные с Учредительным собранием, были далеки от разрешения даже внутри собственной партии. У большевиков, как и у левых эсеров, единодушия по отношению к Учредительному собранию не было. В большевистской фракции Учредительного собрания против откровенного разгона Собрания высказались члены бюро фракции Каменев, Рыков, Милютин и некоторые другие. В связи с этим 11 декабря 1917 г. ЦК РСДРП (б) по предложению Ленина рассмотрел на своем заседании вопрос о смещении бюро фракции. Ленин, поддержанный Свердловым, потребовал от большевистской фракции Собрания полного подчинения ЦК РСДРП (б). На следующий день бюро фракции было переизбрано. Политическими инструкторами фракции назначены были Бухарин и Сокольников. А после острой дискуссии собравшаяся на заседание фракция большевиков в Учредительном собрании единогласно одобрила написанные Лениным "Тезисы об Учредительном собрании",⁵⁸ анонимно опубликованные в "Правде" 13 декабря.⁵⁹

В день принятия ленинских тезисов, 12 декабря, комиссар по делам Учредительного собрания Урицкий выступил с докладом "по текущему моменту" на заседании Петербургского комитета партии. Положение большевиков и левых эсеров было незавидным. Урицкий признал, что "Урал не оправдал ...ожиданий". И в целом — "мы и левые эсеры не составим и половины общего количества". "Созовем ли мы Учредительное собрание? — продолжал Урицкий. — Да, созовем. — Разгоним? — Да, может быть: все зависит от обстоятельств. Разногласия с левыми эсерами теперь все уничтожились... По-моему, жизнь учит их быстро и хорошо..."⁶⁰

Необходимость созыва Учредительного собрания для левых эсеров, однако, была достаточно очевидна. Поэтому 19 декабря четыре левозэсеровских комиссара — Колегаев, Карелин, Штейнберг

и Трутовский — обратились в Совнарком в письменном виде с просьбой рассмотреть вопрос об Учредительном собрании на ближайшем заседании СНК.⁶¹ Просьба была удовлетворена. 20 декабря Совнарком, не связывая себе руки в вопросе о разгоне Собрания, установил дату его созыва: 5 января 1918 г.⁶²

22 декабря ВЦИК утвердил постановление о созыве Учредительного собрания большинством голосов при двух воздержавшихся. Это постановление, однако, было очередной большевистско-левоэсеровской уловкой. Дело в том, что одновременно с созывом Учредительного собрания большевики и левые эсеры намерены были созвать на 8 января Третий Всероссийский съезд Советов, а на 12 января — Третий Всероссийский съезд крестьянских депутатов (Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов и представителей земельных комитетов).⁶³ Съезды Советов, конечно же, созывались в противовес Учредительному собранию, и большевики с левыми эсерами этого не скрывали. Зиновьев, в частности, заметил:

”Нет сомнения, что буржуазная пресса всех толков опять подчеркнет, что мы, созывая новый Съезд Советов, хотим противопоставить наши революционные органы ”Советы” пресловутому Учредительному собранию. Конечно, мы отнюдь не хотим затушевывать истины и находим, что в этом отношении буржуазные писатели отчасти правы”.⁶⁴

Вот для лучшей подготовки всего предприятия и необходимо было еще на пару недель оттянуть открытие Учредительного собрания.

Но если у ЦК большевиков и левых эсеров не было сомнений и разногласий по вопросу о созыве Съездов Советов и перенесения срока открытия Учредительного собрания на 5 января 1918 г., вопрос о судьбе самого Собрания во фракции левых эсеров рассматривался не однозначно. Левые эсеры, по крайней мере, хотели быть уверены в том, что Собранию дадут открыться и не разгонят его еще до начала работы; а с другой стороны — что большевики не будут злоупотреблять арестами и не арестуют всю ”правую” половину Собрания. Фракция ПЛСР на своем совещании вынесла в отношении Учредительного собрания несколько менее радикальную, чем большевики, резолюцию.

Однако уже на заседании ВЦИК меньшинство левозсеровской фракции, совместно с большевиками, проголосовали за резолюцию большевиков, прочитанную Зиновьевым: ВЦИК "считает необходимым всей организационной силой Советов поддержать левую половину Учредительного собрания против его правой... половины".⁶⁵ На следующий день Свердлов разослал телеграммы ВЦИК о созыве Третьего съезда и Чрезвычайного крестьянского съезда всем Советам, а также армейским и фронтовым комитетам. В телеграммах указывалось, что "лозунгу — вся власть Учредительному собранию Советы должны противопоставить лозунг — власть Советам, закрепление Советской Республики".⁶⁶

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

1. См.: Декреты советской власти. (Далее: ДСВ). Т. 1, Москва, 1957, стр.5. — К. Рябинский. Революция 1917 года (хроника событий). Т. V, Октябрь, Москва—Ленинград, 1926, стр.183. — Декреты Октябрьской революции. (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома). Т. 1. От октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. Под ред. М.Д.Орахелашвили и В.Г.Сорина. Москва, 1933, стр.1. — Документы великой пролетарской революции. Т. II. Из протоколов и переписки московского и районных Военно-Революционных Комитетов 1917 года. Сост. Д. Костомаров, под ред. акад. И.И. Минца и проф. И.М. Разгона. Москва, 1948, стр.64—65.
2. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и каз. депутатов II созыва. Москва, 1918, стр.6.
3. См.: ДСВ, т. 1, стр.17, 19, 20.
4. В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958—1965, т. 35, стр.17.
5. Цит. по кн.: М. Вишняк. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954, стр.325.
6. См. там же.
7. Л.Д. Троцкий. О Ленине. Материалы для биографа. Москва, [1924], стр.91—92.
8. См.: "Известия Всевыборы", 1917, № 16—17, столбец 7—8.
9. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 35.
10. "Знамя труда", 7 ноября 1917, № 65.
11. См.: Н. Рубинштейн. К истории Учредительного собрания. Москва—Ленинград, 1931, стр.63. Это указание советского историка косвенно подтверждается воспоминаниями жены Свердлова К.Т. Новгородцевой-Свердловой. Новгородцева-Свердлова, в частности, пишет: "Теперь, после установления власти Советов, никто из нас "Учредилку" всерьез не брал, но и отмахнуться от нее просто так, воспрепятствовать ее созыву было нельзя. Не раз говорил мне об этом Яков Михайлович..." (К.Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр.289).
12. См.: "Сигнал", 8 ноября 1917, № 4; "Буревестник", 12 ноября 1917, № 2; "Дело народа", 7 ноября 1917, № 202; "Знамя труда", 7 ноября 1917, № 65; "Искра", 12 ноября 1917, № 8; "Русские ведомости", 8 ноября 1917, № 245. ЦК меньшевиков постановил, в частности, "напрячь все силы для ведения избирательной кампании и участвовать в выборах в тех местах, которые не охвачены гражданской войной" и где "восстановлена полная свобода выборной агитации". ("Партийные

известия”, 1917, № 8, столбец 18). А 7 ноября Всевыбора ”пришла к заключению, что по силе закона выборы должны состояться в назначенные сроки всюду, где свободное голосование может быть осуществлено и где требования законного порядка выборов могут быть исполнены”. (Всероссийское Учредительное собрание. Москва—Ленинград, 1930, стр. 151).

13. ”Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов”. (Далее: Известия ЦИК), № 220, 9 ноября 1917.
14. ”Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов”, 18 ноября 1917, № 209.
15. См.: ”Правда”, 19 ноября 1917, № 194.
16. Еще 25 октября комиссар Временного правительства на Румынском фронте Э.П. Тизенгаузен доносил в Ставку: ”Мое глубокое убеждение, что двинуть войска для защиты лиц самого правительства едва ли возможно... В защиту Учредительного собрания и для противодействия попыток срыва безусловно встанет весь фронт... Защита Учредительного собрания весьма популярна...” (”Архив русской революции”, т. 7, Берлин, 1922, стр. 307). 12 ноября на заседании Бюро ЦИК первого созыва Церетели заявил, что ”такие вопросы, как вопрос о мире и созыве Учредительного собрания лучше всего помогут соединить под одним знаменем всю демократию России... Учредительное собрание — единственный хозяин земли...” (Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов первого созыва после Октября. ”Красный архив”, 1925, т. 3 (10), стр. 102). Опасения большевиков, таким образом, были не напрасны.
17. См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 45. В протоколах по этому поводу сделана следующая запись: ”Вопрос об Учредительном собрании. Доклад Зиновьева; предлагается резолюция [о] необходимости своевременного созыва Учредительного собрания. Резолюция принимается единогласно”.
18. Газета писала: ”Выборы в Учредительное собрание должны во что бы то ни стало произойти в срок — 12 ноября. Готовьтесь к выборам! До выборов осталось только три дня. Ни минуты промедления! В Петрограде выборы обязательно начнутся 12 ноября”. (”Известия ЦИК”, 19 ноября 1917, № 220).
19. ”Правда”, 10 ноября 1917, № 185.
20. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Москва—Ленинград, 1927, стр. 350.
21. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 62. ”Известия ЦИК” считались органом Центрального Исполнительного Комитета, и левые эсеры, задетые такой несправедливостью, подали во ВЦИК жалобу на редакцию ”Известий”. Жалоба была удовлетворена, и редакция обещала более списка большевиков не публиковать, но, конечно же, опубликовала снова, да еще с призывами голосовать именно за этот

- список. 14 ноября левые эсеры сделали новый запрос во ВЦИК, но потерпели поражение. Предложенная Спиро резолюция о том, "чтобы в "Известиях" не было призыва за большевиков", была отклонена.
22. О.Н. Знаменский. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Ленинград, 1976, стр.244. Предвыборная кампания велась не только законными или полузаконными, но и незаконными методами. Сторонники левого блока широко практиковали срыв плакатов других политических партий. (См. там же, стр.245; "Известия ЦИК", 11 ноября 1917, № 222).
 23. "Знамя труда", 12 ноября 1917, № 70.
 24. См.: "Известия ЦИК", 12 ноября 1917, № 233.
 25. Так, 8 ноября ЦК ПСР опубликовал заявление, что в списках партийных кандидатур по Петроградскому округу есть лица, вышедшие из эсеровской партии, в том числе М. Спиридонова, но которые не могут быть вычеркнуты из списков по правилам о выборах в Учредительное собрание ЦК ПСР, и призвал выборщиков голосовать за данный список (№ 9), "в твердой уверенности", что левые эсеры сочтут "долгом политической чести" снять свои кандидатуры. (См.: "Дело народа", 8 ноября, 1917, № 203; Знаменский, указ. соч., стр.251). Но никто из левых эсеров своей кандидатуры не снял.
 26. См.: Знаменский, указ. соч., стр.270–273.
 27. См.: Н. Рубинштейн. Большевики и Учредительное собрание. [Москва], 1938, стр. 54–55.
 28. Не путать с городским головой эсером Г.И. Шрейдером.
 29. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр. 178.
 30. Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Москва, 1918, стр.108. О позиции Трутовского и Каца см. там же, стр.65–66, 86.
 31. Троцкий. О Ленине, стр.92.
 32. Там же.
 33. Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров, стр.21–22.
 34. Е.Н. Городецкий. Рождение советского государства. Москва, 1965, стр.442.
 35. См.: А.Л. Фрайман. Форпост социалистической революции. Ленинград, 1969, стр.163.
 36. ДСВ, т. 1, стр.167–168.
 37. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.73–74.
 38. Там же, стр.79.
 39. См.: Марк Вишняк. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954, стр.328–330. Официально Всевыбора была распущена декретом СНК от 29 ноября 1917 г. (См.: ДСВ, т. 1, стр.167–168). После роспуска Учредительного собрания комиссия Урицкого просуществовала еще несколько

- недель, до начала февраля 1918 г. (См.: Всероссийское Учредительное собрание. Москва–Ленинград, 1930, стр. XXV).
40. См.: ДСВ, т. 1, стр.159. 1 декабря декрет был подтвержден резолюцией ВЦИКа Советов (см. там же, стр.171).
 41. С.П. Мельгунов. Как большевики захватили власть. Париж, 1953, стр. 381–382.
 42. См.: В. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. Москва, 1930, стр.189.
 43. ДСВ, т. 1, стр.161–162. Об арестах среди кадетов см., в частности: Как это было. Дневник А.И. Шингарева. Петропавловская крепость, 1917–1918. Москва, 1918; Вишняк. Дань прошлому, стр.334; И.В.Гессен. В двух веках. Жизненный отчет. "Архив русской революции", т. XXII, Берлин, 1937, стр.381.
 44. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б), август 1917–февраль 1918 г. ГИЗ, 1929, стр.149. С записями этого выступления Бухарина произошло недоразумение, которое советская официальная историография с радостью использует против Бухарина. В тексте протокольной записи из тетради секретариата ЦК написано: "Это тем более будет легко, что большевики с левыми эсерами будут иметь колоссальное преобладание". (Протоколы ЦК РСДРП (б), стр.149). Авторы примечаний сборника по этому поводу пишут: "... Бухарин искажал данные о составе Учредительного собрания..." (Там же, стр.279). Бухарин, однако, ничего не искажал. Ошибка была сделана протоколистом. Это доказывается параллельной секретарской протокольной записью, в которой сказано: "Левую часть объявить революционным конвентом. Левые эсеры и большевики с колоссальным преобладанием большевиков". (Там же, стр.149). Т.е. речь шла, во-первых, о конвенте, а во-вторых, о преобладании большевиков *по отношению* к левым эсерам.
 45. Протоколы ЦК РСДРП (б), стр.150, 151, 279.
 46. Там же, стр.156. См. также: Isaak Deutscher. The Prophet Armed. Trotsky: 1879–1921. Oxford University Press, 1979, p.340.
 47. В.В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б) – РКП (б) в 1917–1918 годах. Хроника событий. Москва, 1974, стр.127.
 48. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.124.
 49. См.: Е.А. Скрипилев. Всероссийское Учредительное собрание. Москва, 1982, стр.188.
 50. "Новая жизнь", 3 декабря 1917.
 51. См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.120–121; I.N. Steinberg. In Workshop of the Revolution. New-York–Toronto, 1953.
 52. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.122. На том же заседании ВЦИК одобрил решение СНК "собрать Учредительное собрание при наличии в Петрограде 400 депутатов". (Там же, стр.121).
 53. См.: "Известия Всероссийского Крестьянского съезда", 5 декабря 1917.

54. См.: "Знамя труда", 12 декабря 1917. Аналогичная резолюция была принята и на Первом съезде ПЛСР. Эсеры, между тем, продолжали бороться с кадетами. В начале декабря на заседании "Союза защиты Учредительного собрания" 7 человек голосовали за принятие кадетов, 3 – против. Но эсеры заявили, что они из Союза уйдут, если кадетов примут. (См.: С.П. Мельгунов. Воспоминания и дневники. Вып. 1, части 1–2, Париж, 1964, стр.241).
55. См.: И.Н. Любимов. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. VI, Москва–Ленинград, 1930, стр.281.
56. См.: "Голос трудового крестьянства", 15 декабря, 1917, № 22.
57. См.: Ленин. ПСС, т. 35, стр.150–155; Аникеев, указ. соч., стр.116.
58. См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Москва–Ленинград, 1927, стр.273; Протоколы ЦК РСДРП (б), стр. 160, 161; "Правда", 16 декабря 1917, № 216; Свердлов, указ. соч., стр.292–293; Аникеев, указ. соч., стр.126.
59. См.: "Правда", 13 декабря 1917, № 213. М. Вишняк ошибочно считает, что "по мотивам политической стратегии и внутренней тактики" тезисы Ленина были впервые опубликованы лишь 26 декабря. (Вишняк. Дань прошлому, стр.338). Да, 26-го, но по новому стилю, т.е. – 13-го по старому. Тезисы не оставляли сомнения в том, что Учредительное собрание будет разгромлено. (См.: Ленин. ПСС, т. 35, стр.162–166).
60. Цит. по кн.: Л. Троцкий. Сочинения. Т.3, часть 2: От октября до Бреста. Москва, б/г. Приложение № 17: Доклад Урицкого по текущему моменту на заседании Петербургского комитета РСДРП (б), стр.364–368.
61. См.: Штейнберг, указ. соч., стр.52.
62. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.175.
63. См. там же, стр.177.
64. Там же, стр.175. – Г. Зиновьев. Сочинения. Т.7, часть 1, Ленинград, 1925, стр.471.
65. Зиновьев. Сочинения. Т.7, часть 1, стр.475; Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.177; ДСВ, т.1, стр.278. Та же фраза, дословно, была включена в резолюцию фракции левых эсеров, внесенную во ВЦИК 22 декабря, но отклоненную большинством голосов в связи с принятием резолюции Зиновьева. (См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва, стр.188).
66. ДСВ, т.1, стр.284.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗГОН УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Ко дню открытия Учредительного собрания большевики готовились крайне тщательно. 23 декабря 1917 г. в Петрограде было введено военное положение.¹ Непосредственная власть в городе перешла к Чрезвычайному военному штабу, как бы заменившему собой Чрезвычайную комиссию по охране Петрограда. В состав штаба вошли Н. И. Подвойский, К. С. Еремеев, Г. И. Благоднравов, М. С. Урицкий, Я. М. Свердлов, левый эсер П. П. Прошьян, В. Д. Бонч-Бруевич,² К. А. Мехоношин, К. К. Юренев. В тесном контакте со штабом находились и некоторые большевистские "военные работники", такие как Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко. О распределении ролей Бонч-Бруевич писал следующее:

"Город был разбит на участки. В Таврическом дворце был назначен комендант, и на эту должность выдвинули М. С. Урицкого. Благоднравов остался начальником нашей базы — Петропавловской крепости, а Еремеев — в должности командующего войсками Петроградского округа. Меня на дни Учредительного собрания назначили комендантом Смольного и подчинили мне весь район.

... Я был ответственен за весь порядок в этом районе, в том числе и за те демонстрации, которые ожидалось вокруг Таврического дворца... Я прекрасно понимал, что этот район является самым главным из всего Петрограда, ... что именно сюда будут стремиться демонстрации".

Левые эсеры, не располагая собственной военной машиной, оказывали большевикам посильную агитаторскую поддержку.

28 декабря в передовой статье, озаглавленной "Учредительное собрание и Советы" левозсеровская газета "Знамя труда" заявила что Учредительное собрание "осталось на перевернутой уже историей странице". А несколькими днями позже та же газета писала, что основная цель Учредительного собрания — вырвать власть у Советов, что этой попытке партия левых эсеров будет противостоять любыми способами. Перед самым созывом, 3 января, большевистско-левозсеровский ВЦИК и Петроградский Совет призвали жителей города оставаться 5 января при своих обычных занятиях и не принимать участия в демонстрациях в поддержку Учредительного собрания.³ В тот же день ВЦИК одобрил "Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа", а также принял постановление, в котором указывалось, что

"всякая попытка со стороны какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы".⁴

Разгон Учредительного собрания был предрешен. 3 января на заседании Петроградского Совета Бонч-Бруевич заявил об этом достаточно открыто:

"Мы подходим к 5 января, и я хочу предупредить вас, что мы должны встретить этот день с полной серьезностью... Все заводы и воинские части должны быть на полной изготовке. Лучше преувеличить, чем преуменьшить опасность... ..Пусть с нами будет уверенность, что мы готовы отразить и подавить, если нужно, беспощадно каждый направленный удар".⁵

Для этого по приказу Чрезвычайного военного штаба штаб Красной гвардии мобилизовал все наличные силы и резервы красногвардейцев. В боевую готовность были приведены Литовский, Волынский, Гренадерский, Егерский, Финляндский и другие полки Петроградского гарнизона. В город прибыл сводный отряд Балтийского флота. Впрочем, как вспоминал позднее Троцкий, Ленин боялся, что обычные воинские части, крестьянские по

своему составу, ненадежны, так как "в случае чего мужик может колебнуться". Большевики поэтому распорядились "о доставке в Петроград одного из латышских полков".⁶ И латышский коммунист П.И. Стучка впоследствии писал не без оснований, что "в охране Смольного и Таврического дворца (во время разгона Учредительного собрания) первое место занимали товарищи, отобранные латышскими стрелковыми полками".⁷ Кроме того, на подходах к Таврическому и Смольному расставлялись заградительные отряды, была усилена охрана государственных учреждений, патрулировались улицы, составлялись диспозиции уличных столкновений.⁸

Поздно вечером 3 января Чрезвычайная комиссия по охране Петрограда предупредила население, что "всякая попытка проникновения... в район Таврического дворца и Смольного, начиная с 5 января, будет энергично остановлена военной силой". Комиссия предлагала населению не участвовать в демонстрациях, митингах и уличных собраниях, "чтобы случайно не пострадать, если будет необходимо применить вооруженную силу".⁹ А на запросы меньшевиков и эсеров о том, что будет делать советское правительство в случае возникновения антисоветских демонстраций, Бонч-Бруевич ответил коротко: "Сначала уговаривать, потом расстреливать".¹⁰ Примерно то же, по свидетельству Бонч-Бруевича, предусматривала и формальная инструкция по разгону манифестантов: "В случае неисполнения приказа обезоруживать и арестовывать. На вооруженное сопротивление отвечать беспощадным вооруженным отпором".¹¹

Команду для возможного разгона депутатов Учредительного собрания, "надежный отряд матросов" для дежурства в Таврическом дворце, подбирал Бонч-Бруевич лично. Для этой цели им было набрано 200 человек — команда с крейсера "Аврора" и две роты с броненосца "Республика" "под предводительством", как пишет Бонч-Бруевич, "хорошо мне известного матроса Железнякова, анархиста-коммуниста".¹² Бонч-Бруевич, впрочем, не указал, что с Железняковым он ближе всего познакомился во время усмирения пьяных матросов-анархистов броненосца "Республики". Железняков был у них главным.¹³ И вот теперь, во время предстоящего разгрома Учредительного собрания, как раз

и понадобились большевикам матросы-анархисты, так как нужно было, по выражению Подвойского, "с математической точностью" рассчитать "силу и направление удара", позаботиться "об искусном направлении удара, об организации и технике разгона".¹⁴ И об этом большевики действительно позаботились.

В столице большевики были хозяевами положения. В Москве и Петрограде в среднем за них голосовало 47,5% избирателей,¹⁵ хотя самый высокий процент голосов большевики получили не там, а в Лифляндской губернии (Латвии) – 72%. По 80 городам в среднем они получили 38% голосов. Но в крестьянских губерниях влияние большевиков было мизерным. В Поволжье, Сибири и Центрально-Черноземном районе за них голосовало 10–16% избирателей, а в каком-нибудь Нижнедевицком уезде Воронежской губернии – лишь 2,7%.¹⁶ В целом по стране большевикам отдали свои голоса 25% избирателей, и это давало эсерам надежду на благополучный исход всего предприятия.¹⁷

Собирались ли эсеры отстаивать права Учредительного собрания вооруженной силой? Первоначально может создаться впечатление, что да. Еще во время октябрьского переворота Чернов заявил в речи на Десятой Петроградской партийной конференции, что эсеры "всегда держались за Учредительное собрание и во имя его всенародно заявляли: если кто-либо посягнет на него, он заставит нас вспомнить о старых методах борьбы с насилием, с теми, кто навязывает народу свою волю".¹⁸ Но к январю позиция ЦК ПСР изменилась. Больше всего боялись эсеры дать повод к вооруженному столкновению. Эсеры теперь надеялись мирным характером демонстраций "морально обезоружить" большевистские части. Два первых месяца после октябрьского переворота ничему эсеров не научили. 3 ноября эсеровская газета "Дело народа" писала в передовой статье: "ПСР не должна быть партией гражданской войны с правительством большевиков, так как она не борется с теми рабочими и солдатами, которые временно идут за большевиками. Она должна победить большевизм, вскрывая перед демократией всю внутреннюю ложь его".¹⁹ А через два месяца, 3 января 1918 г., на совместном заседании ЦК ПСР, бюро эсеровской фракции Учредительного собрания и представителей Союза защиты Учредительного собрания ЦК ПСР категорически

запретил какое-либо вооруженное выступление, считая его "несвоевременным и ненадежным деянием".²⁰ Чернов пояснял:

"Надо было морально обезоружить... большевиков. Для этого мы пропагандировали демонстрацию гражданского населения абсолютно безоружную, против которой было бы нелегко употреблять грубую силу. Все, на наш взгляд, зависело от того, чтобы не дать большевикам и тени морального оправдания для перехода к кровопролитию. Только в этом случае, думали мы, могут поколебаться даже самые решительные их защитники и проникнуться решительностью самые нерешительные наши друзья..."²¹

Нужно было слишком плохо знать большевиков, чтобы строить свои планы в надежде на нерешительность Ленина и Троцкого.²² Б.Ф. Соколов справедливо написал в своих воспоминаниях, что эсерами "было учтено все, кроме банды пьяных матросов, заполнивших галереи Таврического дворца, и непарламентского цинизма большевиков". А Троцкий заметил, что с хорошо вооруженной диктатурой демократия боролась бутербродами, которыми члены Учредительного собрания запаслись в достаточном количестве.²³

5 января 1918 г. эсеры явились в похожий на военный лагерь и наполненный караулами Таврический дворец, в котором должно было заседать Учредительное собрание. Церемония пропуска в Таврический была такой, что депутат ощущал себя заключенным. Вишняк пишет:

"Перед фасадом Таврического вся площадка уставлена пушками, пулеметами, походными кухнями. Беспорядочно свалены в кучу пулеметные ленты. Все ворота заперты. Только крайняя калитка слева приотворена, и в нее пропускают по билетам. Вооруженная стража пристально вглядывается в лицо, прежде чем пропустить; оглядывает сзади, прощупывает спину... Это первая внешняя охрана... Пропускают в левую дверь. Снова контроль, внутренний. Проверяют люди уже не в шинелях, а во френчах и гимнастерках... Повсюду вооруженные люди. Больше всего матросов и латышей..."

У входа в зал заседания последний кордон. Внешняя обстановка не оставляет никаких сомнений относительно большевистских видов и намерений”.²⁴

Большевики и левые эсеры находились в своих фракционных комнатах. Они действовали единым блоком, хотя их договорные условия еще не были выработаны до конца. Пока что две партии достигли договоренности о том, что Учредительное собрание будет открыто, но что Совнарком ни при каких обстоятельствах не даст Собранию свои полномочия. Одновременно с этим большевистская фракция приняла решение не откладывать роспуск Учредительного собрания до начала работы Третьего Всероссийского съезда Советов.²⁵ В общем, как цинично писал в своих воспоминаниях левый эсер Мстиславский, ”мы собрались в этот день на заседание, как в театр, мы знали, что действия сегодня не будет — будет только зрелище”.²⁶

Предполагалось, что Собрание откроется в 12 часов дня. Но прошло несколько часов томительного ожидания перед тем, как оно начало свою работу.

Всем фракциям важно было знать, чем кончатся манифестации в Петрограде, но, в отличие от эсеров, большевики действовали решительно. По их приказу в ночь на 5 января рабочие ремонтных мастерских вывели из строя все бронемашинны верного Учредительному собранию броневому дивизиона, на который рассчитывали эсеры. В казармах преображенцев и семеновцев все ждали прихода броневиков для совместного марша к Таврическому, но броневики так и не пришли. Без них же солдаты не решились выйти на улицу, опасаясь, что начнутся столкновения. ЦК партии эсеров в это время пассивно ждал дальнейшего хода событий.

Манифестанты начали собираться утром в девяти сборных пунктах, намеченных Союзом защиты Учредительного собрания. Маршрут движения предусматривал слияние колонн на Марсовом поле и последующее продвижение к Таврическому дворцу со стороны Литейного проспекта. Но ”морально обезоружить” большевиков и левых эсеров не удалось: безоружные демонстранты были разогнаны вооруженной силой. Были убитые и раненые.²⁷

Ленин в Таврический дворец прибыл не сразу. Он не спешил, все собирал сведения о разгоне манифестантов, доставляемые Урицким и Бонч-Бруевичем.²⁸ Около часа дня он приехал в Таврический дворец (Шпалерная ул., д. 47), но не к главному выходу, а к одним из ворот внутреннего двора. По условному сигналу ворота открыли, и Ленина провели безлюдными коридорами в комнату большевистской фракции.²⁹ С часу до половины четвертого он вел там переговоры со Свердловым, Сталиным, Урицким и Бонч-Бруевичем, принял участие в заседании ЦК, на котором еще раз обсуждался вопрос о процедуре открытия Учредительного собрания, а затем в заседании большевистской фракции, где окончательно решался вопрос о судьбе Учредительного собрания. Раскольников вспоминает: "Кто-то развивает план наших работ в расчете на длительное существование Учредилки. Бухарин нетерпеливо шевелится на стуле и, подняв указательный палец, требует слова. "Товарищи, — возмущенно и насмешливо говорит он, — неужели вы думаете, что мы будем терять здесь целую неделю? Самое большое мы просидим три дня". На бледных губах Владимира Ильича играет загадочная улыбка". Решено было покинуть Таврический в тот же день, если Декларация прав трудящихся не будет принята Собранием.

Ситуация, однако, была далека от спокойной. Дыбенко писал о нервозности большевиков:

"В 3 часа дня, проверив с тов. Мясниковым караулы, спешу в Таврический. В коридоре Таврического встречаю Бонч-Бруевича. На лице его заметны нервность и некоторая растерянность... Около 5 часов Бонч-Бруевич снова подходит и растерянным, взволнованным голосом сообщает: "Вы говорите, что в городе все спокойно: между тем сейчас получены сведения, что на углу Кировной и Литейного проспекта движется демонстрация около 10 тысяч вместе с солдатами. Направляются прямо к Таврическому. Какие приняты меры?" "На углу Литейного стоит отряд в 500 человек под командой тов. Ховрина. Демонстранты к Таврическому не проникнут". "Все же поезжайте сейчас сами. Посмотрите всюду и немедленно сообщите. Тов. Ленин беспокоится".

Только к четырем часам были рассеяны последние значительные группы манифестантов. Теперь можно было открывать Учредительное собрание. Зал заполнили делегаты. Вместе с ними большевики и левые эсеры ввели матросские отряды. Бонч-Бруевич пишет: "Их рассыпали всюду. Матросы важно и чинно попарно разгуливали по залам, держа ружья на левом плече в ремне". По бокам трибуны и в коридорах — тоже вооруженные люди. Галереи для публики набиты битком. Впрочем, все это люди большевиков и левых эсеров. Входные билеты на галереи, примерно 400 штук, распределял среди петроградских матросов, солдат и рабочих Урицкий. Стронников эсеров в зале было крайне мало.³⁴

Как всегда, когда решался вопрос быть или не быть большевистскому правительству, Ленин очень нервничал. По свидетельству Бонч-Бруевича, он "волновался и был так бледен, как никогда... Он сжал руки и стал обводить пылающими глазами весь зал..."³⁵ Но вскоре — так часто будет с ним на протяжении всего 1918 года — он оправился от страха, пришел в себя и подчеркнуто расслабившись полулежал в ложе, то со скучающим видом, то весело смеясь. Вместе с ним, в той же ложе, справа от председательской трибуны, заняли места члены СНК. В левом секторе зала разместились большевики и левые эсеры. В четыре часа дня представитель фракции эсеров Г.И. Лоркипанидзе указал присутствующим на позднее время и предложил, чтобы старейший из членов Учредительного собрания открыл Собрание, не дожидаясь появления отсутствующих большевиков. Фактически старейшим был Е.Е. Лазарев, но по предварительной договоренности он уступил старшинство С.П. Швецову. Швецов поднялся на трибуну.

Ф. Раскольников вспоминает:

"...Свердлов, который должен был открыть заседание, где-то замешкался и опоздал... Видя, что Швецов всерьез собирается открыть заседание, мы начинаем бешеную обструкцию. Мы кричим, свистим, топаем ногами, стучим кулаками по тонким деревянным пюпитрам. Когда все это не помогает, мы вскакиваем со своих мест и с криком "долгой" кидаемся к председательской трибуне. Правые эсеры бросаются на защиту старейшего. На

паркетных ступеньках трибуны происходит легкая рукопашная схватка... Кто-то из наших хватает Швецова за рукав пиджака и пытается стащить его с трибуны".³⁶

Так началось заседание Учредительного собрания России. Наверно, дух того дня не могут передать никакие мемуары, никакие стенограммы Собрания. Вишняк попробовал:

"Стенографический отчет отмечает кратко и сдержанно... На самом деле было много ужаснее, гнуснее и томительней... Это была бесноватая, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собою зрелище бесноватых, сорвавшихся с цепи. Не то сумасшедший дом, не то цирк или зверинец, обращенные в лобное место. Ибо здесь не только развлекались, здесь и пытали: горе побежденным!"³⁷

Растерявшись, Швецов объявил перерыв, как бы сдался. И председательский колокольчик тут же вырвал Свердлов, объявивший заседание открытым от имени ВЦИК. Зал ответил ему репликой: "Руки в крови, довольно крови". Но левый сектор заплодировал. Свердлов предложил Собранию стать придатком Советов:

"Учредительное собрание считало бы в корне неправильно противопоставлять себя советской власти... Власть должна принадлежать... Советам... Поддерживая советскую власть и декреты Совета народных комиссаров, Учредительное собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества".³⁸

И вот сразу же после этого, чтобы не упустить инициативу, чтобы скрепить все своей общей "печатью", большевик Скворцов-Степанов, по указке Ленина, предложил пропеть "Интернационал". Зал дружно запел. Вишняк вспоминает:

"Все встанут и поют. У левых и правых свои дирижеры. У эсеров — Чернов, сидящий в первом ряду. Время от

времени он оборачивается лицом к членам фракции и широкой жестикулирующей силится ее вдохновить и увлечь”.³⁹

Наверно, именно во время пения ”Интернационала” Ленин окончательно понял, что победил Учредительное собрание. Разогнать такое Собрание уже не представляло труда. Такое Собрание, не решившееся на вооруженное сопротивление большевикам, при полном большинстве над большевиками прождавшее несколько часов в нерешительности, такое Собрание, которое после всего еще и соглашалось петь ”Интернационал” вместе с большевиками, само хотело быть разогнанным.

Свердлов настолько торопился открыть Собрание, что забыл предложить избрать председателя. И эсеры напомнили ему об этом. Требование было правомерным, Свердлов не возразил, согласился приступить к выборам. Эсеры выдвинули кандидатуру В.М. Чернова. Большевики — М.А. Спиридоновой. Избрали Чернова. За него голосовало 244 депутата против 151. За Спиридонову — 153, против — 244.⁴⁰

Чернов вышел на трибуну и начал речь. Вряд ли ее кто-либо слышал, так как в зале не прекращался шум. Как позднее писал Чернов, ”кто прочтет стенографический отчет об этом заседании, не будет иметь даже отдаленного впечатления о том, что происходило на самом деле”.⁴¹ Что касается речи Чернова, то она никого не удовлетворила. Речь, по воспоминаниям М.В. Вишняка,

”была выдержана в интернационалистических и даже социалистических тонах, порой до нетерпимости демагогических. Точно оратор умышленно искал общего языка с большевиками, в чем-то хотел их заверить или переубедить, а не возможно резко отмежеваться и противопоставить им себя как символ всероссийского народовластия. Это было не то...”⁴²

Это действительно было ”не то”. Под всем тем, что говорил Чернов, с легкостью мог подписаться любой из большевиков или левых эсеров. Поддержав идею всеобщего демократического мира, выступив с утопичным предложением созыва в Петрограде совещания социалистов всех стран, поприветствовав ”великую волю” народных масс России к социализму, наконец, привязав

к строительству социализма и само Учредительное собрание, и несколько раз, при каждом удобном случае, используя лозунг "под красными знаменами социализма", Чернов долго еще не вспоминал о советской власти, большевиках и левых эсерах. А когда вспомнил, но не прямо о них, а о развязанной Советами гражданской войне, вот тогда ожил задремавший было зал. Стенограмма заседания 5 января отмечает:

"...Уже фактом открытия первого заседания Учредительного собрания, уже самим фактом этого открытия провозглашается конец гражданской войне между народами, населяющими Россию. (*Голоса в центре и справа: Bravo! Рукоплескания. Встают в центре и справа...*) Граждане, вы позволите мне дать от имени Учредительного собрания...⁴³ (*Голос слева: Не позволим*)".

И чтобы утихомирить расшумевшийся левый сектор, Чернов снова заговорил по-советски: о Советах, о передаче крестьянам земли безвозмездно, об уравнительном ее распределении, о всеобщей трудовой повинности, о "великой воле к социализму трудовых масс России". И если из левого сектора зала в ответ кричали: "Без пули не обойтись вам",⁴⁴ — то только из-за имевшегося у большевиков и левых эсеров общего указания кричать независимо от того, что будут говорить эсеровские ораторы.

В своей долгой речи Чернов так ни разу и не упомянул большевиков, левых эсеров или октябрьский переворот, не возмутился беззакониями, террором, разгоном партии кадетов, арестом членов Учредительного собрания, закрытием газет. Он искал компромисса на протяжении всей своей речи, хотел "создать какую-нибудь возможность совместной с большевиками законодательной работы".⁴⁵

Большевики отметили примирительный тон речи Чернова. 7 января 1918 г. "Правда" писала: "То, что лепетал Чернов, — ведь это были сплошные (словесные, правда) уступки советской платформе: тут был и мир, и земля, и рабочий контроль, и даже — боже! — Циммервальд".⁴⁶ Эсеровская фракция, однако, реагировала на речь своего лидера скорее отрицательно. Н.П. Ограновский выразил, вероятно, общую точку зрения, когда записал в дневнике, что "председатель своей речью посадил нас в такие

глубокие калоши, из которых нам, пожалуй, уже никогда не выбраться".⁴⁷ О. С. Минор также писал, что речь "многих и многих не удовлетворила теми уклонами, которые как будто давали исход некоторой левизне, некоторым уступкам в сторону большевиков".⁴⁸ А не связанная партийной дисциплиной горьковская "Новая жизнь" позволила себе и несколько большую критику:

"Правое большинство избрало своим председателем Чернова — фигуру безусловно одиозную для правого сектора и намечавшуюся в "премьеры" значительной частью большевиков после октябрьского переворота, во время соглашательской кампании Викжеля и интернационалистов. Далее, устами избранного председателя оно провозгласило такую программу, изложение которой прерывалось криками: "Это большевистская программа"!".⁴⁹

От имени большевиков первым выступил Бухарин. Он долго и нудно доказывал, что Чернов — не настоящий социалист, а настоящие социалисты — большевики. Большевиков поддержали и левые эсеры. Выступавший от их имени Штейнберг, как и большевики, призывал Учредительное собрание признать верховенство власти Советов, принять Декларацию ВЦИК в качестве программы Учредительного собрания и, как следствие этого, добровольно отказаться от власти, передав ее Советам. Все это было равносильно самороспуску Учредительного собрания. Вот что пишет советский официальный историк: "Одобрив Декларацию и тем самым признав власть Советов и ее декреты, санкционировав введение основ советской конституции, Учредительное собрание могло считать свои функции исчерпанными".⁵⁰ Именно это предусматривалось и первоначальным проектом Декларации:

"...Учредительное собрание, поддерживая власть Совета народных комиссаров и все декреты и постановления этой власти, считает, что задачи Учредительного собрания выполнены настоящим провозглашением основ социалистического переустройства общества и объявляет себя распущенным".⁵¹

"Правая" часть Учредительного собрания все еще не хотела верить, что большевики и левые эсеры во всех случаях Учредительное

собрание разгонят. Ведь все-таки все они были социалистами, вместе свергали царскую монархию, вместе захватывали власть. Но не было у эсеров и меньшевиков понимания хода истории, беспомощно выглядели они в зале Таврического дворца, где не происходило уже ничего, что принято называть "Историческим Событием". Там — как прав оказался Мстиславский — состоялось лишь зрелище для "каторжных горилл",⁵² в которых не осталось уже ничего высшего, только инстинкты диких зверей, да мечущиеся Чернов с Церетели.⁵³ Стенограмма заседания 5 января отмечает:

Председатель. ... Слово имеет член Учредительного собрания Церетели.

Церетели входит на кафедру. Рукоплескания на всех скамьях, кроме крайних левых. Все встанут. Сильный шум на левых скамьях.

Председатель. Граждане, покорнейше прошу вас уважать достоинство собрания... (*Шум, свистки.*) Покорнейше прошу не мешать мне в ведении собрания. (*Голос: Долой тех, кто голосовал за смертную казнь.*) Гражданин, как ваша фамилия? (*Голос: Могилев!*) Призываю вас в первый раз к порядку...⁵⁴ (*Шум, крики.*) Покорнейше прошу публику не вмешиваться в дело собрания. Граждане, покорнейше прошу соблюдать спокойствие... (*Шум, свистки.*) Граждане, мне придется поставить вопрос о том, в состоянии ли некоторые члены вести себя так, как подобает членам Учредительного собрания. (*Голос: Долой тех, кто голосовал за смертную казнь!*) Гражданин Могилев, вторично призываю вас к порядку... (*Шум продолжается.*) Угодно вам, граждане, восстановить порядок собрания и не шуметь? Граждане, неужели мне придется напоминать, что Учредительное собрание есть место, где нужно уметь себя вести. (*Шум.*) Угодно Учредительному собранию, чтобы его председатель принял меры к тому, чтобы все соблюдали тишину и достоинство собрания? (*Шум слева. Голос: Попробуйте!*) Покорнейше прошу не шуметь. Гражданин Церетели, вы имеете слово.

Церетели. Граждане, представители народа! Я взял слово к порядку, чтобы обосновать мнение фракции, к которой

я имею честь принадлежать... (*Шум. Голоса: Какой фракции?*)

Председатель. Покорнейше прошу не переговариваться... Граждане, не могущие сохранить спокойствие во время речи товарища Церетели, прошу вас удалиться и не мешать ему говорить. (*Шум и возгласы слева: Вот еще, попробуйте!*).

Церетели... (*Шум*) ...⁵⁵

Сигналы к крику подавал Дыбенко. И эсеровское большинство было бессильно противостоять левому сектору даже в этом. Секретарь Учредительного собрания Вишняк впоследствии вспоминал:

"Голос Чернова, его увещевания, призывы и просьбы терялись в гаме и выкриках. Многие его не слышали. Мало кто слушал. Кроме беспомощно звеневшего колокольчика, в распоряжении председателя не было никаких других средств воздействия против неистовствовавших и буянивших".⁵⁶

Во время выступления Церетели "каторжные гориллы" наводили на него винтовки, просто так, поугаать. Все это время их предводитель Ленин лежал растянувшись в правительственной ложе и делал вид, что засыпает от скуки.

После речи Церетели состоялось голосование по повестке дня первого заседания Учредительного собрания. Большинством в 237 голосов против 146 утверждена была эсеровская повестка, и, таким образом, Собрание отказалось обсуждать Декларацию ВЦИК первым пунктом повестки дня. Надежды большевиков и левых эсеров на "самороспуск" окончательно провалились: нужно было Собрание разгонять. Для окончательного обсуждения этого вопроса большевики и левые эсеры потребовали прерыва и проведения фракционных совещаний.

Большевицкими и левозсеровскими лидерами решено было, не прерывая собрания, "дать возможность всем вволю наболтаться, на другой день не возобновлять заседание, объявить Учредительное собрание распущенным, а депутатам предложить вернуться к себе по домам".⁵⁷ Но нужно было еще, чтобы на это согласились фракции большевиков и левых эсеров. Перед

большевиками выступил Ленин и предложил с Собрания уйти. Решение это не было новым, оно обсуждалось еще до открытия Собрания, но часть фракции большевиков все-таки колебалась. Вот как описывает происшедшее Н. Л. Мещеряков:

”После некоторого колебания было решено последовать совету Ильича. Для прочтения резолюции был назначен тов. Раскольников. Мы все стали собираться к возвращению в зал заседания.

— Как, товарищи? Вы хотите вернуться в залу и уйти оттуда после прочтения нашей резолюции? — спросил нас Владимир Ильич.

— Да.

— Да разве вы не понимаете, что наша резолюция об уходе, сопровождаемая уходом всех нас, так подействует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эсеров и меньшевиков? — был ответ Ленина.

Многие согласились с ним не сразу. После второй энергичной речи Ленина его предложение было принято”.⁵⁸

От фракции большевиков в Белый зал Таврического дворца явились Ломов и Раскольников. Последний прочитал декларацию большевиков об уходе.⁵⁹ От имени левых эсеров аналогичное заявление вскоре сделал Карелин. Это произошло в пятом часу утра.

После ухода из Собрания большевики и левые эсеры приняли постановление о его роспуске и включении большевистской и левозэсеровской фракций Собрания в состав ВЦИК. Первоначальный проект тезисов был заготовлен заранее, но для формального утверждения декрета днем 6 января решили провести новое заседание, возможно из-за того, что в ночь на 6 января состав СНК не был собран полностью.⁶⁰ Дыбенко, тем временем, отдал начальнику караула дворца А. Г. Железнякову приказ ”разогнать Учредительное собрание уже после того, как из Таврического уйдут народные комиссары”.⁶¹ Но Ленину нужно было застраховать себя и советское правительство от обвинений в провоцировании расстрела Собрания. И перед уходом из Таврического дворца он отдал следующее письменное распоряжение:

”Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов”.⁶²

Вслед за Лениным Таврический покинули и остальные наркомы.⁶³

После ухода большевиков и левых эсеров фракция ПСР несколько ожила, начались прения, по предложению Чернова, решено было не расходиться до тех пор, пока не будет завершено обсуждение подготовленных эсерами законов о земле, мире и государственном устройстве. Их предполагалось опубликовать на следующий день от имени Учредительного собрания.⁶⁴

Депутатов торопили, грозили потушить свет, и А.Н. Слетова срочно достала свечи. Нужно было приступать к разгону Собрания, но Дыбенко не хотелось принимать участия в возможном расстреле. В случае чего предполагалось свалить вину на Железнякова. Дыбенко из Собрания решил уйти, но перед уходом еще раз встретился с Железняковым, у самого выхода из Таврического дворца. Железняков немедленно понял, чего хочет от него Дыбенко. Зная о формальном приказе Ленина не применять силы, Железняков ”наивно” спросил: ”Что мне будет, если я не выполню приказание товарища Ленина?” Дыбенко ответил: ”Учредилку разгоните, а завтра разберемся”.⁶⁵ С этими словами Дыбенко ушел, а Железняков вернулся в Белый зал, подошел к Чернову, оглашавшему в это время проект закона о земле, немного подождал, а затем тронул Чернова за плечо. Завязался диалог:

Железняков. Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал. (*Голоса:* ”Нам не нужно караула”).

Чернов. Какую инструкцию? От кого?

Железняков. Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, имею инструкцию от комиссара.

Чернов. Все члены Учредительного собрания тоже очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашение

того земельного закона, которого ждет Россия... Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила!..

Железняков. ... Я прошу покинуть зал заседания".⁶⁶

В зале эсеры оставались еще минут 10–15. Чернов предложил закончить заседание принятием законов без прений. Галерки ликовали, а Чернов спешно оглашал эсеровские законы.⁶⁷ В 4.40 утра Железняков закрыл Собрание. Чернову не осталось ничего иного, как объявить перерыв до 5 часов дня.⁶⁸

Утром Раскольников и Дыбенко пересказывали эту "веселую историю" Ленину, который, "сощутив карие глаза, сразу развеселился. — Неужели Виктор Чернов беспрекословно подчинился... и не сделал ни малейшей попытки сопротивления? — недоумевал Владимир Ильич; и, глубоко откинувшись в кресле, он долго и заразительно смеялся".⁶⁹ В общем, как писал советский исследователь Н. Рубинштейн, "историк, который рассчитывал бы найти драматические эффекты в день пятого января 1918 г., был бы разочарован. Внешняя обстановка первого заседания Учредительного собрания и его роспуска была донельзя проста".⁷⁰ Заседание, однако, было не только первым, но и последним. Днем 6 января СНК, с небольшими поправками, принял тезисы декрета о роспуске Учредительного собрания.⁷¹ В ночь с 6 на 7 января декрет был представлен на рассмотрение ВЦИК и после незначительных редакторских доработок принят большинством голосов при двух против и пяти воздержавшихся.⁷² 7 января 1918 г. декрет был опубликован в правительственных газетах.⁷³ А еще через несколько дней петроградцы похоронили убитых 5 января 1918 г. манифестантов на том же кладбище, где покоились жертвы несчастного расстрела 9 января 1905 года.⁷⁴ 18 января декретом советского правительства из всех ранее изданных советских законов были устранены "всякие ссылки на предстоящее Учредительное собрание".⁷⁵

Через три дня после разгона Собрания в Петрограде собрался Третий Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Из 625 его делегатов только несколько человек не были большевиками или левыми эсерами. 13 января съезд слился с Третьим съездом Советов крестьянских депутатов, среди делегатов

которого, в свою очередь, большевиками или левыми эсерами не были лишь 16 человек. С отчетом ВЦИК на съезде выступил Свердлов, а с докладом о деятельности СНК — Ленин, который, в частности, указал, что после двухмесячного опыта совместной работы с левыми эсерами между РСДРП (б) и ПЛСР уже нет разногласий и по большинству вопросов вырабатывается единогласное решение. По докладу Ленина резолюция, одобряющая деятельность ВЦИК и СНК, была принята фракцией левых эсеров единогласно. Левые эсеры голосовали также и за большевистские резолюции о мирных переговорах в Брест-Литовске и национальном вопросе. Большевики же, в ответ, поддержали левоэсеровскую резолюцию о принятии первого раздела "Основного закона о социализации земли"; и этот шаг советский историк Гусев справедливо рассматривает "как уступку, ... как одну из сторон принятого партией [большевиков] компромисса" по отношению к левым эсерам.⁷⁶

Наверно, именно эти дни и были зенитом большевистско-левоэсеровского союза, союза настолько тесного и, как казалось левым эсерам, прочного, что последние начали всерьез поговаривать о слиянии двух партий в одну. Троцкий пишет:

"В медовые недели коалиции эсеровские народные комиссары не раз заговаривали о желательности слияния партий. Ленин отвечал на это с максимальной уверенностью, из-под которой, однако, пробивалась наружу добродушная ирония: надо еще подождать, надо присмотреться друг к другу".⁷⁷

И большевики "ждали", "присматривались".

Как и любой другой съезд, Третий Всероссийский съезд Советов заканчивал свою работу выбором нового состава ВЦИКа. Однако в этот раз выборы не были обычными. ЦИК Советов крестьянских депутатов, в котором доминировали левые эсеры, был лишен своего права входить в объединенный ВЦИК на паритетных началах. Съездом избирался теперь общий ВЦИК, при котором была создана так называемая Крестьянская секция. Ее председателем стала Спиридонова. Трудно сказать, в обмен на что согласились левые эсеры добровольно лишить руководимый ими ЦИК Советов крестьянских депутатов какой-либо

власти. Возможно, они сделали это в надежде, что большинство в объединенном ВЦИКе будет принадлежать ПЛСР. Левые эсеры действительно были близки к победе: из 306 членов, избранных во ВЦИК Третьим съездом, большевиков было 160, а левых эсеров — 125 человек. И все-таки большевикам принадлежало абсолютное большинство. Левые эсеры прогадали или же — просто доверились большевикам, испугавшись, что ЦИК Советов крестьянских депутатов может в какой-то момент повернуть "вправо", к эсерам. Для левых эсеров и для большевиков было куда менее опасно распустить его, образовав Крестьянскую секцию при ВЦИК.⁷⁸

Уже после разгрома Учредительного собрания Ленин все-таки назвал немудрым и крайне рискованным решение большевиков и левых эсеров не откладывать созыв Учредительного собрания, но разогнать его. Ленин, впрочем, считал, что в результате все сложилось благополучно и ликвидация революционной диктатурой формальной демократии послужит хорошим уроком для будущих коммунистических революций.⁷⁹ Вместе с тем большевистско-левоэсеровский союз в деле разгона Учредительного собрания упрочил сотрудничество двух партий. Со дня разгона Собрания у левых эсеров как бы не оставалось пути для отступления. Их политическая активность могла продолжаться только в коалиции с большевиками. В этой коалиции в тот момент были заинтересованы и большевики. По существу, только после Третьего съезда Советов, принявшего решение об объединении ЦИКов, большевики могли сказать с уверенностью, что их план захвата местных Советов близок к реализации. Советский историк пишет:

"Объединение верховных органов власти вызвало усиление объединительного движения на местах, и в скором времени по всей стране были созданы единые Советы... В этот период соглашение большевиков с левыми эсерами сыграло определенную положительную роль и в укреплении советской власти на местах. Оно облегчило борьбу с правыми эсерами и меньшевиками в местных Советах... Единство действий большевиков и левых эсеров в борьбе против правых эсеров и меньшевиков имело большое

значение особенно там, где... имелись... значительные фракции правых партий...»⁸⁰

Однако и судьба левых эсеров уже была предрешена Лениным. Его курс на однопартийную диктатуру никогда не знал отклонений, но лишь тактические маневры.⁸¹ После разгона Учредительного собрания, после завоевания власти на местах и ослабления враждебных большевикам партий эсеров и меньшевиков очередной жертвой советской власти должны были непременно стать сами левые эсеры. Их отношения с большевиками еще не приняли острого характера. И два вопроса, оказавшихся для ПЛСР роковыми, — крестьянский и германский — еще не проступили во всей своей остроте.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ

1. "Правда", 24 декабря 1917, № 223.
2. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Т. 3: Воспоминания о В. И. Ленине, 1917–1924 гг. Москва, 1963, стр. 128.
3. См.: Всероссийское Учредительное собрание. Москва–Ленинград, 1930, стр. 214.
4. Декреты советской власти. Т. 1, Москва, 1957, стр. 323–324.
5. "Правда", 4 января 1917, № 2.
6. Л. Троцкий. О Ленине. Материалы для биографа. Москва, 1924, стр. 93.
7. Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969, стр. 113.
8. См.: В. М. Чернов. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953, стр. 256, 355.
9. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921. Сборник документов. Москва, 1958, стр. 88. — "Правда", 4 января 1918, № 2.
10. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Т. 3, стр. 127.
11. В. Д. Бонч-Бруевич. Созыв Учредительного собрания. "Огонек", 1925, № 46 (137).
12. В. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. Москва, 1930, стр. 246–247.
13. См.: Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Т. 3, глава "Страшное в революции".
14. Цит. по кн.: О. Ф. Соловьев. Великий Октябрь и его противники. Москва, 1968, стр. 97–98.
15. См.: Н. Рубинштейн. Большевики и Учредительное собрание. Москва, 1938, стр. 55. Несколько иные данные приводит О. Н. Знаменский: Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Ленинград, 1976. (См. таблицы в конце книги).
16. См.: Н. Рубинштейн. Большевики и Учредительное собрание, стр. 51; В. И. Ленин. Сочинения. 4-е изд. Москва, 1941–1962, т. 30, стр. 244.
17. См.: Чернов. Перед бурей, стр. 356–359.
18. Цит. по кн.: А. Луначарский. Бывшие люди. Москва, 1922, стр. 38. См. также "Дело народа", 17 ноября 1917.
19. "Дело народа", 3 ноября 1917.
20. Б. Соколов. Защита Учредительного собрания. "Архив русской революции", 1924, т. XIII, стр. 60.
21. Чернов. Перед бурей, стр. 357.
22. Впрочем, Вишняк даже в 1946 г. считал, что в отношении Учредительного собрания эсеры все делали исключительно правильно. (См.: М. Вишняк. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954, стр. 348–351).
23. См.: Leon Trotzky. Lenin. (Authorized Translation). New York, 1925, стр. 123.

24. М.В. Вишняк. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932, стр.99–100.
25. См.: Н. Рубинштейн. К истории Учредительного собрания. Москва–Ленинград, 1931, стр.104–105.
26. С. Мстиславский. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. 2-е изд. Берлин–Петербург–Москва, 1922, стр. 140.
27. См.: Чернов. Перед бурей, стр.359. – Вишняк. Дань прошлому, стр. 357–358.
28. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. Москва, 1974, стр. 179.
29. См.: К.Т.Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр.295.
30. Ф.Раскольников. Рассказы мичмана Ильина. Москва, 1934, стр.6.
31. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5, стр. 179–180.
32. П.Е. Дыбенко. Мятеежники. Москва, 1923, стр. 108.
33. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Т. 3, стр.132.
34. См.: "Новый вечерний час", 5 января 1918, №4; "Народное слово", 6 января 1918, №3; "Новая жизнь", 7 января 1918, №5.
35. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Т. 3, стр.135.
36. Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, стр.8–9.
37. Вишняк. Дань прошлому, стр.362.
38. Всероссийское Учредительное собрание, стр.3, 5–6.
39. Вишняк. Дань прошлому, стр.363; см. также: Свердлова, указ. соч., стр.297. Впрочем, эсеры быстро поняли, что дружное пение не всегда спасает. Когда Третий съезд Советов стоя приветствовал чтение Декларации прав трудящихся, фракции эсеров и меньшевиков, несмотря на возмущение зала, мужественно сидели.
40. Всероссийское Учредительное собрание, стр.9.
41. Чернов. Перед бурей, стр.362.
42. М. Вишняк. Всероссийское Учредительное собрание. "Современные записки", 1928, т. XXXIV, стр.373–374.
43. Отточие документа.
44. Всероссийское Учредительное собрание, стр.14, 17.
45. О.С. Минор. В сб.: Сборник статей разных авторов. Москва, 1918, стр.128.
46. "Правда", 7 января 1918, №5.
47. Н. Ограновский. Дневник члена Учредительного собрания. "Голос минувшего", 1918, №4–6, стр.15.
48. О.С. Минор. В сб.: Сборник статей разных авторов, стр.128.
49. "Новая жизнь", 6 января 1918, №4.
50. Знаменский. Всероссийское Учредительное собрание, стр.336.
51. ДСВ. Т. 1, стр.320.
52. По выражению И. А. Бунина.

53. Вплоть до момента разгона Учредительного собрания Церетели все не верил, что Собрание разгонят: "С трудом верится, чтобы большевики осмелились разогнать Учредительное собрание – ни народ, ни история этого не простит". (Цит. по: Вишняк. Дань прошлому, стр. 348).
54. Здесь и ниже отточие документа.
55. Всероссийское Учредительное собрание, стр. 36–37.
56. Вишняк. Дань прошлому, стр. 367.
57. Бонч-Бруевич. На боевых постах, стр. 249.
58. Д. Анин. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971, стр. 466–467.
59. Всероссийское Учредительное собрание, стр. 89–90.
60. Дыбенко. Мятёжники, стр. 110.
61. В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958–1962, т. 35, стр. 477–478, примечания.
62. Судя по воспоминаниям Ф. Раскольниковца, заседание Совнаркома, вероятно формальное, провели сразу же после вынесения во фракции большевиков решения об уходе с заседаний Учредительного собрания. (См.: Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, стр. 18).
63. См.: Дыбенко. Мятёжники, стр. 110.
64. Постановлением о государственном строе Россия объявлялась республикой. (См.: Всероссийское Учредительное собрание, стр. 113). Вишняк почему-то считает, что это постановление, являвшееся "результатом долгих и больших трудов, ...выдержало испытание временем". (Вишняк. Дань прошлому, стр. 345). Мемуары заканчивались автором в 1946 году!
65. Дыбенко. Мятёжники, стр. 110.
66. Всероссийское Учредительное собрание, стр. 110.
67. См.: С. Мстиславский. Пять дней, стр. 158. – Обширный проект "Основного закона о земле" не оглашался. Из проекта постановления "О государственном устройстве России" были выброшены два пункта: о лишении "царствующего дома Романовых" права на престол и об уничтожении "монархического образа правления", а также пункт четвертый, гласивший: "Отныне и впредь до установления основных законов Российской демократической Федеративной республики вся полнота государственной власти принадлежит Учредительному собранию и отправляется его именем". (Цит. по кн.: Знаменский. Всероссийское Учредительное собрание, стр. 345).
68. "Партия наша пропала", – проронил эсер Н.П. Ограновский. (См.: Ограновский. Дневник члена Учредительного собрания, стр. 161). А меньшевики недоумевали: "Почему они испугались матроса Железнякова, почему не поставили его перед необходимостью насильственного разгона, арестов, расстрела высокого собрания? – спрашивал Н.А. Рожков. – Политически это был бы серьезный шаг. Надо

было объявить заседание непрерывным и бороться с мужеством отчаянья". (Н. Рожков. Ход революции. В кн.: Октябрьский переворот. Факты и документы. Петроград, 1918, стр.42).

69. Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, стр. 21.
70. "Историк-марксист", 1929, № 10, стр.56. В воспоминаниях левого эсера Штейнберга сцена разгона Учредительного собрания просто отсутствует. Штейнберг пишет: "Было около четырех часов утра 6 января, когда Чернов объявил заседание официально закрытым и заявил, что Собрание соберется снова на следующий день. Депутаты покинули Таврический дворец... Попыток разогнать их силой советская власть не предпринимала..." (I.N.Steinberg. In Workshop of the Revolution. New-York—Toronto, 1953, стр.55).
- Есть все основания полагать, что в советское издание стенограммы Учредительного собрания были внесены изменения. Это признает и советская историография: "В 1918 г. был издан отчет заседания Учредительного собрания. На обложке этого издания напечатано, что он издан "по распоряжению председателя Учредительного собрания". (Петроград, типография, аренд. акц. о-вом "Дом Печати", 1918 г.). Сравнение этого печатного отчета с архивным дает основание предполагать, что оба они в основе имеют одну и ту же стенографическую запись, которая при издании подверглась некоторой стилистической и значительной авторской правке, вносящей иногда и исправления принципиального характера, причем конец этого печатного стенографического отчета подвергся значительным изменениям, совершенно иначе рисуя общую картину окончания заседания Учредительного собрания. В настоящем издании в основу публикации стенографического отчета положен сохранившийся неполный стенографический отчет заседания, с собственноручной надписью "М. Урицкий"...". (Всероссийское Учредительное собрание, стр. XXVII).
71. См.: "Ленинский сборник", XVIII. (Москва), 1931, стр.46—47, 50—51.
72. См.: Скрипилев. Всероссийское Учредительное собрание. Москва, 1982, стр. 203.
73. См.: "Правда", 7 января 1918; "Известия ЦИК", 7 января 1917.
74. По официальным советским данным в Москве было убито 9 манифестантов и ранено 30 (см.: "Пролетарская революция", 1928, № 1 /72/ стр.127—128, 131), однако действительное число убитых было больше.
75. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 285.
76. См.: К. Гусев. Крах партии левых эсеров. Москва, 1963, стр. 135.
77. Возможно, следует читать "умеренностью". По крайней мере в хранящемся в архиве Троцкого документе буква "в" зачеркнута карандашом и над ней написана буква "м". Архив Троцкого. Хогтонская библиотека Гарвардского университета. Т—3815, папка 1, лист "Левые эсеры".

78. Секция пользовалась некоторой автономией: имела свой президиум, свои фракционные бюро и печатный орган. Большинство в ней всегда принадлежало ПЛСР. После июльских событий секция была преобразована в Крестьянский отдел ВЦИК и потеряла свои автономные права. Затем большевики объединили "отдел" с наркоматом земледелия. Таким нехитрым образом ЦИК Советов крестьянских депутатов в несколько месяцев был большевиками уничтожен.
79. См.: Trotzky. Lenin, стр. 123.
80. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 141–142.
81. В лице левых эсеров Ленин не думал иметь ни верных союзников (впрочем, союзник для Ленина всегда был потенциальным завтрашним врагом), ни стойких противников: "Здесь, в этом лагере, мы имеем главную оппозицию очередным и текущим задачам момента в более точном смысле слова; тут оппозиция людей, которые не отказываются в принципиальном согласии с нами, которые поддерживают нас по более существенным вопросам, чем те, по которым критикуют, — оппозиция, соединенная с поддержкой". (Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, стр. 253). Левым эсерам не доверял и Свердлов. Свердлов-Новгородцева в своих воспоминаниях пишет: "Как и Ильич, Яков Михайлович считал, что доверять левым эсерам полностью нельзя, хотя блок с ними в настоящее время и необходим. Он говорил, что сама по себе партия левых эсеров и особенно ее головка крайне ненадежны..." (Свердлова, указ. соч., стр. 286).

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОКРУГ БРЕСТСКОГО МИРА

В советской и западной историографии о левых эсерах было создано несколько устоявшихся уже и всеми принятых легенд. Одна из них — левые эсеры как принципиальные противники заключения мира с Германией. Даже Дойчер указывает, что идею мира с Германией не приветствовал никто из левых эсеров.¹ Однако такое утверждение в корне неверно. На том начальном этапе переговоров, когда речь шла о заключении "демократического мира без аннексий и контрибуций", левые эсеры заключение мира приветствовали. Об этом пишет в своих воспоминаниях Троцкий:

"Небезынтересно, может быть, тут же отметить, что левые эсеры вовсе не сразу выступили против брест-литовского мира. По крайней мере, Спиридонова была в первое время решительной сторонницей подписания: "Мужик не хочет войны, — говорила она, — и примет какой угодно мир". "Подпишите сейчас же мир", — говорила она мне в первый мой проезд из Бреста..."²

На заседании ВЦИК 8 декабря 1917 г. Спиридонова в речи о мирных переговорах заявила, что Совнаркому левые эсеры в этом вопросе оказывают "полное доверие" и "всемерную поддержку".³ Левые эсеры не верили в возможность получения помощи от пролетариата Запада,⁴ считали, что российские "ресурсы не так велики, как требовали бы этого стоящие на очереди вопросы",⁵ и о войне с Германией даже не заикались. За подписание мира в прениях по докладу о переговорах в Брест-Литовске

ПЛСР высказалась и на Третьем Всероссийском съезде Советов. Выступавший от имени левозсеровской фракции Камков заявил, что голосующие за продолжение войны "в данный момент русской революции на плечи взваливают непомерно тяжелое бремя", что "осуществление в несколько дней лозунга — мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов — почти невозможно, ибо разрешение полностью и целиком всех этих мировых задач под силу только мировой революции". Обращаясь к противникам заключения мира, Камков сказал: "Для вас необходимо одно: войой во что бы то ни стало, войой до последнего солдата, войой, хотя бы это вело к гибели революции... Если на время нам придется сделать уступки, то это не наша вина..."⁶

Подобные заявления руководящих деятелей ПЛСР дали Ленину основания считать, что его точка зрения будет поддержана левыми эсерами. Ленин, как оказалось, не ошибся. На состоявшемся 18 февраля объединенном заседании Центральных Комитетов большевиков и левых эсеров последние проголосовали за точку зрения Ленина, за принятие германских условий мира.⁷ Ленин поэтому поспешил назначить на 19 февраля совместное заседание большевистской и левозсеровской фракций ВЦИК, согласившись считать вынесенное совместно решение окончательным. Уверенный в своей победе, Ленин в ночь на 19 февраля составил текст радиообращения к немцам. Совнарком протестовал против возобновления германского наступления, но в создавшейся ситуации соглашался подчиниться насилию и формально подписать мир на предложенных Германией условиях. Текст этот был передан по радио утром 19 февраля и уже в 9.12 получен немцами, о чем был немедленно информирован генерал Гофман.⁸ Все это Ленин проделал еще до того, как было принято формальное совместное решение большевистской и левозсеровской фракций ВЦИКа. Но там, где Ленин смог обойти формальную сторону с левыми эсерами, он не смог сделать того же с немцами. Последние, не заинтересованные в приостановке успешного наступления, потребовали официального письменного документа; и Ленин ответил, что курьер находится в пути.⁹ Германия приняла это заявление к сведению, но наступления не прекратила.

Немцами были заняты в те дни несколько городов: 18 февраля — Двинск; 19-го — Минск; 20-го — Полоцк; 21-го — Режица и Орша; 22-го — Вольмар, Венден и Гапсаль; в ночь на 24-е — Псков и Юрьев; 25 февраля — Борисов и Ревель; 2 марта — Нарва. Если бы не сеял Ленин панику, а разобрался в происходившем, если бы попытался получить хоть какие-то сведения о том, что за войска берут один за другим российские города, он без труда понял бы, что никакой опасности не существует, что нет угрозы, так как нет наступающей германской армии. Немцы действовали небольшими разрозненными отрядами в 100—200 человек, даже не регулярными частями, а сборными, из добровольцев. Из-за царившей у большевиков паники, из-за слухов о приближении мифических германских войск города и станции оставались без боя, еще до приближения противника. Двинск, например, был взят немецким отрядом в 60—100 человек. А в Режице германский отряд был столь малочислен, что не смог занять даже телеграф, который работал еще целые сутки.¹⁰ И получалось, что прав был Радек, утверждавший все это время, с конца января, что "новый поход немецкого империализма вглубь России, ввиду его политической бесцельности и даже опасности, которыми он угрожает немецкому империализму, ...невозможен".¹¹ А ранее того на другом фронте, дипломатическом, не все уже у немцев шло гладко. Сразу же после начала германского наступления австрийское правительство высказалось против возобновления военных действий.¹²

Но нашло в те дни на Ленина затмение. И нельзя уже было сказать, действительно ли верил он в германское нашествие, или иные, недоступные никому более соображения толкали его на заключение немедленного фиктивного мира. 19 февраля он выступил с защитой своих лозунгов на объединенном заседании большевистской и левозсеровской фракций ВЦИК с двухчасовой речью. Но неожиданно для Ленина, как и для многих членов ЦК ПЛСР, большинство членов ВЦИК высказалось против принятия германских условий мира. Протокол заседания ВЦИК от 19 февраля, конечно же, "не сохранился", но на следующий день орган московской большевистской организации газета "Социал-демократ" поместила краткий отчет о заседании

фракций. "Большинство стояло на той точке зрения, — писала газета, — что русская революция выдержит испытание; решено сопротивляться до последней возможности".¹³

Каким же нужно было быть Ленину находчивым, чтобы изловчиться и не подчиниться даже такому решению — высшего органа советской власти. Чтобы перекрыть постановление ВЦИК Ленин 19 февраля собрал заседание Совнаркома, на котором были обсуждены "вопросы внешней политики в связи с наступлением, начатым Германией, и телеграммой, посланной сегодня ночью ЦК партии большевиков и левых с.-р. в Берлин на имя правительства Германии". Большинством голосов против двух большевистско-левоэсеровский Совнарком содержание ночной телеграммы, посланной Лениным самовольно, преждевременно и вопреки воле ВЦИК — утвердил.¹⁴ Впервые за много дней борьбы внутри своего правительства Ленин мог вздохнуть спокойно.

Видимо, в связи с принятой ВЦИКом Советов резолюцией, в тот же день, 19 февраля по н.с., Совнарком обсудил вопрос об организации обороны и ведении революционной войны, "если революция будет поставлена перед этой необходимостью".¹⁵ Этот вопрос было поручено изучить Военной комиссии в составе Крыленко, комиссара по военным делам Подвойского, начальника морского штаба Альфатера и комиссаров Дыбенко и Раскольников. Доклады Крыленко и Альфатера Совнарком заслушал 20 февраля. В тот же день Петроград был объявлен на военном положении.¹⁶ 21 февраля был создан Комитет революционной обороны Петрограда. Он был образован Петроградским Советом из 15 человек, в том числе всего состава Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, одного представителя от комиссариата по военным делам, пяти членов ВЦИКа и по паре представителей от партий большевиков и левых эсеров.¹⁷ Из большевиков в комитет вошли Зиновьев, Лашевич, Трубачев, Васильев, В. Володарский, С. И. Гусев, К. С. Еремеев, Н. И. Подвойский, М. С. Урицкий.¹⁸ Во главе комитета встал Свердлов.¹⁹ Затем туда единогласно был кооптирован Радек.²⁰ Тогда же постановлением СНК было объявлено об организации социалистической армии, поголовной мобилизации всех рабочих и об отправке всей

буржуазии на рытье окопов под Петроградом.²¹ На следующий день в "Правде", за подписью Крыленко, было опубликовано еще и воззвание о создании, в дополнение к мобилизованным, добровольческих частей Красной армии.²²

Под давлением обстоятельств, к объявлению революционной войны в какой-то момент склонился Ленин. Троцкий вспоминает, что, получив телеграмму о подавлении немцами революции в Финляндии, Ленин сказал: "По-видимому, придется драться, хотя и нечем. Но иного выхода на этот раз, кажется, нет..." Троцкий отмечает, что "никогда, ни раньше, ни позже", он не видел Ленина в таком возбуждении.²³ Реакция Ленина объяснялась, возможно, еще и царившей среди большевиков и левых эсеров уверенностью, что Антанта договорится со странами Четверного союза и мир на Западном фронте, по выражению Троцкого, "будет построен на костях русской революции".²⁴

Впрочем, от идеи заключения мира с Германией ЦК не отказался, а потому на заседании 22 февраля произошел фактический раскол большевистской партии. Бухарин вышел из состава ЦК и сложил с себя обязанности редактора "Правды", а группа в составе Ломова, Урицкого, Бубнова, С. Смирнова, Ин. Стукова, М. Бронского, В. Яковлевой, Спунде, М. Покровского и Г. Пятакова подали в ЦК заявление о своем несогласии с решением, оставив за собой право вести в партийных кругах широкую агитацию против политики ЦК. Иоффе, Дзержинский и Крестинский также заявили о своем несогласии с решением ЦК подписать мир, но воздержались от присоединения к группе Бухарина, так как это означало бы окончательно расколеть партию, а делать это они считали недопустимым.²⁵ В этот период необыкновенного разброда в партии большевиков ПЛСР оставалась верным и преданным союзником и делала все от себя зависящее для поддержания обороноспособности страны и укрепления большевистско-лево-эсеровского блока. Когда 21 февраля Совнаркомом был утвержден декрет-воззвание "Социалистическое отечество в опасности!" и вечером того же дня передан на обсуждение во ВЦИК, левые эсеры поддержали декрет против эсеров, меньшевиков и левых коммунистов, а на следующий день, вместе с большевиками, приняли участие в работе чрезвычайного заседания расширенного

президиума ЦИК, на котором большевистские и левозэсеровские руководители выслушали соображения военных специалистов, только что прибывших из Ставки, об обороне Петрограда. В течение всего 23 февраля большевики и левые эсеры еще делали жалкие попытки сформировать хоть какие-то вооруженные отряды.²⁶ Безуспешно.

23 февраля состоялось очередное заседание ЦК РСДРП (б). Обсуждались предложенные Германией новые мирные условия. Их огласил Свердлов. Ленин потребовал немедленного согласия на германские условия и заявил, что в противном случае уйдет в отставку. Это заявление обеспечило Ленину победу: из восьми противников заключения Брестского мира четверо — Троцкий, Дзержинский, Крестинский и Иоффе — воздержались при голосовании. Против мира голосовали только Бухарин, Ломов, Урицкий и Бубнов. Стасова, Зиновьев, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга поддержали Ленина. В результате, семью голосами против четырех при четырех воздержавшихся германский ультиматум был ЦК РСДРП (б) принят.

Совместное заседание ЦК РСДРП (б) и ЦК ПЛСР было назначено на вечер 23 февраля. Протокол его числится в найденных, возможно потому, что, вопреки утверждениям советских историков, левые эсеры поддержали ленинскую идею мира. Основания считать так есть по крайней мере уже потому, что ЦК ПЛСР поддержал Ленина еще 18 февраля, когда даже большинство ЦК РСДРП (б) голосовало против ленинского предложения. Вопрос затем был передан на обсуждение фракций ВЦИК, заседавших всю ночь с 23 на 24 февраля то порознь, то совместно. Небольшой зал, отведенный для фракции большевиков, был забит до отказа. Кроме членов большевистской фракции ВЦИК, там находились члены Петроградского Совета и партийный актив города. Ленина в начале заседания не было. Он пришел позже. Заседание вел Свердлов. Большинством голосов большевистская фракция приняла резолюцию о принятии германских условий мира. Левые коммунисты пробовали добиться от фракции права свободного голосования. Но потерпели поражение: фракцией была принята резолюция о дисциплине, обязывающая всех членов большевистской фракции голосовать за мир или не участвовать

в голосовании. Однако на объединенном заседании большевистской и левоэсеровской фракций левые коммунисты снова выступили против подписания мира.

Наконец, в три часа утра 24 февраля в большом зале Таврического дворца открылось заседание ВЦИК. Фракций было четыре: большевики, левые эсеры, эсеры и меньшевики. Ранним утром приступили к поименному голосованию. Каждого из присутствующих вызывали на трибуну, где он, повернувшись лицом к залу, должен был сказать, за мир он или за войну. Сцены разыгрывались самые разные. Бухарин, несмотря на решение большевистской фракции голосовать за мир, выступает против, "и слова его тонут в аплодисментах половины зала".²⁷ Его поддерживает Рязанов. Луначарский, наоборот, до самой последней секунды не знает, что сказать: как левый коммунист, он должен сказать "нет", но как дисциплинированный большевик — обязан сказать "да". Наконец, выйдя на трибуну, он произносит... "да" и, "закрывая руками судорожно дергающееся лицо, сбегает с трибуны".²⁸ Кажется, он плачет. Большинство левых коммунистов, не желая голосовать за подписание мира, но и не смея нарушить партийную дисциплину, покидают зал еще до голосования и этим решают исход событий в пользу Ленина (но еще не догадываются об этом).

У левых эсеров творится примерно то же, только в обратную сторону. Фракция в целом решает голосовать против Брестского мира, но обязывает сторонников Ленина не голосовать за подписание мира, а воздержаться. Как и у большевиков, не все соглашались соблюдать партийную дисциплину в ущерб своим принципам. За подписание мира голосует Спиридонова, Малкин, ряд других видных членов ЦК ПЛСР.²⁹ Но в результате за ленинскую резолюцию голосует 116 членов ВЦИК, против — 85 (эсеры, меньшевики, анархисты, левые эсеры, левые коммунисты), 26 человек (все 26 левые эсеры, сторонники подписания мира)³⁰ воздерживаются.³¹ В 5.25 утра заседание окончилось. Ленин победил. Через полтора часа в Берлин, Вену, Софию и Константинополь было передано сообщение Совнаркома о принятии германских условий и посылке в Брест-Литовск делегации.³² Однако германское наступление, как и предусматривал

новый ультиматум Берлина, продолжалось до дня подписания мирного договора 3 марта 1918 г. Однако договор мог вступить в силу лишь после ратификации его съездом партии большевиков, назначенным еще на 20 февраля, но так до сих пор и не созванным, Съездом Советов, до созыва которого осталось примерно две недели, и немцами. В распоряжении сторонников и противников ратификации оставалось, таким образом, время, которое каждая из сторон хотела использовать в своих интересах.

6 марта в Таврическом дворце открылся съезд РКП (б). Он не был представительным. В его выборах могли "принять участие лишь члены партии, состоявшие в ней более трех месяцев",³³ т.е. только те, кто вступил в ряды РСДРП (б) до октябрьского переворота. Кроме того, делегатов съехалось мало. Даже 5 марта не было еще известно, откроется ли съезд или нет: будет ли он правомочным. Свердлов на предварительном совещании откровенно признал, что "это конференция, совещание, но не съезд".³⁴ И поскольку такой "съезд" никак нельзя было назвать "очередным", он получил титул "экстренного". Собирался он в страшной спешке, суете. Нет точных данных о численности его делегатов,³⁵ можно предположить, однако, что в нем участвовало 47 депутатов с решающим голосом и 59 с совещательным,³⁶ представлявшие 169 200 членов РКП (б).³⁷ Всего же, по данным непроверенным и неточным, в партии большевиков насчитывалось в то время до 300 000 членов,³⁸ не так уж много, если учесть, что к моменту созыва Шестого съезда в июле 1917 г., когда партия еще даже не была правящей, в ее рядах числилось уже около 240 тысяч,³⁹ причем численность партии с апреля по июль 1917 г. возросла в три раза.⁴⁰ Теперь же Ларин вынужден был признать, что "многие организации фактически за последнее время не выросли".⁴¹ А Свердлов, выступивший на Седьмом съезде с отчетом ЦК, обратил внимание партийного актива еще на два прискорбных обстоятельства в деле партийного строительства: "членские взносы поступали крайне неаккуратно", а тираж "Правды" упал с 220 тыс. в октябре 1917 г. до 85 тысяч к моменту созыва Седьмого съезда, причем циркуляция газет ограничивалась теперь одним Петроградом.⁴²

Наверно, в любой другой момент именно эти вопросы и привлекли бы внимание делегатов большевистского съезда

в первую очередь. Но только не в марте 1918 г., только не на Седьмом съезде.⁴³ Вопрос предстояло обсуждать куда более серьезный — Брестский мир. 7 марта в 12 часов дня с первым докладом на эту тему выступил Ленин. Задача его была сложна — убедить делегатов в том, что тяжелые условия Брест-Литовского договора необходимо ратифицировать. В плане территориальных изменений Брест-Литовский мирный договор предусматривал, что

”Россия сделает все от себя зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции. Округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно очищаются от русских войск. Россия... предоставит населению этих округов установить новый строй в соответствии с соседними государствами, особенно с Турцией... Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской Красной гвардии... Эстляндия и Лифляндия также незамедлительно очищаются от русских войск и русской Красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходит в общем по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии проходит в общем через озеро Чудское и Псковское озеро... Финляндия и Аландские острова также будут немедленно очищены от русских войск и русской Красной гвардии, а финские порты — от русского флота и русских военно-морских сил...”⁴⁴

Россия, таким образом, теряла всю Прибалтику, Украину, часть Белоруссии, отдавала ряд территорий Турции, окончательно отказывалась от мысли присоединить Польшу и Финляндию. На отторгнутых от России территориях общей площадью в 780 тыс. кв. км. с населением 56 млн.⁴⁵ человек (треть населения Российской империи) до революции находилось 27% обрабатываемой в стране земли, 26% всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, выплавлялось 73% железа и стали, добывалось 75% каменного угля.⁴⁶ Ленин совершенно справедливо

сравнил этот мир с Тильзитским: по Тильзитскому миру Пруссия лишалась примерно половины своей территории и 50% населения. Россия — лишь трети. Но в абсолютных цифрах территориальные и людские потери были несравнимы. Именно этот мир и был ратифицирован съездом РКП (б) большинством голосов.

Если партийный съезд провести в Петрограде большевики отважились, то Съезд Советов они решили созвать в Москве, куда постановлением правительства была перенесена столица советской России, поскольку над Петроградом нависла угроза германской оккупации и падения там советской власти. 10-го марта в Москву прибыл Свердлов. 11-го — с поездом Совнаркома — Ленин. Сразу же после переезда начали они подготовку к открытию съезда, намеченного на 12 марта, но открывшегося только 14-го. Как и съезд большевиков, Съезд Советов представительным не был и получил название "чрезвычайного".

Для Ленина те дни спокойными не были. В оппозиции к ратификации Брестского договора стояли эсеры, меньшевики, большая часть левозсеровской партии, анархисты-коммунисты. Наконец, действительную и главную оппозицию Ленину составляло левое крыло большевистской партии. И все еще не было ясно, как поведет себя фракция РКП (б). Поэтому 13 марта, за день до начала работы съезда, Ленин и Свердлов провели генеральную репетицию голосования по вопросу о ратификации Брест-Литовского мирного договора: на состоявшемся заседании фракции большевиков Четвертого Чрезвычайного съезда Советов, после выступления Ленина, 453 голосами против 36 заключение мира было одобрено.⁴⁷

Однако на открывавшемся на следующий день съезде Советов присутствовало много большее число депутатов: 1172, в том числе 814 большевиков и 238 левых эсеров.⁴⁸ Вопрос о ратификации мира с точки зрения Ленина еще оставался открытым. Опасения Ленина подтверждались и телеграммами, присланными в адрес съезда местными партийными организациями большевиков и левых эсеров. На местах не было единого мнения, и между сторонниками и противниками ратификации установилось известное равновесие.⁴⁹ Вместе с левыми коммунистами против мира решили высказаться и левые эсеры, не слишком, впрочем, уверенно. Они

заняли "промежуточное положение между большевиками и оборонцами".⁵⁰ Промежуточное, но не враждебное, причем ЦК ПЛСР был настроен к Брестскому миру куда менее негативно, чем левозсеровские низы. Перед ЦК ПЛСР в связи с этим встала довольно неприятная дилемма. Не поддержать низы своей партии он не мог даже в том случае, если бы большинство членов ЦК встало на сторону Ленина. И ЦК ПЛСР большинством голосов проголосовал выступить против ратификации Брестского договора. Камков, еще недавно так горячо поддерживавший идею мира, теперь высказывался против:

"Совершенно независимо от того, какие цели преследует партия господствующих, в данном случае партия большевиков, которая стоит за ратификацию, ... объективно — это ведет к полному удушению русской революции..."⁵¹

Большевиков Камков обвинил в соглашательстве.

Было очевидно, однако, что речь Камкова не может изменить общего настроения съезда, большинство делегатов которого намеревались поддержать резолюцию Ленина. Предвидя свое поражение, Камков в заключительной речи сказал, что ПЛСР слагает с себя

"ответственность за ратификацию так называемых мирных условий... Все наши силы, которыми располагаем, все то влияние, которое мы имеем, ... бросим на весы, чтобы оказать вооруженное сопротивление нажиму империализма... Как правительственная партия, мы не имели бы права предпринимать шагов к нарушению этих условий; как партия политическая, не ответственная за ратификацию, мы берем на себя смелость утверждать, что мы сделаем все от себя зависящее, чтобы оказать вооруженное партизанское сопротивление на всех фронтах... Как это ни тяжело для левых социалистов-революционеров, после длительной совместной честной коалиции с партией большевиков на пути укрепления русской революции, мы должны сложить с себя ответственность за центральную политику правительства".⁵²

Решение левозсеровской фракции съезда диктовалось скорее всего тактическими соображениями. Кроме причин догматического

характера, здесь, конечно же, выступали и конъюнктурные: считаться в оппозиции к Брестскому миру было левым эсерам выгодно. В глазах прочих социалистических партий они, в этом смысле, оставались не запятнанными. Большевики же, наоборот, скомпрометировали себя даже в глазах своей собственной партии. А за ее пределами увеличили число сторонников левых эсеров из числа советских избирателей, тем более что Камков от имени своей партии не замедлил объявить на Съезде Советов, что ПЛСР согласна поддерживать большевиков по всем остальным вопросам.

Левых эсеров на Съезде Советов поддержали не только социалисты-революционеры, но и меньшевики. Они выдвинули резолюцию, в которой требовали отклонения мирного договора, создания "всенародного ополчения", выражения недоверия советскому правительству и передачи власти Учредительному собранию.⁵³ Но несмотря на протесты меньшевиков, эсеров и левых эсеров большинством в 785 голосов против 261 при 115 воздержавшихся Брест-Литовский мирный договор был ратифицирован,⁵⁴ после чего Штейнберг огласил декларацию левых эсеров, в которой говорилось, что

"при создавшихся после ратификации договора условиях партия отзывает своих представителей из Совета народных комиссаров. Вместе с тем партия левых социалистов-революционеров считает своим долгом подчеркнуть, что, поскольку Совет народных комиссаров будет проводить в жизнь программу Октябрьской революции, партия обещает ему свое содействие и поддержку..."⁵⁵

Против выхода из СНК и за подписание Брестского мира высказалось по крайней мере 78 левозеро-эсерских делегатов съезда.⁵⁶

Уже 15 марта все левозеро-эсерские наркомы покинули свои посты. Выйдя из правительства, они, подобно левым коммунистам, оставили за собой право свободной критики Брестского мира. Жест левых эсеров не был ни "вызывающим", ни тем более "предательским" или "коварным", как пытается это представить советская историография. В той обстановке он казался тактически оправданным, естественным, с одной стороны, и вынужденным и единственно возможным, с другой. В противоположность расколоте партии большевиков, ПЛСР осталась единой, избежала

партийного кризиса, и в этом, казалось, была известная мудрость руководства ПЛСР.

18 марта 1918 г., через день после окончания работы Четвертого съезда Советов, СНК рассмотрел вопрос "об общеминистерском кризисе в связи с уходом из правительства всех левых эсеров и некоторых гг. большевиков: Коллонтай, В.М. Смирнова, Оболенского (Осинского), Дыбенко". С сообщением по этому поводу выступил Свердлов. Заменить ушедших было нелегко. Совнарком принял решение начать переговоры о вхождении в правительство вышедших из него ранее членов Московского областного комитета РСДРП (б), стоявшего в оппозиции к Брестскому миру. Свердлову одновременно поручалось лично переговорить с С.П. Середой и рядом других большевиков, чьи кандидатуры намечались на посты наркомов земледелия, имуществ, юстиции и на пост председателя ВСНХ вместо ушедших в отставку. На том же заседании было заслушано и сообщение Свердлова о Высшем военном совете. В связи с уходом левых эсеров из СНК из Совета был выведен левый эсер П.П. Прошьян, а на его место назначен Н.И. Подвойский. Через несколько дней были сделаны и все прочие назначения.

Выйдя из Совнаркома, левые эсеры, однако, не порвали своих отношений с большевиками и остались их преданными союзниками, а левозеро-эсерские функционеры во ВЦИК и на местах продолжали свою обычную деятельность в тесном сотрудничестве с большевиками. Так, из 207 членов ВЦИК четвертого созыва (март—июль 1918 г.), избранного Четвертым съездом Советов, левых эсеров было 48 человек (а большевиков — 141). Левые эсеры работали в военном ведомстве, различных комитетах, комиссиях и советах. В Коллегии ВЧК, например, к июлю 1918 г. из 20 человек 7 были левыми эсерами. Раскол между большевиками и левыми эсерами длился недолго. Уже через неделю после выхода левых эсеров из СНК, 22 марта, на заседании Петроградского бюро ЦК был поднят вопрос о вхождении левых эсеров в Совнарком Петроградской коммуны.⁵⁷ А еще через неделю, 30 марта, ЦК РКП (б) на своем заседании рассмотрел возможность привлечения Прошьяна, как представителя левых эсеров, к работе в Высшем военном совете республики (ВВС). (Переговоры с левыми

эсерами по этому поводу должен был вести Свердлов).⁵⁸ 4 апреля решено было оставить левых эсеров членами коллегий ряда наркоматов, а Прошьяна включить в состав ВВС на условиях лояльного отношения к Брестскому миру, подчинения общим решениям правительства и выхода из ВВС в случае больших разногласий с большевиками без какой-либо политической демонстрации.⁵⁹ О согласии на эти условия левые эсеры должны были дать подписку.⁶⁰ Большевистско-левозсеровский союз входил, казалось, в свое обычное русло.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

1. См.: Isaac Deutscher. *The Prophet Armed. Trotsky. 1879–1921.* Oxford, 1979, стр. 373.
2. Л. Троцкий. О Ленине. *Материалы для биографа.* Москва, 1924, стр. 84.
3. *Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Испол. Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и каз. депутатов II созыва.* Москва, 1918, стр. 125.
4. Закс, например, еще 4 ноября угрюмо проронил, что "Западная Европа позорно молчит" (там же, стр. 32), за что получил нагоняй от Ленина.
5. Там же, стр. 130.
6. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Петроград, 1918, стр. 65–66.
7. См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Сборник документов. Т. II. Москва, 1957, стр. 220–221.
8. См.: Louis Fischer. *The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917–1929.* V. 1. Princeton, 1951, p. 61.
9. См.: А. Авторханов. *Происхождение партократии.* Т. 1. Франкфурт-на-Майне, 1973, стр. 448–449.
10. См.: *Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд.* Март 1918 года. Под ред. Д. Кина и В. Сорины. Москва–Ленинград, 1928, стр. 258.
11. Из статьи К. Радека "Брест-Литовск". "Социал-демократ", 25 января 1918, № 18.
12. См.: Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 года. Стенографический отчет. Москва, 1962, стр. 375. *Протоколы съездов и конференций*, стр. 266.
13. См.: "Социал-демократ", 20 февраля 1918, № 28. Советский хронограф истории партии Аникеев указывает, что это единственный источник об объединенном заседании фракций ВЦИКа от 19 февраля. (См.: В. В. Аникеев. *Деятельность ЦК РСДРП (б)–РКП (б) в 1917–1918 годах.* Хроника событий. Москва, 1974, стр. 196).
14. С. М. Майоров. *Борьба советской России за выход из империалистической войны.* Москва, 1959, стр. 221.
15. А. Чубарьян. *Брестский мир.* Москва, 1964, стр. 167.
16. См.: О. Ф. Соколов. *Великий Октябрь и его противники.* Москва, 1968, стр. 109.
17. См.: *Протоколы съездов и конференций*, стр. 268.
18. См.: Седьмой экстренный съезд РКП (б), стр. 377.
19. См.: Соколов. *Великий Октябрь и его противники*, стр. 109.

20. См.: Протоколы съездов и конференций, стр.268.
21. См. там же, стр.262; Майоров. Борьба советской России, стр.223.
22. См.: "Правда", 22 февраля 1918, № 32.
23. См.: Троцкий. О Ленине, стр.86.
24. Цит. по кн.: Robert D. Warth. Soviet Russia in World Politics. New York, 1963, p.51.
25. См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918 г. ГИЗ, 1929, стр.206–210.
26. См.: М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. Москва, 1964, стр.251–252. В этот день присутствовавший на заседании в качестве военного специалиста М. Бонч-Бруевич впервые увидел Марию Спиридонову: "Некрасивая, с узким лбом и напоминающими парик гладкими волосами, она производила впечатление озлобленной и мстительной истерички". (Там же).
27. См.: К. Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр.312–313.
28. Свердлова, указ. соч., стр.314.
29. См.: Гусев. Крах партии левых эсеров. Москва, 1963, стр.152.
30. См.: Протоколы съездов и конференций, стр.262. Возможно, что двое из тех 26 были анархистами.
31. См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958–1962, т. 35, стр.490, примечание; стр.147.
32. См.: Майоров. Борьба советской России, стр.230–231.
33. Седьмой экстренный съезд РКП (б), стр.235.
34. Седьмой экстренный съезд РКП (б), стр.191.
35. См.: Протоколы съездов и конференций, стр. VIII.
36. См.: Седьмой экстренный съезд РКП (б), стр. XXI.
37. См.: Протоколы съездов и конференций, стр. I.
38. См.: Седьмой экстренный съезд РКП (б), стр. XXI.
39. См.: Протоколы съездов и конференций, стр.4. Седьмой экстренный съезд РКП (б), стр.357. История коммунистической партии Советского Союза, в шести томах. Т. 3, кн. 1. Москва, 1967, стр.180.
40. См.: История коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1, стр.180.
41. Седьмой экстренный съезд РКП (б), стр.192. Ларин указал также на то, что в связи с передачей Германии огромных территорий численность большевистской партии резко падает. (См. там же).
42. См.: Протоколы съездов и конференций, стр.4.
43. На съезде, впрочем, делегатам была раздана анкета, состоявшая из 44 пунктов. Советские источники указывают, что поскольку "анкеты найдены не все", они до сих пор не могут быть опубликованы. (См.: Седьмой экстренный съезд РКП (б), стр.194–195).
44. Документы внешней политики СССР. Т. 1. Москва, 1959, док. № 78, стр.121–122.

45. Д. Флеминг указывает цифру в 62 млн. человек. (См.: D.F.Fleming. The Cold War and its Origins, 1917–1960. V.1, 1917–1950, New York, 1961, p.17.
46. См.: Georg von Rauch. A History of Soviet Russia. Six Edition, New York, 1976, p.76. – Чубарьян, указ. соч., стр.189–190. Статистические данные, указанные Раухом и Чубарьяном несколько расходятся.
47. См.: Ленин. ПСС, т. 36, стр.583.
48. 25 февраля СНК разослал всем местным Советам и земельным комитетам запрос об отношении к подписанию мира. За мир высказались 262 Совета и организации, против – 233. При общем цифровом перевесе в сторону мира позиции сторонников войны были сильнее. За войну, в частности, высказалось 20 Советов губернских городов (против – только 6). А ведь именно крупные города считали большевики своей опорой.
49. См.: История СССР с древнейших времен до наших дней, в двух сериях, в 12 томах. Т. 7. Москва, 1967, стр.347.
50. См.: Г. Зиновьев. Сочинения. Т. 7. Ленинград, 1925, часть 1, стр.535, примечание.
51. Четвертый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Москва, 1920, стр.23.
52. Там же, стр.23, 48–51.
53. См.: "Партийные известия", № 6–7 (13–14), 20 мая 1918, стр.15.
54. См.: Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатск., крестьянск. и каз. депутатов. Москва, 1920, стр.64. 22 марта Брестский мир был ратифицирован Германией и вступил в силу. (См.: Warth. Soviet Russia in World Politics, p.54).
55. Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного съезда Советов, стр.61.
56. См.: Зиновьев. Сочинения. Т. 7, часть 1, стр.537.
57. См.: Переписка Секретариата ЦК. Т. III, стр.153–154.
58. Цит. по кн.: Аникеев, указ. соч., стр.240.
59. Там же, стр.243.
60. Там же, стр.240.

М. А. Спиридонова

Б. Д. Камков

И. А. Майоров

П. П. Прошьян

Я. М. Свердлов

Ф. Э. Дзержинский в начале 1918 г.

Дом в Петрограде, где размещалась ВЧК.

Я. Х. Петерс и Ф. Э. Дзержинский

М. Я. Лацис

И. И. Вацетис

**Дом № 11 по Большой Лубянке, где в 1918 г.
размещались ВЧК и МЧК.**

Д. И. Попов

Я. Г. Блюмкин

Н. А. Андреев

Денежный переулок, д. 5.

РОССИЙСКАЯ
ДЕМАКОРАТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕПУБЛИКА
ВСЕРОССИЙСКАЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ
ПО БОРЬБЕ
С КАРТЕЛ-РЕВОЛЮЦИЕЙ И СИНДИКАТОМ
ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ
6. Июля 1918 г.
Москва, в здании
Германского
Посольства

Однѣко СЕКРЕТНОЕ

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия удостоверяет ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного Трибунала Николая Андреева войти в переговоры с Господином Германским Посломъ въ Россійской Республикѣ по поводу дѣла, извѣстнаго непосредственнымъ отношеніемъ къ Господину Послу.

Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии:

Секретаря: *С. Ф. Дзержинский*

Кеширо

Документ, который Блюмкин и Андреев предъявили в германском посольстве.

Охрана V съезда Советов, проходившего в здании Большого театра. Июль 1918 г.

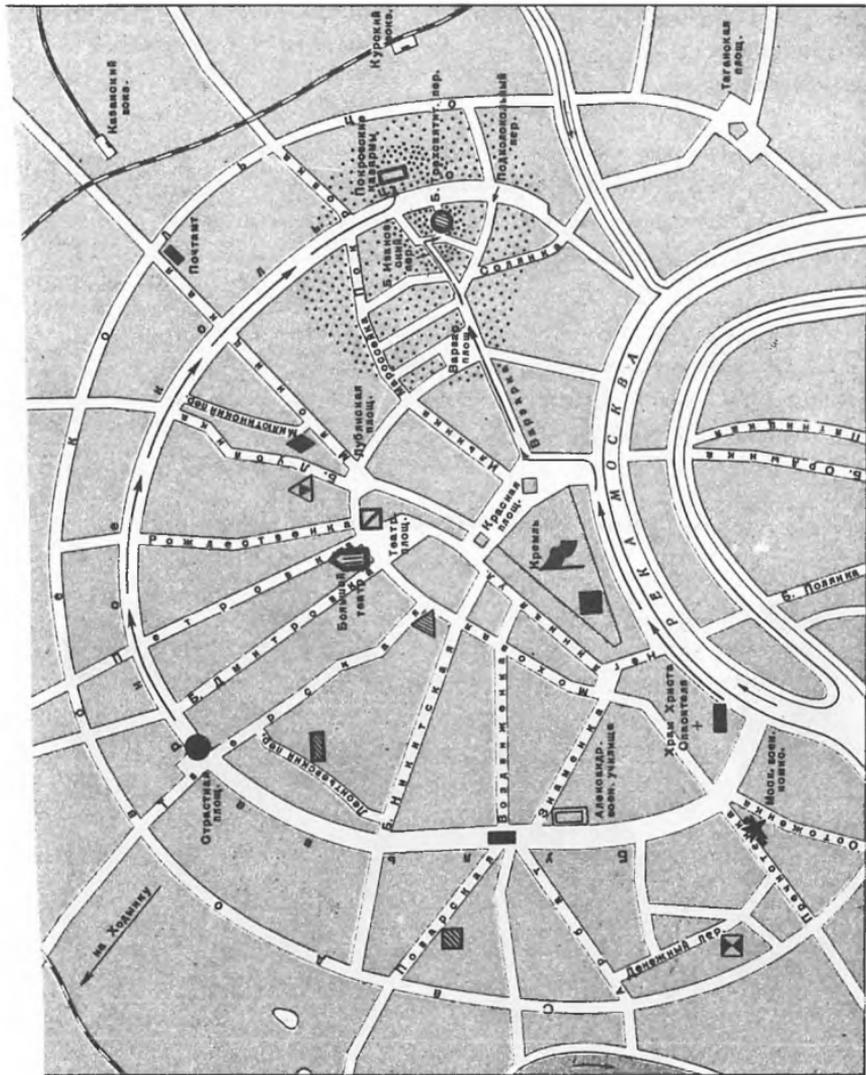
*мыслим мировой контрреволюции ее зря,
любим жертвы возродить, сие же дурное дело.
Мы не имеем 7.11.18 и сего же дня змерче-
и предимостямъ Делу Рабочей Революции и Ком.
лучшимъ делу дурно добиваться Добрыхъ работ
такъ и крепко для отпущения нашей работы
надъ при жизни мировой контрреволюции и
для обеспечения работы Советской Республики
по мирному пути восстановления государства и
13.11.18 С. Ф. Дзержинский съезд*

Автограф Дзержинского, с его подписью.

Большой Трехсвятительский переулок, д. 1.
(бывший особняк фабриканта Морозова).
Штаб "Восстания".

- Политический штаб по разгрому левосерверского мятежа
- Военно-оперативный штаб по разгрому мятежа
- 9-я латышский стрелковый полк
- Место сосредоточения 1-й группы советских войск
- Место сосредоточения 2-й группы советских войск
- Командантские части на Арбатской площади
- Направления движения частей советских войск
- Район сосредоточения главных сил мятежников
- Штаб мятежников
- Левосерверский Отряд особого назначения, штаб боевых дружин
- Здание ЦК партии левых эсеров
- Германское посольство
- Гостиница „Метрополь“ 2-й Дом Советов
- Гостиница „Националь“ 1-й Дом Советов
- Здание ВЧК
- Московская телефонная станция

К событиям в Москве 6—7 июля 1918 г.
(по книге: Л.М. Спирин. Крах одной авантюры. Москва, 1971).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БРЕСТСКИЙ МИР В ДЕЙСТВИИ

Весною 1918 года Ленин все время защищал "свой" Брестский мир. Но каждый раз подразумевал под этим не то, что ранее. В каждом конкретном промежутке времени, в каждый конкретный день и час своей жизни он был уверен, что прав, и прав абсолютно. "В наиболее острые моменты он как бы становился глухим и слепым по отношению ко всему, что выходило за пределы поглощавшего его интереса... Он верил в то, что говорил".¹ Эта несокрушимая вера в себя не подходила под понятие "самоуверенность". Это было нечто большее, не поддающееся ни осмыслению, ни логике. Он не видел того пути, по которому шел сам и вел других. Но каждый свой последующий шаг он видел отчетливо. Его охватывала паника, или вдруг — необъяснимый оптимизм, в зависимости от того, перед кем он выступал, какие цели преследовал своим выступлением. Но каждый раз — или только казалось так окружающим — он искренне верил в то, что говорил. И эта вера захватывала других, оьяняла, гипнотизировала. Так вело его шаг за шагом, слепо. 29 апреля во ВЦИК, как давно уже не выступал там, он выступил с обширной речью, злой, разъяренной, снова о Брестском мире, против левых эсеров и левых коммунистов.

Но, казалось, не окружающим, а себе доказывал Ленин правоту своих собственных мыслей в нудной, тянувшейся час 20 минут речи.² И не осталось незамеченным это для Мартова. Он понял, что в Ленине боролись два человека — безудержный революционер семьдесят третьего дня парижской коммуны³ и

трезвый государственный деятель. Эти два порыва не могли совмещаться даже в дьявольской натуре Ленина. Мартов сказал: "Непропорционально много места он посвятил в своих рассуждениях ничтожной, по его словам, группе Бухарина и Радека. Вам покажется с первого взгляда странным это обстоятельство, но только на первый взгляд. По существу дела здесь не борьба гражд[анина] Ленина с какой-то левее его стоящей группой, — это внутренняя борьба двух душ, из которых состоит современный большевизм".⁴

Ленину предоставили слово для защиты мирного договора. Он стал отрицать, "что пролетариат замучен в Европе, что в Германии пролетариат испорчен"; сказал, что такая точка зрения есть "точка зрения национальной дикости, такой глупости, что уже и не знаю, куда идти дальше..."⁵ А свою точку зрения о передышке и Брестском мире защищать не стал. Сдался.

С этой бесконечно тянувшейся оппозицией во ВЦИКе трудно было сладить. Когда были поражения — особенно не хотелось Ленину там выступать. Но и нельзя было выставять кроме себя никого — не сказал бы оратор необходимого. Когда нужно было выступать во ВЦИК 9 мая, вскоре после организованного немцами переворота на Украине, невозможно было выпустить на трибуну Чичерина — растерялся бы. А Троцкий с Радеком наотрез отказались бы произнести пораженческую речь, снова в защиту Брестского мира, и доказывать, что ничего опасного не происходит. Но и сам Ленин никак не мог оправиться от удара, от того страшного поражения, полученного на Украине, от тех бесконечных требований немцев. И вот, накануне 9 мая, он спасовал, дезертировал, как последний трус бежал с линии фронта — отказался выступать перед ВЦИК с обещанным докладом (а повестка дня была уже широко опубликована в газетах). Отдуться пришлось Свердлову — тот никогда не терялся, — что доклад не готов "по техническим причинам", что Ленин читать доклада не будет сейчас, но прочтет на следующем заседании ВЦИК. Фракции протестовали, требовали назначить внеочередное заседание на 10 мая. Но Свердлов отказал, назначил как планировалось, на 14-е.⁶ А за те четыре дня, до 14-го, закрыли еще несколько оппозиционных социалистических газет, в том

числе газеты "Вперед", чтобы не распускали "ложных слухов" о германских ультиматумах и требованиях, о взятии немцами Курска. А 14-го Ленин выступил во ВЦИК с речью, поразившей всех своей пустотой и растерянностью, прикрывавшим демагогию оптимизмом.⁷

Речь Ленина оставила слушателей в замешательстве. В конце ее стенограмма не отмечает аплодисментов зала. Было общее ощущение, что Ленин ничего не сказал, хотя от этой речи, перенесенной с прошлого заседания ВЦИК, ожидалось многое. Ленин же говорил очень скользко, увертливо, и о том, что нужно сохранить передышку, и о том, что нужно оттянуть войну, но и о том, что эта война неизбежна, что армия к ней уже готова, что отпор может быть дан в любую минуту и — что сейчас к этому отпору Советы не готовы еще. Так, запутав советский актив, он и кончил как-то странно, оставив всех в недоумении.

И конечно же в ответ он был подвергнут резкой критике со стороны эсеров, меньшевиков и левых эсеров. Критика эта была настолько неопровержима, что Ленин отказался от своего ответного слова, на которое имел полное право, и покинул заседание ВЦИК. Заключительное слово прочитал вместо Ленина Свердлов. Однако большинством голосов, что всегда было predetermined, ВЦИК принял большевистскую резолюцию, одобряющую доклад Ленина и текущую политику советской власти.

Вот под этот аккорд протестов проводил Ленин политику сотрудничества с немцами, отважившись даже на обмен послами. 7 апреля на заседании ЦК РКП (б) в Берлин решено было послать А. А. Иоффе,⁸ большевика, сторонника перманентной революции и противника Брестского мира. Выбор этот не был случаен. Иоффе считался одним из лучших советских дипломатов и экспертов по Германии, где все еще предстояло готовить революцию. И готовить ее там должен был в первую очередь советский посол. Немцы же послали в Москву Мирбаха, прибывшего 23 апреля. Посольство Германии разместилось в двухэтажном особняке, принадлежавшем вдове сахарозаводчика и коллежского советника фон Берга (ныне улица Веснина, дом № 5).

Через три дня германский посол вручил свои верительные грамоты председателю ЦИК Свердлову. В тот же день советское

правительство дало понять Германии, что оно не намерено попустительствовать нарушениям германской стороной условий Брест-Литовского мира: Чичерин передал по радио МИДУ Германии ноту протеста. В ней обращалось внимание на то, что "в южной полосе Российской республики происходит дальнейшее продвижение к северу германских войск и связанных с ними украинских отрядов". В ноте также говорилось, что

"ввиду этих обстоятельств советское правительство сочло себя вынужденным мобилизовать необходимые силы для обеспечения свободы и независимости Российской республики, угрожаемой ныне в тех пределах, которые определены были Брест-Литовским договором".

29 апреля Мирбах сообщил рейхсканцлеру Гертлингу о своих первых московских впечатлениях:

"Как я уже сообщал в телеграмме, наше наступление на Украине — Финляндия стоит на втором плане — уже через два дня после моего прибытия стало первой причиной осложнений. Чичерин выразил это только намеками и скорее в элегической форме, однако достаточно ясно и понятно... Более сильные личности меньше стеснялись и не пытались скрывать свое неудовольствие: это прежде всего председатель Исполнительного Комитета Свердлов..."⁹

Как человек, Мирбах не симпатизировал коммунистическому режиму. Официальная советская историография называет его "представителем наиболее реакционных феодально-аристократических кругов кайзеровской Германии", считавшим "советский строй в России недолговечным" и связывавшимся "с теми группами русских контрреволюционеров, которые, как ему казалось, должны были скоро придти к власти".¹⁰ В этой формулировке советского историка, однако, больше шаблонного, чем конкретного. Как дипломат, Мирбах был крайне объективен и тонок. Его донесения рейхсканцлеру Г. Гертлингу и статс-секретарю по иностранным делам Р. Кюльману в целом говорят о верном понимании им ситуации в России. В своем первом отчете о политической ситуации в стране Мирбах безошибочно уловил главное — слабость большевистского правительства, не опирающегося на какую-либо

массовую поддержку, но лишь на террор: "Власть большевиков, — писал Мирбах Гертлингу 30 апреля, — в Москве поддерживается главным образом латышскими батальонами и большим количеством автомобилей, реквизированных правительством, которые постоянно носят по городу и могут доставить солдат на опасные места, если нужно".¹¹ "Любое крупное наше выступление, при этом вовсе нет необходимости занимать обе столицы, — сразу же автоматически приведет к падению большевизма".

Взгляды Мирбаха в отношении большевиков разделялись многими германскими дипломатами и военными. Военный аташе Германии в РСФСР майор Шуберт считал, например, что "в Москве порядок может быть восстановлен с помощью двух батальонов германских войск", а генерал Гофман, в принципе находивший приемлемой политику "поддержания большевиков у власти", был уверен, что "навести порядок" можно с помощью нескольких дивизий, находящихся в его распоряжении. К июню это мнение распространилось на всех дипломатов германской миссии в Москве.

В этих условиях, казалось бы, у немцев был и выбор, и постоянная возможность в любой момент изменить свою политику по отношению к России и партии Ленина. "Мне думается, — писал Мирбах 13 мая, — что наши интересы требуют сохранения власти большевистского правительства... Было бы в наших интересах продолжать снабжать большевиков минимумом необходимых средств, чтобы поддержать их власть".¹² Ведь никакое другое правительство не согласилось бы на соблюдение столь выгодного для Германии мира. Именно в этом лишний раз убеждал Мирбаха Ленин во время встречи с германским посланцем 16 мая в Кремле.¹³ Речь, однако, шла прежде всего о личной власти Ленина. Ленин подчеркнул, что поскольку оппозиция Брестскому миру сильна не только в несоветских партиях, но и в самой партии большевиков, как только Ленин потеряет власть, Брестский мир будет аннулирован. Опасения Ленина разделялись и германским правительством. 18 мая Кюльман телеграфировал Мирбаху: "Пожалуйста, тратьте большие суммы, так как весьма в наших интересах, чтобы большевики удержались у власти".¹⁴

Но в июне ситуация резко изменилась. Кроме оппозиционно настроенных по отношению к Брестскому миру российских политических партий, все сильнее давал знать о себе еще один серьезный противник Германии и германского влияния в России — Антанта. Вот что писал 8 июня советник Трауман статс-секретарю Кюльману:

”Во время недавних усилий Антанты в России убедить Совет рабочих депутатов принять требование Антанты, что могло бы привести к ориентации России в сторону Антанты, граф Мирбах вынужден был истратить значительные суммы, чтобы предотвратить принятие какого-либо решения в этом направлении... Граф Мирбах донес, что ему нужно теперь три миллиона марок в месяц для расходов на этот предмет. Однако в случае изменения политической ситуации может понадобиться сумма в два раза большая. Фонд, который мы имели в своем распоряжении, весь истрачен. Поэтому необходимо, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Ввиду указанных выше обстоятельств фонд этот должен быть не менее 40 млн. марок”.

Через три дня статс-секретарь министерства финансов Редерн известил Кюльмана о выделении указанной суммы в распоряжение германского посла в Москве.¹⁵

Как и большевики, немцы вели двойную игру. С первого дня своей дипломатической службы в Москве Мирбах работал над тем, чтобы в случае падения большевизма Россия не оказалась союзником Антанты. В донесении от 25 июня германский посол высказал свои опасения: Германия

”в один прекрасный день может столкнуться с наиболее нежелательным поворотом государственных дел, когда социалисты-революционеры, финансируемые Антантой и вооруженные чехословацким оружием, открыто поведут новую Россию в стан наших врагов”.¹⁶

Чтобы не ошибиться, поставив не на ту лошадь, Мирбах вступал в контакты с различными антисоветскими организациями. Этим он хотел, с одной стороны, отнять у Антанты

возможных союзников, а с другой — подстраховать себя на случай падения большевизма. Еще чаще сами представители антисоветских организаций искали встреч с германским послом. 30 апреля Мирбах сообщал канцлеру: "Те самые круги, которые яростно поносили нас раньше, теперь видят в нас если не ангелов, то, по крайней мере, полицейскую силу для их спасения".¹⁷ В отношении большинства этих групп посол, однако, был настроен скептически. Вот свидетельство одного из лидеров кадетов в Москве князя Долгорукого:

"В середине лета князь Х рассказывал мне, приехав прямо от графа Мирбаха, как он его умолял направить в Москву хоть один германский корпус, чтобы прогнать большевиков. Граф Мирбах отвечал ему, что ежедневно к нему с такой же просьбой обращаются несколько человек.

— Вы, правые, умеете только просить, но за вами ничего не стоит, — заключил Мирбах".¹⁸

Но никто не стоял и за большевиками. И 25 числа Мирбах подвел итог своим впечатлениям. В личном письме Кюльману он писал:

"После двух месяцев внимательных наблюдений я уже не могу дать большевизму хорошего диагноза... Если мы уже сейчас соглашаемся с тем, что большевизм достиг конца своей власти, я думаю, что мы должны позаботиться о том, чтобы заполнить пустоту, образующуюся после его исчезновения, режимом, который будет соответствовать нашим планам и интересам... Мы, несомненно, находимся у постели тяжело больного, который случайно еще может показать видимость улучшения, но кончина которого предрешена".¹⁹

Понимая это, Мирбах вынужден был потянуться к "правым".

По мнению посла, политическое значение в России из антибольшевистских организаций имели три: Правый центр, одним из руководителей которого был бывший министр земледелия А. В. Кривошеин, организация финансового магната из Петербурга Ярошинского, и временное правительство в Омске. 13 июня Мирбах сообщил в Берлин, что после того, как он согласился

установить связь с представителями Правого центра, Кривошеин поручил предпринять дальнейшие шаги в этом направлении двум членам ЦК партии кадетов — барону Нольде, бывшему помощнику министра иностранных дел в кабинете Львова, и Леонтьеву, бывшему помощнику министра внутренних дел в том же кабинете. Вскоре Мирбах встретился с Леонтьевым и князем Урусовым. Мирбаха прежде всего интересовало, "как они представляют себе выступление... против большевиков". 28 июня Мирбах писал об этой встрече в своем донесении в Берлин:

"Надежда на удачу переворота, организованного собственными силами, по их мнению, за последнее время возросла. Не исключается возможность, что его удастся осуществить через несколько недель. Если переворот удастся, то группа будет вынуждена, чтобы заставить многочисленные другие группы, особенно в Сибири, присоединиться и подчиниться ей, заключить с ними договор, в котором будет оформлено их право выступать от имени монарха. Затем они собираются опубликовать против большевиков манифест, в котором объявят программу нового правительства, а также о созыве всеобщего Земского (Учредительного) собрания и о заключении мира с другими державами. При этом группа считает нужным выразить пожелание о смягчении Брестского договора, которое вернуло бы России жизнеспособность. Группа все еще обеспокоена возможностью, что царь или другой член царской семьи попадет в руки Антанты и будет использован ею для своих комбинаций. Группа пытается установить контакты с сибирскими генералами и, как я уже сообщал ранее, удержать генералов Дона от перехода на сторону держав Антанты и от участия в их комбинациях".²⁰

Так много сделавшие для прихода большевиков к власти, немцы не захотели рисковать и снова переигрывать свою "русскую карту", а потому на совещании высших политических и военных руководителей Германии, состоявшемся в городе Спа 2—3 июля под председательством Вильгельма Второго и посвященном тактике и политике Германии в русской гражданской войне,

германское правительство пришло к выводу, что "если даже монархисты и представляют собою сторонников порядка", оно не должно "предпринимать попыток свергнуть в настоящее время большевиков".²¹ Советское правительство было хорошо осведомлено о деятельности и намерениях германского посла в Москве, но информировано о результатах совещания в Спа не было и не знало, что немцы решили не предпринимать усилий для свержения большевиков. А знали бы, так не поверили. Немцы, кроме того, теперь были далеки от того военного могущества, которым располагали хотя бы в феврале. И если решение в Спа было принято в пользу большевиков, то, наверно, еще и от сознания Германией своей слабости: "предпринимать попытки" без больших шансов на успех значило лишь толкнуть большевиков в объятия Антанты.

Если Германия, сознавая свою слабость, не торопилась оповещать об этом своих противников, большевики буквально кричали теперь о слабости держав Запада, и прежде всего — Германии. По иронии судьбы, с очередной программной речью по этому вопросу Ленин выступил на Пятом съезде Советов почти сразу же после вынесения немцами решения в Спа.

Ленин не только назвал Германию "истекающим кровью зверем", но и откровенно признался в том, что уже не боится гибели советской республики из-за германского нашествия. А ведь именно эта боязнь была фундаментом ленинской платформы поддержки Брестского мира. Но в этой шизофренической речи Ленина, с многократными повторениями почти одинаковых фраз, проскальзывало чувство растерянности из-за сознания собственной ошибки. Ведь если Германия оказалась на краю гибели через три с половиной месяца после заключения Брестского мира, ведя боевые действия крупного масштаба лишь на одном фронте, получая продовольственную помощь России и Украины и используя Красную армию в борьбе с чехословацким корпусом, который, если бы не акции большевиков, давно бы уже воевал в Европе против немцев, как глубоко на дне этой пропасти лежала бы кайзеровская Германия, вынужденная воевать на два фронта? В каком состоянии находились бы теперь страны Четверного союза? Где проходила бы граница коммунистических государств?

И главное, что ошибка была — досадная. Ведь не зря же называл Ленин Брестский мир *передышкой*. Ведь знал же не хуже других, что воевать придется совсем скоро. Бонч-Бруевич вспоминает, как он вскоре после подписания мира принес Ленину присланный из Германии текст договора, в переплете, отпечатанный по-русски и по-немецки великолепным шрифтом на прекрасной бумаге. Ленин взял договор и смеясь сказал:

*”Хороший переплет, отпечатано красиво, но не пройдет и шести месяцев, как от этой красивой бумажки не останется и следа. Не было более непрочного и нереального мира, чем этот... Немцы стоят у последней ступени своего военного могущества...”*²²

Большевики вполне сознательно шли на скорый разрыв Брест-Литовского мирного договора. Они делали это еще и потому, что ошибочно преувеличивали опасность со стороны Германии. По логике Ленина и Троцкого, основной задачей капиталистических стран было уничтожение коммунистического режима в России.²³ И поверить в то, что для Германии было важнее всего любыми средствами, пусть даже через установление в России советской власти, отвести свое поражение, большевики не могли: этого не допускала марксистская догма. Поэтому уже через несколько дней после ратификации Брестского мира секретарь ЦК РКП (б) Е. Д. Стасова указала в письме местным организациям: *”Нет сомнения в том, что Германия, хотя и заключила мир, приложит все усилия к ликвидации советской власти...”*²⁴

Исходя из этой предпосылки, уже в марте для возобновления войны с Германией началось формирование регулярной Красной армии. Вот что писал об этом Черчилль:

”Вскоре союзники получили поддержку оттуда, откуда они ее менее всего ждали. С поразительной энергией создавалась Красная армия для защиты революции в России. 28 марта Троцкий сообщил Локкарту, нашему представителю в Москве, что он не возражает против вступления в Россию японских сил для противодействия германскому натиску, если только в этом выступлении будут участвовать другие союзники и дадут со своей стороны некоторые гарантии”.

Конечно, оптимизм Черчилля был не оправдан. Троцкий лишь прошупывал почву, хотел выяснить, как могут противодействовать германскому продвижению в России союзники. Но одно было очевидно: Красная армия создавалась. 22 апреля вопрос о создании регулярной армии был поднят Троцким на заседании ЦИК, причем Троцкий подчеркнул, что эта новая дисциплинированная и обученная армия необходима прежде всего для борьбы с внешним врагом, а не внутренним.²⁶ Многочисленные указания на подготовку РСФСР к войне с Германией, в частности на формирование войск, мы находим и в воспоминаниях Вацетиса:

«Основное ядро московского гарнизона составляли войска так называемой Народной армии, формировавшейся специально для возобновления мировой войны совместно с Францией и Англией против Германии. Войска эти считались аполитичными, составленными на контрактных началах. Формированием их ведал Высший военный совет под председательством Л. Троцкого, при военном руководителе генштаба М. Д. Бонч-Бруевиче.²⁷ Войска эти были расположены в Ходынском лагере, подчиненном непосредственно Муралову... Народная армия... солидаризировалась со сторонниками разрыва отношений с Германией... Вождем *действующей* против Германии армии называли Троцкого... С Францией и Англией... Троцкий и его военный руководитель [Бонч-Бруевич] вели переговоры о будущих планах совместных действий... Мне было дано понять в начале июня, что латышская дивизия будет зачислена в состав Народной армии приказом Л. Троцкого...»²⁸

С точки зрения советского правительства, формирование армии, предназначенной первоначально только для войны с Германией, было вполне оправданным и необходимым шагом. Международная ситуация для большевиков складывалась все хуже и хуже. Уже 6 мая было созвано экстренное заседание ЦК в связи с обострением отношений с Германией, оккупацией Мурманска англичанами и подготовкой Англией, как совершенно напрасно опасались большевики, дальнейшего продвижения вглубь

советской России. ЦК предстояло рассмотреть два ультиматума — немецкий и английский. Немцы требовали передачи Финляндии форта Ино; и этот ультиматум, учитывая близость германских войск, был принят. Но ультиматум англичан, кажется, по требованию немцев, был отклонен. Одновременно с этим ЦК большевиков принял решение направить все силы на защиту от немцев и японцев Урало-Кузнецкого района.²⁹

С этой идеей Ленин носился давно. Когда Троцкий спросил его однажды, что произойдет, "если немцы будут все же наступать", "если двинутся на Москву", Ленин ответил:

"Отступим дальше, на восток, на Урал... Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой... В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширимся и вернемся в Москву и Петербург".

Троцкий продолжает:

"Концепция Урало-Кузнецкой республики ему органически необходима была, чтобы укрепить себя и других в убеждении, что ничто еще не потеряно, и что для стратегии отчаяния нет и не может быть места".³⁰

Но верил ли в это кто-нибудь, кроме Ленина? Похоже, что нет. Во всяком случае, идея отступления до Камчатки никого не вдохновляла. Положение было именно безвыходным. Военные действия Германии, несмотря на заключение Брестского мира, не прекращались ни на минуту. Еще в апреле немцы захватили Орел, Курск, Воронеж, а 8 мая заняли Ростов. В результате, как признавал Чичерин, "путем постепенных захватов германцы сравнительно с момента Брестского договора во многих местах передвинули демаркационную линию к востоку".³¹ Именно поэтому, по заявлению того же Чичерина, Германия оставалась основным врагом советской России.³² Брестский договор, таким образом, не принес реального мира, был более всего схож с

формулой Троцкого "ни мира, ни войны" и приводил лишь к постоянным столкновениям и "кровопусканиям" в пограничной полосе, так называемой "нейтральной зоне", а то и на советской территории. Подобная передышка, конечно же, не могла длиться долго. И 10 мая на заседании ЦК РКП (б) был обсужден написанный в тот день Лениным проект "Тезисов о современном политическом положении".³³ Протокол этого заседания ЦК считается "необнаруженным",³⁴ что позволяет сделать вывод о поражении на заседании точки зрения Ленина. Повторное обсуждение тезисов Ленина состоялось через три дня, 13 мая. Тезисы были приняты и от имени ЦК выносились на обсуждение Московской городской конференции РКП (б). Против резолюции большинства ЦК голосовали двое: Сокольников и Сталин. Сокольников выступил со своей резолюцией, но она была отклонена (текст ее числится в "ненайденных").³⁵ 14 мая по поручению ЦК Ленин выступил с докладом о внешней политике (основанном на "Тезисах о современном политическом положении") на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета; а на следующий день — на Московской областной конференции РКП (б). О чем же писал Ленин в своих тезисах?

Прежде всего он указал на чрезвычайное обострение политического положения в стране в первой декаде мая 1918 г. Относительно советско-германских отношений Ленин писал, что Германия теперь готова в любую минуту разорвать Брест-Литовский мирный договор и возобновить войну с советской Россией, что на Украине была с помощью немцев свергнута советская власть.³⁶ Ленин считал, однако, что и в этих условиях внешняя политика советской власти в России "никоим образом не должна быть изменяема... Военная подготовка еще не закончена..."³⁷ Ленин все еще выжидал.

Советское правительство не ограничилось одним лишь формированием Красной армии. Для ослабления военной мощи Германии и подготовки коммунистического переворота на Украине на заседании ЦК РКП (б) 3 мая были приняты две резолюции о создании компартии Украины.³⁸ Текстов этих резолюций в протоколе заседания нет. Впрочем, 9 мая "Правда" опубликовала следующее сообщение:

”Центральный Комитет РКП, обсудив вопрос о выделении особой Украинской Коммунистической партии из Российской Коммунистической партии, не находит никаких возражений против создания Украинской Коммунистической партии, поскольку Украина представляет собой самостоятельное государство”.³⁹

Это была одна из резолюций, принятых на заседании ЦК РКП (б) 3 мая, — резолюция, подлежащая публикации. Вторая резолюция обнародованию не подлежала и была зачислена советскими историками в ”ненайденные”, так как ”в ней говорилось о том, что КП (б) Украины является составной частью РКП (б)”,⁴⁰ т.е. прямо противоположное тому, о чем указывала первая резолюция. Смысл этого маневра был очевиден: громогласно заявив о независимости украинской компартии, ЦК снял с себя формальную ответственность за подрывную деятельность большевиков на оккупированной немцами Украине. Антигерманские и антиукраинские акты могли проводиться теперь фактически открыто, без риска осложнить и без того худые советско-германские или советско-украинские отношения. Получаемые в связи с этим протесты Германии Чичерин просто отклонял. Вместе с тем в запасе оставалась и вторая резолюция, напоминавшая украинским большевикам, что самостоятельной партией они не являются, а подчинены единому ЦК российской партии большевиков.⁴¹

Украинский вопрос был для Ленина особенно болезненным. Он готов был теперь признать свою ошибку по отношению к Украине, и 1 июля в интервью корреспонденту шведской газеты дал понять, что переходит на позицию революционной войны, что политика ”передышки” подходит к своему концу:

”Положение немцев на Украине очень тяжелое. Они совсем не получают хлеба от крестьян.⁴² Крестьяне вооружаются и большими группами нападают на немецких солдат, где бы они ни встретились. Это движение разрастается. Благодаря немецкой оккупации большевизм на Украине стал своего рода национальным движением... Если бы немцы оккупировали всю Россию, результат был бы тот же самый.

Немцам нужен мир. Показательно, что на Украине немцы больше хотят мира, чем сами украинцы... Нам в России нужно теперь ждать развития революционного движения в Европе... Рано или поздно дело повсюду должно дойти до политического и социального краха..."⁴³

Ленин говорил теперь словами левых коммунистов и левых эсеров. Он предсказал народную партизанскую войну на Украине, рост пробольшевистских настроений в оккупированных районах страны, не боялся уже, казалось, и оккупации в сей России. Он указал уже не только на неизбежное поражение Германии, но и на возможность победы. Политика передышки, так и не реализованная, подходила к своему концу. Напористость Ленина спала. Теория Троцкого "ни мира, ни войны" проступала в советско-германских отношениях во всей своей силе.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ

1. Л. Троцкий. О Ленине. Материалы для биографа. Москва, 1924, стр. 111, 112.
2. Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. (Стенографический отчет). Москва, 1920, стр.220.
3. На 73-й день существования советской власти Ленин торжественно заявил корреспонденту "Манчестер Гардиан" в России Артуру Рэнсому, что основная цель русской революции уже достигнута: большевики продержались на один день дольше Парижской коммуны, и гибель советской власти уже не страшна, так как основной вклад в мировое революционное движение Россией уже сделан. (См.: Луис Фишер. Жизнь Ленина. Лондон, 1970, стр.231).
4. Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, стр.224.
5. Там же, стр.234.
6. Там же, стр.238–239.
7. Там же, стр.288, 263–270.
8. Цит. по кн.: В.В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б)–РКП (б) в 1917–1918 годах. Хроника событий. Москва, 1974, стр.244.
9. И. Горохов, Л. Замятин, И. Земсков. Г.В. Чичерин – дипломат ленинской школы. 2-е изд., дополненное, под общей ред. А. А. Громыко. Москва, 1974, стр.87. (Далее: Чичерин – дипломат ленинской школы).
10. Д.Л. Голинков. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). Москва, 1975, стр.183.
11. Germany and the Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z.A.V. Zeman, London, 1958, док. № 120. (Далее: Земан, указ. соч.).
12. Земан, указ. соч., док. № 124.
13. См.: М.П. Ирошников. Председатель Совета народных комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Ленинград, 1974, стр.216–217.
14. См.: Земан, указ. соч., док. № 127 и № 129.
15. Там же, док. № 133 и № 135.
16. Там же, док. № 136.
17. Там же, док. № 120.
18. П.Д. Долгоруков. Национальная политика и партия Народной Свободы. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 8.
19. Земан, указ. соч., док. № 136.
20. Документы-донесения Мирбаха. Опул. С.М. Дрaбкиной в: "Вопросы истории", 1971, № 9, стр.120–129.
21. Советско-германские отношения. Т. 1. Москва, 1968, стр.567.

22. Цит. по кн.: Чичерин – дипломат ленинской школы, стр.80.
23. Английское и французское правительства не желали, конечно, победы коммунистического режима, но они косвенно способствовали этой победе "нейтралитетом" в борьбе большевиков с правыми партиями и движениями. Нейтралитет этот диктовался нежеланием реставрации самодержавия. Среди идеологов-антимонархистов не последнее место занимал Ллойд Джордж. Вот что писал о нем 15 июня 1917 г. германский посланник в Стокгольме: "Ллойд Джорджа просто не волнует тот факт, что продолжение войны может привести к революции и смести монархию. На самом деле Линдман уверен, что в этом и есть цель Ллойда Джорджа не только в отношении Англии, но и в отношении всех прочих монархий". (Земан, указ. соч., док. № 63, стр.62).
24. Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Март–июль 1918 г. Сборник документов. Т. III. Москва, 1967, стр.32.
25. У. Черчилль. Мировой кризис. Госвоениздат, 1932, стр.51.
26. См.: Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, стр.171.
27. Не путать с его братом Владимиром Бонч-Бруевичем.
28. И.И. Вацетис. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. В сб. "Память", т. 2. Москва, 1977–Париж, 1979, стр.24, 25.
29. См.: В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958–1965. Т. 36, стр.315; т. 50, стр.425.
30. Троцкий. О Ленине, стр.88–89.
31. РСФСР. ВЦИК. Созыв V. Стенографический отчет. Москва, 1919, стр.92.
32. См.: Г.В. Чичерин. Внешняя политика советской России за два года. Москва, 1920, стр. 7.
33. См.: Ленин. ПСС, т. 36, стр.608.
34. См.: Аникеев, указ соч., стр.268.
35. Цит. по кн.: Аникеев, указ соч., стр.271.
36. Ленин основывался в том числе на докладе большевика Скрышника, сделанном 1 апреля 1918 г. на третьем заседании ВЦИК. Скрышник, только что приехавший в РСФСР как представитель украинских большевиков, соблюдая партийную дисциплину и не подвергая советское правительство открытой критике за решение подписать и ратифицировать Брестский договор, "жаловался" ВЦИКу, что советскую власть на Украине фактически принесли в жертву. (См.: Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IV созыва. Стенографический отчет. Москва, 1920, стр.60–61).
37. См.: Ленин. ПСС, т. 36, стр.322–326.
38. Цит. по кн.: Аникеев, указ. соч., стр.263.
39. "Правда", 9 мая 1918.
40. Аникеев, указ. соч., стр.263.

41. Для постановки перед украинскими большевиками основных задач момента решено было созвать конференцию большевиков Украины. Конференция проходила в Москве, и Ленин, формально не имевший к ней никакого отношения, в самом начале июля встречался с делегатами этого "Первого съезда большевистских организаций Украины". (См.: Переписка секретариата ЦК. Т. III, стр. 70–72, 92–95, 99–101; Ленин. ПСС, т. 36, стр.722). Вместе с тем большевик Бокий был назначен "агентом ЦК Российской Коммунистической партии, командируемым в ОК Западной области и Краевой комитет для подробного ознакомления с постановкой и ведением нелегальной работы в оккупированных местностях..." (Цит. по кн.: К.Т.Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр.370).
42. За все время германской оккупации Украины Центральные державы вывезли 113 421 тонну продовольствия, в основном зерна. Этого было, однако, совершенно недостаточно, чтобы удовлетворить нужды Германии и Австрии. (См.: W.H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917–1921. V. 1, New York, 1957, p. 410).
43. Ленин. ПСС, т. 36, стр.483–484, 485–486.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ В АПРЕЛЕ—ИЮНЕ

Партия конституционных демократов, разогнанная большевистско-левоэсеровской властью еще до созыва Учредительного собрания, стала первой партией "левого блока", принесенной в жертву мировой революции. Но не последней. Весной 1918 года большевики, первоначально вместе с левыми эсерами, начинают широкую кампанию борьбы с оппозиционными социалистическими партиями как на местах, так и в центре. Беспощадно разгонялись, начиная с апреля, оппозиционные большевикам и левым эсерам местные Советы и рабочие конференции. А в ночь с 11 на 12 апреля молниеносным ударом были разгромлены московские анархисты, и партия их перестала существовать как политическая сила. 31 мая ВЦИК слушал доклад левого эсера Закса о разгроме "Союза родины и свободы".¹ А 14 июня были объявлены контрреволюционными и исключены из ВЦИКа эсеровская и меньшевистская фракции. Исключение это было произведено вопреки воле левых эсеров, занявших на заседании ВЦИК серединную позицию.² Но факт оставался фактом: с 14 июня левые эсеры остались во ВЦИК и в местных Советах практически один на один с большевиками. И, кажется, должно было быть понятно, чем грозит левым эсерам такое одиночество. На что же надеялись левые эсеры?

Как открыто признавал Свердлов, после разгона Учредительного собрания и после Третьего съезда Советов у большевиков и левых эсеров практически не было никаких расхождений.³ Наоборот, впервые за все время большевистско-левоэсеровский

блок чуть ли не ежедневно приносил богатые плоды. Эффектнее всего он показал себя в борьбе большевиков и левых эсеров с эсерами и меньшевиками, причем, по свидетельству советского историка, "во многих случаях блок на местах был гораздо прочнее, чем в центральных органах, и местные левозеро-эсерские организации вели себя подчас более последовательно, чем их ЦК, в ряде случаев проводя решения, противоречащие линии ЦК левых эсеров". (Подобные факты имели место и тогда, когда левые эсеры после Четвертого съезда Советов вышли из состава правительства).⁴ В общем, как указывает Гусев, "период январь — март 1918 г. был периодом наиболее полного осуществления соглашения большевиков и левых эсеров".⁵ Но и мартовские расхождения левых эсеров и большевиков, вызванные прежде всего заключением Брест-Литовского мирного договора, носили тактический, а не принципиальный характер.

С одинаковым фанатизмом и преданностью идеям социализма большевики и левые эсеры боролись за победу мировой революции. Вопрос был в сроках и методах. Член ЦК ПЛСР Колегаев был совершенно прав, когда писал 19 апреля 1918 г.:

"Мы и большевики, партии социального переворота, можем лишь тактически расходиться, ... идя вместе с большевиками во всех вопросах социальной революции, хотя бы и подчиняясь их большинству, когда мы являемся меньшинством в едином отряде революционного социализма".⁶

Даже выход из советского правительства большинство ЦК левозеро-эсерской партии считало ошибкой. Впрочем, неуверенность и колебания были присущи главным образом членам ЦК, а не активу ПЛСР в ее среднем звене, левозеро-эсерским делегатам Четвертого съезда Советов, большинство которых голосовало на заседании фракции против ратификации Брестского мира. Это и предопределило позицию ЦК и выход левых эсеров из СНК. ЦК ПЛСР пробовал переубедить свою партию, но потерпел неудачу.

Собравшаяся после Съезда Советов Третья городская конференция левых эсеров Петрограда вновь высказалась против ратификации Брестского договора и заявила, что "петроградская

организация всемерно будет противодействовать проведению грабительского мира”.⁷ Это еще больше насторожило руководство ПЛСР. Все надежды ЦК возлагал теперь на Второй партийный съезд, намеченный на 17–25 апреля. Именно на этом съезде ЦК попытался переубедить делегатов в последний раз. Спиридонова, Колегаев и Трутовский резко выступили против разрыва с большевиками и выхода из состава правительства. Колегаев сказал:

”Выйти из состава правительства — значит поставить перед крестьянством вопрос: отойти от власти или отойти от нас, передав свои голоса тем, кто... не может выявить волю крестьянства. Конечно, трудовое крестьянство предпочитает отойти от нас”.

Поэтому Колегаев предложил ”войти в центральную советскую власть” и заявил, что в противном случае ”революция пройдет мимо нас”.⁸

Колегаева поддержала Спиридонова:

”Уходом от власти мы предали крестьянство. Выявление нашей революционной позиции в вопросе о войне не собрало массы: они остались за большевиками, которые, я утверждаю, не изменяют социальной революции, а только временно пригнулись вместе с народом, не имея в руках никаких сил и возможностей защищать целиком все наши завоевания”.

Трутовский продолжил: из создавшейся ситуации

”может быть только один выход, цельный и договоренный: либо совместная работа с большевиками в центральной власти — для осуществления социальной революции... либо свергать большевиков, т.е. во главе контрреволюции”.⁹

Подобная поляризация была произведена выступавшими членами ЦК, особенно Трутовским, умышленно, с целью заставить депутатов поддержать резолюцию, осуждавшую выход из советского правительства. Но несмотря на красноречивые выступления левоэсеровского руководства и приравнивание разрыва с большевиками к контрреволюционному акту, большинство делегатов съезда одобрило выход левых эсеров

из правительства и призвало местные партийные организации "выпрямить общую линию советской политики". Принятая съездом новая программа ПЛСР призывала отстоять "диктатуру трудового народа", 8-часовой рабочий день, социальное страхование и создание инспекций труда. В целом программа предлагала двигаться "через многогранные формы коллективизма от социализации земли к полному осуществлению идеалов социализма".¹⁰

Для осуществления этой программы в самом начале мая Спиридонова и Карелин от имени ЦК ПЛСР предложили большевикам во избежание партийных междоусобиц по земельным вопросам передать в распоряжение ПЛСР комиссариат земледелия. Но у Ленина были другие планы. 3 мая, после совещания с членами коллегии наркомзема, Ленин счел соображения левых эсеров "неосновательными и их предложение неприемлемым".¹¹ В тот же день на состоявшемся заседании ЦК РКП (б) "притязания левых эсеров на передачу им комиссариата земледелия" были отклонены.¹² Такая реакция большевиков на предложение левых эсеров, еще недавно руководивших наркоматом земледелия и покинувших его добровольно, не была случайной. Ленин готовился к созданию комитетов бедноты. 9 мая в докладе на заседании ВЦИК нарком продовольствия Цюрупа открыто заявил о том, что следующим шагом комиссариата продовольствия будет "организация беднейшей части населения в целях отбирания от держателей запасов хлеба".¹³ При таких намерениях отдавать левым эсерам комиссариат земледелия было крайне рискованно, тем более, что Цюрупа поспешил предложить на утверждение ВЦИК текст соответствующего декрета. 13 мая предложенный Цюрупой проект был утвержден ВЦИКом и СНК в качестве закона.¹⁴ Несколько позже, 4 июня, Троцкий выбросил лозунг "Да здравствует гражданская война" с крестьянством, а Свердлов, между тем, призвал большевиков организовать в деревне собственные революционные советские организации, "объединяющие действительно революционную деревенскую бедноту".¹⁵ Наконец, 11 июня ВЦИК принял решение о создании в сельских местностях параллельных сельским Советам "комитетов бедноты", работающих под руководством большевиков".¹⁶

Решение большевиков о создании комитетов бедноты летом 1918 г. не было случайным. В конце мая 1918 г. кризис охватил саму большевистскую партию, причем не только в верхах ее, но и в низах. 29 мая ЦК большевиков вынужден был в связи с этим опубликовать в "Правде" циркулярное письмо ко всем партийным комитетам, в котором указывалось, что положение в партии большевиков весьма серьезно, число ее членов падает, качественный состав ухудшается, случаи внутренних конфликтов неимоверно часты, а дисциплина слаба.¹⁷

По сравнению с большевиками партия левых эсеров выглядела куда монолитней. Позиции ее фактически усилились, так как будущее большевистского правительства зависело в тот момент во многом от крестьянского хлеба, а сельскими Советами, через которые намеревалось правительство получать хлеб, управляли левые эсеры, а не большевики. Созданные декретом 11 июня комитеты бедноты как раз и должны были стать чисто большевистской партийной организацией, противостоящей левозеро-вским Советам. Столь грубого хода большевиков левые эсеры, конечно же, не понять не могли, а потому, осознав для себя всю опасность положения, выступили против декрета. От участия в голосовании они решили отказаться, чтобы "снять с себя полную ответственность" за этот декрет. Когда же декрет большинством голосов был принят, представитель фракции ПЛСР во ВЦИК Карелин заявил, что левые эсеры "всеми средствами через Советы, всем влиянием... партии, всем партийным авторитетом" будут "вести решительную борьбу с теми вредными мерами, которые сегодня приняты ВЦИК".¹⁸

Заявление Карелина не было пустой фразой. За ПЛСР все еще стояла реальная сила. В июне левые эсеры имели в 21 губернском исполкоме 208 человек из 786,¹⁹ причем после введения декрета об организации комитетов бедноты ПЛСР стала пользоваться большим влиянием даже в тех Советах, где за левыми эсерами не было численного большинства. Плохим симптомом для большевиков были и резолюции губернских съездов Советов. Так, в резолюции Олонецкого губернского съезда Советов указывалось, что в "вопросах внутренней политики советской власти, проводимой Советом народных комиссаров, съезд осуждает

продовольственные декреты и декреты об организации комитетов деревенской бедноты, а также о посылке продовольственных комиссаров и вооруженных отрядов в деревню". На уездном съезде Советов Каргопольского уезда той же губернии все было проще. Там резолюция заканчивалась словами: "Долой комитеты бедноты! Долой карательные отряды!"²⁰ Но большевики решили не отступать. На разрыв с левыми эсерами, с одной стороны, и с крестьянством, с другой, они шли вполне осознанно.

Для обсуждения сложившейся ситуации ПЛСР провела в Москве, в Малом зале консерватории, свой третий партийный съезд. Он работал всего четыре дня, с 28 июня по 1 июля, и закончился перед самым открытием Пятого съезда Советов. В это время в рядах ПЛСР числилось около 80 тыс. членов, что было не так уж мало, если учесть, что двумя месяцами ранее, в апреле, ПЛСР насчитывала всего 62 561 человек.²¹ Процент роста ПЛСР был, следовательно, очень высоким, а большевикам был страшен вдвойне, так как рост ПЛСР шел во многом за счет РКП (б).

Большевиков, терявших свою популярность, настораживало и то, что на предстоящем Съезде Советов левые эсеры могли оказаться партией большинства. Результаты выборов на Съезд Советов ни большевикам, ни левым эсерам известны еще не были. Обе партии пребывали в состоянии неопределенности. Впрочем, ЦК ПЛСР всерьез рассчитывал на победу. Еще на съезде ПЛСР Спиридонова заявила, что левым эсерам

"надлежит взять руководящее место во всей дальнейшей борьбе крестьянства и рабочих со своим классовым врагом... Мы вступаем в новую стадию политического продвижения вперед, когда, наверно, мы будем партией господствующей".²²

В резолюции съезда указывалось также на несогласие с заключением Брестского мира и организацией в деревнях комбедов, но подчеркивался мирный характер борьбы против этих актов большевистского правительства: "Третий съезд признает необходимым, чтобы партия без промедления всей силой своего влияния и партийного аппарата выпрямила линию советской политики".²³

Многое, конечно же, зависело теперь от хода событий на Пятом Всероссийском съезде Советов. Решение о его созыве ВЦИК принял 10 июня. На обсуждение съезда выносились отчеты ВЦИК и Совнаркома, продовольственный вопрос, вопрос об организации Красной армии, выборы нового ВЦИК и утверждение первой советской конституции. Этот последний пункт был еще одной причиной, толкавшей большевиков на скорое и радикальное решение левозерсовской проблемы.

Решение о написании конституции было принято еще на Третьем съезде Советов в январе 1918 г. 1 апреля ВЦИК создал межпартийную комиссию по составлению текста.²⁴ Комиссия уже утвердила проект "Основных начал" конституции, когда 28 июня, за несколько дней до открытия Съезда Советов, комиссия ЦК РКП (б) под председательством Ленина внесла в проект ряд изменений.²⁵ Если верить воспоминаниям Ю.Стеклова, 3 июля, перед самым съездом, Свердлов, в тайне от левых эсеров, поручил Стеклову и Шейнкману составить проект конституции заново. Те провели в запертой комнате "Метрополя", где усадил их Свердлов, весь день. Стеклов вспоминает:

"Так как основные положения у меня уже были намечены, а тов. Лениным, со своей стороны, тоже были даны нам принципиальные указания насчет формулировки вопроса о "свободах", то в тот же день проект конституции и был выработан".²⁶

Зачем понадобилось менять проект конституции, да еще в тайне от левых эсеров, и какие именно изменения были внесены в проект, впервые прочитанный на съезде уже после разгрома ПЛСР, Стеклов не рассказывает. Но возможно, что именно при обсуждении советской конституции и должен был с какой-то определенностью зафиксироваться вопрос о многопартийной системе правления РСФСР. Он как бы оставался открытым. И в результате конституция тактично обошла его.

Удельный вес ПЛСР в советском аппарате был большой. Несмотря на разгоны небольшевистских Советов, репрессии и террор комбедов, обрушивавшийся часто и на левозерсовских активистов, партия левых эсеров сохранила свое влияние в Советах. Во время уездных съездов Советов, проходивших в период

между Четвертым и Пятым Всероссийскими съездами, ПЛСР в среднем получала по 26% голосов советских избирателей (большевики — примерно по 45%). На Пятом Всероссийском съезде Советов, открывшемся 4 июля, левым эсерам принадлежала почти треть депутатских мест: из 1164 делегатов 773 были коммунистами-большевиками и 353 — левыми эсерами. Между тем, соотношение делегатов съезда не отражало влияния партийных функционеров этих партий в местных Советах. Как указывает Уильям Чамберлин, большевики получили на съезде большинство отчасти благодаря тому, что предоставили созданным ими комитетам бедноты непропорционально большой процент мест, предназначенных для крестьянских депутатов.²⁷ Кроме того, городские Советы вообще получали большее количество мест, чем сельские. В этом смысле большевикам было гарантировано большинство депутатских мест съезда даже тогда, когда за ними шло меньшинство советских избирателей. Это был еще один пункт первой советской конституции, который, вероятно, собирались оспаривать на съезде левые эсеры.

Дискуссии между большевиками и левыми эсерами разгорелись еще до начала работы Съезда Советов. Так, 30 июня, на заседании Крестьянской секции ВЦИК, Спиридонова обвинила большевиков в том, что в момент голода они по ультимативному требованию Германии отправили туда 36 вагонов с хлебом и готовят отправку мануфактуры на два миллиарда рублей. 1 июля, выступая перед коммунистической фракцией Пятого съезда Советов, Свердлов на вопрос, "правда ли, что 36 вагонов хлеба было отправлено в Германию", ответил утвердительно.²⁸ Но несмотря на это Ленин, уже на самом съезде, назвал заявление Спиридоновой клеветническим:

"Та партия, которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что они падают в столь ужасное болото обмана и лжи, такая партия является окончательно погибшей".²⁹

На следующий день ПЛСР действительно погибла — от руки большевиков. И в свете последующей ликвидации партии левых эсеров столь резкая и откровенная отповедь Ленина заявлению Спиридоновой кажется не случайной. Своей речью перед больше-

вистской фракцией Пятого съезда к предстоящему разрыву между ПЛСР и РКП (б) большевиков подготавливал и Свердлов, указывавший, что "отношения с левыми эсерами испортились с тех пор, как мы объявили войну кулакам в деревне".³⁰

Атмосфера первого дня работы Съезда Советов была крайне напряженной. Еще до утверждения порядка дня съезда слово для приветствия от делегатов Украины взял левый эсер Александров. Он подверг резкой критике заключение Брестского мира и потребовал возобновления войны с Германией. Речь его была эмоциональна и встретила аплодисменты всего зала. Свердлов заволновался:

"Я верю, что политический вопрос, который был поднят в приветственной речи, несомненно найдет свое отражение во вполне определенной воле съезда, а не в тех или иных восклицаниях... Я не сомневаюсь в том, что преобладающее число тех оваций и аплодисментов, которые заслужил оратор, относятся не к его словам, а целиком и полностью к борющимся [против германской оккупации] украинским рабочим и крестьянам".³¹

Однако справиться с противниками Брестского мира было не так-то просто ввиду их многочисленности и практически неуязвимой для критики позиции. Сотрудничество ленинского правительства с немцами зашло, с точки зрения революционеров, очень далеко. "На западной границе в районе Пскова были случаи, когда для усмирения взбунтовавшихся красных частей приглашались германские войска".³² И чтобы не допустить огласки невыгодной для большевиков информации, Свердлов решил перейти в наступление и предоставить слово для "внеочередного заявления" Троцкому. Последний обвинил противников Брестского мира, прежде всего левых эсеров, в провоцировании пограничных столкновений с немцами. То, что левые эсеры были виноваты в этом не больше, чем сами большевики, было очевидно и Ленину, и Троцкому, и Свердлову,³³ но желаемый для большевиков пропагандистский эффект был заявлением Троцкого достигнут. Умело маневрируя вопросом о пограничных столкновениях, Троцкий прочитал с трибуны заранее заготовленную в тайне от большевистской и левозереровской фракций съезда

резолуцию, являющуюся чем-то вроде приказа или неподлежащего обсуждению постановлением:

”Решение вопросов о войне и мире принадлежит только Всероссийскому съезду Советов и установленным им органам центральной советской власти: Центральному Исполнительному Комитету и Совету народных комиссаров. Никакая группа населения не смеет, помимо всероссийской советской власти, брать на себя решение вопроса о перемирии или наступлении... Благо советской республики есть высший закон. Кто этому закону противится, тот должен быть стерт с лица земли”.³⁴

Имея в виду противников соблюдения Брестского мира, Троцкий предложил ”очистить все красноармейские части от провокаторов и наемников империализма, не останавливаясь перед самыми решительными мерами”.³⁵ В ответ на это член ЦК ПЛСР Карелин заявил, что до доклада мандатной комиссии левые эсеры не будут участвовать в голосовании предложенной Троцким резолюции. Кроме того, они усматривают в предложении Троцкого попытку предрешисть ряд политических вопросов, нуждающихся в обсуждении.³⁶ Когда же, несмотря на заявление Карелина, Свердлов поставил на голосование резолюцию Троцкого, левые эсеры, не желая принимать в голосовании участия, вышли из зала. Большевики ответили на это событие одобрительным шумом и аплодисментами.³⁷ За резолюцию в тот день голосовали только большевики, и в результате 4 июля ”съезд принял единогласное решение по всем вопросам в духе большевиков”.³⁸

Поскольку за уходом левых эсеров не стояло ничего, кроме нежелания участвовать в голосовании неожиданной резолюции Троцкого, фракция ПЛСР вернулась 5 июля в зал заседаний для участия в работе съезда. В этот день с докладом о деятельности ВЦИК четвертого созыва выступил Свердлов. Он коснулся более подробно и разногласий с левыми социалистами-революционерами. Свердлов, в частности, сказал, что если сразу же после окончания работы Четвертого съезда Советов большевики редко расходились во взглядах с левыми эсерами, то ”за последний период все наиболее крупные вопросы, стоявшие в повестке дня ЦИК, принимались нашими голосами против голосов левых

эсеров, правых эсеров и меньшевиков".³⁹ Свердлов, таким образом, приравнивал левых эсеров к партиям, уже исключенным из ВЦИК:

"Во всей нашей работе нам приходилось отражать крайне жестокие нападки с разных сторон. За последнее время эти нападки имели место не только со стороны безусловно враждебных советской власти партий и групп, но и со стороны советской партии левых эсеров. Нам пришлось выдержать с ними упорную борьбу по целому ряду вопросов".⁴⁰

Свердлов вновь подчеркнул, что продовольственная политика большевиков, в частности декрет о продовольственной диктатуре и организации комитетов бедноты, легли в основу разногласий с ПЛСР.

То, что большевики перестали видеть в левых эсерах союзников и видели теперь уже лишь помеху, подтверждают и многочисленные мемуарные источники. Свердлова, например, пишет, что

"отношения с левыми эсерами после Четвертого съезда Советов... после выхода представителей левых эсеров из Совнаркома все ухудшались. Яков Михайлович постоянно говорил, что и во ВЦИК с ними стало невозможно работать".⁴¹

Об обострении отношений между двумя партиями писала и сотрудница секретариата ВЦИК Стрижевская.⁴²

Особенно резко против большевиков выступали левые эсеры в вопросе крестьянском. Так, член ЦК ПЛСР Черепанов заявил, что левые эсеры распустят комитеты бедноты и выгонят из деревень и сел продотряды, прибывшие туда для конфискации хлеба. Камков же назвал комбеды "комитетами деревенских лодырей" и тоже обещал выбросить их из деревни "вон за шиворот" вместе с продотрядами.⁴³

На критику левых эсеров ответил Ленин. Он указал, что между большевиками и левыми эсерами происходит "не ссора", а "действительный и бесповоротный разрыв".⁴⁴ Речь Ленина вызывала многочисленные реплики зала, особенно правой стороны пюпитера, где располагалась фракция ПЛСР. Судя по стенограмме

речи, левые эсеры восприняли ее довольно враждебно.⁴⁵ Большевики, в свою очередь, просто сорвали речь Спиридоновой, удивительно бестолковую и бессвязную,⁴⁶ но зато критикующую большевиков. Ленин, правда, не остался в долгу. О левых эсерах он говорил снисходительно и ехидно, причем партию их несколько раз назвал "плохой".⁴⁷

То, что партия левых эсеров с точки зрения большевиков уже выполнила свою основную задачу — помогла большевикам захватить власть, удержать ее и уничтожить все оппозиционные партии, в том числе и правую половину эсеровской партии; то, что и другая историческая задача партии левых эсеров — помощь большевикам в проникновении в сельские Советы — также была выполнена; что в момент перехода Ленина к открытой войне с крестьянством ПЛСР стала опаснейшим врагом — во всем этом у большевиков не было никакого сомнения. Легально иметь такого противника в крестьянской стране Ленин не мог. Для уничтожения левых эсеров весна и лето 1918 г. были самым подходящим моментом. Еще не разъярилась деревня, и важно было убрать левых эсеров до начала первых серьезных восстаний. Ослабленная разгоном про-эсеровских сельских Советов, скомпрометировавшая себя перед другими партиями союзом с большевиками, разгоном Учредительного собрания и оппозиционных социалистических партий, лишенная союзников, партия левых эсеров осталась с большевиками один на один. Эта единственная легальная социалистическая партия, автоматически становившаяся оппозиционной, виделась Ленину серьезной угрозой. Ленин понимал, что левозэсеровские резолюции по вопросам внутренней политики могут замедлить темп борьбы с крестьянством, в то время как призыв левых эсеров "разорвать революционным способом гибельный для русской и мировой революции Брестский договор" притягивает к себе часть большевистской партии и грозит созданием блока левых эсеров и левых коммунистов, направленного против Ленина. А значит — грозит Ленину и безусловной потерей власти.

Опасения Ленина не были беспочвенны. С марта 1918 г., т. е. с момента ратификации Брестского мира, в партии большевиков наблюдалось резкое падение численности.⁴⁸ Кроме того, весной

1918 г., в связи с заключением Брестского договора, левыми эсерами был поднят вопрос о создании совместно с левыми коммунистами оппозиционной Ленину партии. Известно об этом стало лишь несколько лет спустя в связи с очередной внутрипартийной борьбой, отголоски которой просочились и в газету "Правда". А еще через несколько лет тот же вопрос всплыл на процессе Бухарина и теперь уже попал на страницы "Бюллетеня оппозиции" Троцкого.⁴⁹ Как же велика была угроза ленинской власти весной 1918 г.?

Зиновьев утверждал, что в декабре 1923 г. Бухарин рассказывал следующее:

"...В ту пору к ним, к фракции "левых" коммунистов, левые эсеры... обратились с официальным предложением... арестовать Совет народных комиссаров с тов. Лениным во главе. А в кругах левых коммунистов серьезно обсуждался вопрос о новом составе Совета народных комиссаров, при сем председателем имели в виду назначить тов. Пятакова..."⁵⁰

Это говорил и Сталин:

"Известно, например, что левые коммунисты, составлявшие тогда отдельную фракцию, дошли до такого ожесточения, что серьезно поговаривали о замене существовавшего тогда Совнаркома новым Совнаркомом из новых людей, входивших в состав фракции левых коммунистов..."⁵¹

Но сами левые коммунисты о тех днях сообщали следующее:

"По вопросу о Брестском мире, как известно, одно время положение в ЦК партии было таково, что противники Брестского мира имели в ЦК большинство... Когда дело дошло до решительного голосования, часть противников Брестского мира воздержалась от голосования и, в результате, сторонники Брестского мира провели в ЦК решение — Брестский мир подписать... Во время заседания ЦИК, происходившего в Таврическом дворце, когда Ленин делал доклад о Бресте, к Пятакову и Бухарину во время речи Ленина подошел левый эсер Камков. ...Камков, между прочим, полушутя сказал: "Ну, что же вы будете

делать, если получите в партии большинство. Ведь Ленин уйдет, и тогда нам с вами придется составлять новый Совнарком. Я думаю, что председателем Совнаркома мы выберем тогда тов. Пятакова” ... Позже, уже после заключения Брестского мира, ... тов. Радек зашел к... левому эсеру Прошьяну для отправки по радио какой-то резолюции левых коммунистов. Прошьян смеясь сказал тов. Радеку: ”Все вы резолюции пишете. Не проще ли было бы арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать тов. Ленина председателем Совнаркома”. Прошьян тогда говорил, что, разумеется, Ленин, как революционер, будучи поставлен в необходимость защищаться от наступающих немцев, всячески ругая нас и вас (вас – левых коммунистов), тем не менее лучше кого бы то ни было поведет оборонительную войну... Любопытно отметить, что... когда после смерти Прошьяна тов. Ленин писал о последнем некролог, тов. Радек рассказывал об этом случае тов. Ленину, и последний хохотал по поводу такого ”плана”.⁵²

Независимо от того, шуткой или нет было предложение левых эсеров, независимо от степени преданности левых коммунистов Ленину, в самом факте существования левых эсеров и левых коммунистов Ленин не мог не видеть угрозы своей власти. И если левые коммунисты оставались все-таки частью единой большевистской партии, то влияние и деятельность левых эсеров уже не подлежали большевистскому контролю. Будучи уже в те дни существенным, политический вес левых эсеров мог возрасти с первыми признаками тотального голода и крахом германской империи. И очень вероятно, что именно в июне Ленин, обладавший поразительной, не раз спасавшей его интуицией мастера революции, ощутил, насколько опасной для него станет партия левых эсеров в ближайшем будущем.

Решение Ленина справиться с партией левых эсеров, обеспечив себе свободное от оппозиции однопартийное большевистское коммунистическое правительство, для Ленина было не более рискованным, чем его первая (неудавшаяся) попытка

захвата власти в июле 1917 года; или удавшийся захват власти в октябре;⁵³ или разгон Учредительного собрания в январе 1918-го. Вся история прихода Ленина к власти была, по существу, сплошными провокациями и авантюрами, неслыханной дерзостью, самоубийственным риском. Но риском вынужденным в том смысле, что не рискуя нельзя было захватить власти, удержать ее и отстоять. В начале июля 1918 года сам ход революции заставил его пойти на новый рискованный шаг. Именно в этот момент и произошло убийство в Москве германского посла графа Мирбаха. В течение последующих двух дней партия левых эсеров, единственная легальная советская партия, пользующаяся огромным влиянием в советском аппарате, была уничтожена.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ

1. См.: Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. (Стенографический отчет). Москва, 1920, стр.355–356.
2. В том, что касалось обвинений, ПЛСР была согласна с большевиками. Карелин сказал: "Сегодня поставлен вопрос о выступлении против советской власти партий, входящих в Советы. Мы считаем, что давно пора это сделать. ...Наша бдительность по отношению к правым социалистам должна быть максимальной". Но – как в воду глядел – Карелин добавил: "У нас нет налицо достаточных оснований устанавливать участие партий в контрреволюционных попытках как партий. А ведь только такое установление участия партии, как целого, влечет обвинение всех лиц, входящих в партию. Таких оснований нет. Помимо того, ставить вопрос до Съезда Совета формально недопустимо, так как представители с.-р. и меньшевиков... делегированы от Съезда, и их исключение может быть решено только Съездом... Мы протестуем против их исключения, которое является для нас неприемлемым и формально, и по существу. Мы будем голосовать против..." (Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, стр.426–428).
3. См.: Я.М. Свердлов. Избранные статьи и речи 1917–1919. Москва, 1939, стр.91.
4. К. Гусев. Крах партии левых эсеров. Москва, 1963, стр.142. Необходимо, однако, заметить, что "низы" левоэсеровской партии были более решительны и более догматичны, что часто приводило их и к принятию нежелательных для большевиков решений. Гусев же имеет в виду прежде всего ту твердость левоэсеровских низов, которую они проявили на местах в борьбе за вытеснение эсеровских и меньшевистских функционеров из местных Советов, в борьбе за контроль над Советами. (Подробнее см.: там же, стр.142–144).
5. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр.145.
6. "Знамя труда", 19 апреля 1918.
7. "Пролетарская революция", 1927, № 4 (63), стр.110.
8. "Знамя труда", 19 апреля 1918. Статья "Отвод от власти".
9. "Пролетарская революция", 1927, № 4 (63), стр. 110.
10. Резолюции и постановления Первого и Второго Всероссийских съездов партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Москва, 1918, стр.25–26, 35, 46, 48, 52.
11. В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958–1965. Т. 50, стр. 70.
12. Цит. по кн.: В.В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б) – РКП (б) в 1917–1918 годах. Хроника событий. Москва, 1967, стр.263.
13. Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, стр.249.

14. См.: Декреты советской власти. Т.2. Москва, 1959, стр.261–266. "Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию". Подробнее о крестьянской и продовольственной политике большевиков в этот период см.: Ю. Фельштинский. Война Советов с крестьянством. "Новое русское слово", 16, 17, 18 февраля 1984 г.
15. Свердлов. Избранные статьи и речи, стр.81–82.
16. Фактически комбеды начали создаваться большевиками несколько ранее. По неполным данным, к концу августа 1918 г. в РСФСР насчитывалось более 31 тыс. комбедов. По решению Четвертого Всероссийского съезда Советов в ноябре 1918 г. комбеды "слились" с Советами.
17. См.: "Правда", 29 мая 1918, № 105.
18. См.: Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, стр.403, 404, 412.
19. Наиболее значительными фракции ПЛСР оставались в Рязанском (12 из 25), Новгородском (10 из 25) и Пермском (11 из 25) губисполкомах.
20. Цит. по кн.: Гусев. Крах партии левых эсеров, стр.183–184.
21. См.: "Пролетарская революция", 1927, № 4, стр.110.
22. Цит. по кн.: Л.М. Спиринов. Крах одной авантюры. (Мятеж левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г.). Москва, 1971, стр. 81.
23. "Знамя труда", 2 июля 1918.
24. От большевиков в нее входили Свердлов (председатель), Покровский, Сталин; от левых эсеров – Д.А. Магеровский и А.А. Шрейдер; от максималистов, но только с совещательным голосом, А.И. Бердников; а от различных наркоматов – В.А. Аванесов, Бухарин, М.Я. Лацис, Э.М. Склянский, М.А. Рейснер и Д.П. Боголепов.
25. См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. Москва, 1977, стр.254–255. Статья "Конституция РСФСР".
26. Ю.М. Стеклов. Избранное. Москва, 1973, стр.104. – Ю.М. Стеклов. Воспоминания и публицистика. Москва, 1965, стр.71.
27. См.: W.H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917–1921. V.2, New York, 1957, pp.50–51.
28. См.: "Известия ВЦИК", 4 июля 1918. Отчет о речи Свердлова.
29. В.И. Ленин. Сочинения. 4-е изд. Москва, 1941–1962. Т. 27, стр. 471–472.
30. "Известия ВЦИК", 4 июля 1918, № 137.
31. Цит. по кн.: К.Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр.359.
32. И.И. Вацетис. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. Сб. "Память", т. 2, Москва 1977–Париж 1979, стр.44.
33. См., например. The Trotsky's papers, 1917–1922. The Hague, 1964. V. 1, pp.48–55.
34. Цит. по кн.: Свердлов, указ. соч., стр.360.

35. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. Москва, 4–10 июля 1918 года. Москва, 1918, стр.36.
36. См.: Л. Троцкий. Сочинения. Москва, 1923–1927. Т. 17, часть 1, примечание, стр. 715.
37. См.: Пятый Всероссийский съезд Советов, стр.37.
38. Ленин. ПСС, т. 36, примечание, стр.628–629.
39. Я.М. Свердлов. Избранные произведения. Т. 2. Москва, 1959, стр. 236. – Свердлов. Избранные статьи и речи, стр.91.
40. Свердлов. Избранные статьи и речи, стр.91.
41. Свердлова, указ. соч., стр.356.
42. См.: "Новый мир", 1957, № 10, стр.181.
43. См.: Пятый Всероссийский съезд Советов, стр. 74.
44. Ленин. ПСС, т. 36, стр.497.
45. Однако вряд ли вслед за Адамом Уламом стоит связывать реакцию левых эсеров на речь Ленина и "восстание" левых эсеров. (См.: Adam Ulam. The Bolsheviks. New York, 1968, p.424. Он же: A History of Soviet Russia. USA, 1976, p. 33). Во-первых, по свидетельству присутствовавшего на съезде Локкарта, многие левые эсеры восторженно аплодировали речи Ленина. (См.: Р.Локкарт. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, стр.291). А во-вторых, левозесеровские ораторы на съезде подвергались куда большей обструкции со стороны фракции большевиков. И если уж делать вывод на этом основании, то можно лишь предположить, что, наоборот, большевики "готовили восстание" против левых эсеров.
46. Вот отрывок из этой речи: "...Я, которая с самого начала выхода из тюрьмы, спаялась с ними в борьбе, я в партии социалистов-революционеров была без передышки и делала очень много (смех) для того, чтобы расколоть партию социалистов-революционеров, чтобы отмежеваться от правых... Я, связанная с крестьянством, вы знаете, как сильно, я с искренностью, в которой вы не можете сомневаться (голос: "Нахалка!"), вы, товарищи, большевики, крестьяне..." (Пятый Всероссийский съезд Советов, стр.55). Шум в зале не дал ей закончить фразы. В этом месте большевики устроили обструкцию оратору и сорвали речь.
47. Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, стр.424–425.
48. Точных сведений о численности партии большевиков на вторую половину 1918 г. нет, но к январю 1919 г. членство в РКП (б) упало до 251 тыс. человек. (См.: Т.Н. Rigby. Communist Party Membership in the USSR. 1917–1967. Princeton, 1968, p.69). Подробнее о численности РКП (б) в 1917–1919 гг. см. там же, стр.59–74.
49. См.: "Бюллетень оппозиции", под ред. Л.Троцкого, апрель 1938, № 65, стр.13–14. На процессе Бухарин был обвинен в том, что он знал о предстоящем "мятеже левых эсеров" и не воспрепятствовал ему.

В том же был обвинен и Троцкий. (См.: Lenin (V.I. Ulianov), OGIZ, 1939, [Moscow], специальное издание большого формата без указания страниц). Обвинение это, вероятно, было справедливо в том смысле, что о "предстоящем восстании левых эсеров" знали все большевистские вожди. Но у левых коммунистов были еще и свои "собственные" надежды и расчеты на убийство Мирбаха и срыв Брестского мира. Если Ленин не слишком боялся войны с Германией, как будет показано ниже, то левые коммунисты ее откровенно желали.

50. "Правда", 16 декабря 1923, № 286.
51. Там же, 15 декабря 1923, № 285.
52. Там же, 3 января 1924, № 2. Заметим, что все это писалось еще при жизни Ленина.
53. Суханов писал впоследствии: "Это был огромный риск, на который, кажется, было невозможно пойти, если бы хладнокровно рассчитать все возможные случайности. Но в этом-то и заключается самая характерная черта этого беспримерного восстания..." (Н.Н. Суханов. Записки о революции. Кн. VII. Берлин-Москва, 1923, стр.125).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

УБИЙСТВО МИРБАХА

Из показаний Блюмкина, данных им в апреле 1919 года следственной комиссии:

”Утром 6 июля я пошел в Комиссию [ЧК]... У дежурной барышни в общей канцелярии я попросил бланк Комиссии и в канцелярии отдела контрревол. напечатал на нем следующее: ”Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрревол. уполномочивает ее члена, Якова Блюмкина, и представителя Рев. Трибун. Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господ. германским послом в России гр. Вильгельмом Мирбахом по делу, имеющему непосредственное отношение к самому господину германскому послу”. ...Подпись секретаря (т. Ксенофонтова) подделал я, подпись председателя (Дзержинского) — один из членов ЦК. Когда пришел, ничего не зная, т. председат. ВЧК Вячеслав Александрович, я попросил его поставить на мандате печать Комиссии, кроме того, я взял у него расписку в гараж на получение автомобиля. ...Поехал в первый дом Советов. Здесь на квартире одного члена ЦК уже был Николай Андреев. Мы получили снаряд (головную бомбу — Ю. Ф.), последние указания и револьверы. Я спрятал револьвер в портфель, бомба находилась у Андреева, также в портфеле, заваленная бумагами. Из ”Националя” мы вышли около 2-х час. дня. Шофер не подозревал, куда он нас везет. Я, дав ему револьвер, обратился к нему, как

член Комиссии, тоном приказа: "Вот вам кольт и патроны, езжайте тихо, у дома, где остановимся, не прекращайте все время работы мотора, если услышите выстрелы, шум, будьте спокойны". Был с нами еще один шофер, матрос из отряда Попова, его привез один из членов ЦК. Этот, кажется, знал, что затевается. Он был вооружен бомбой. В посольстве мы очутились в 2 часа 15 мин. На звонок отворил немец-швейцар... Я предъявил... мандат... Вскоре... вышли 2 молодых господина...

— Вы от тов. Дзержинского?

— Да.

— Пожалуйста".¹

Из показаний Леонгарта Мюллера, данных вскоре после убийства германского посла:

"Около 3 ч. после обеда зашел ко мне советник посольства гр. Бассевитц и сообщил, что пришли двое членов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, которых намерен принять тайный советник д-р Рицлер, и чтобы я при этом присутствовал. Когда я встретился с д-ром Рицлером, у него в руках было удостоверение этих лиц, подписанное председателем Комиссии всемогущим Дзержинским, которое гласило, что член этой Комиссии Блюмкин и член Суда Трибунала Андреев уполномочен[ы] вести переговоры с посланником по чисто личному делу.

Доктор Рицлер и я вышли в приемную, где оба лица сидели, и провели их через вестибюль и зал в приемную, где мы уселись... Один из них [был] смуглый брюнет, с бородой и усами, большой шевелюрой, одет был в черный пиджачный костюм. С виду лет 30—35, с бледным отпечатком на лице, тип анархиста. Он отрекомендовался Блюмкиным. Другой рыжеватый, без бороды, с маленькими усами, худощавый, с горбинкой на носу. С виду также лет 30. Одет был в коричневатый костюм... Назвался Андреевым; а по словам Блюмкина является председателем Революционного Трибунала. Когда все мы

четверо уселись около стола, Блюмкин заявил доктору Рицлеру, что ему необходимо переговорить с графом по его личному делу. Требование свое повторил несколько раз и, несмотря на заявление доктора Рицлера, что он уполномочен и на секретные переговоры, оставался при своем первоначальном требовании...

Блюмкин засим объяснил, что получил от Держинского строгое предписание говорить по этому чисто личному делу с графом лично.

Д-р Рицлер ответил, что он в качестве первого советника посольства уполномочен вести все переговоры вместо графа, в том числе и личного свойства. Блюмкин ответил, что он обязан придерживаться определенного своего поручения, но на вопрос д-ра Рицлера, удовлетворится ли он письменным уполномочием графа, он ответил утвердительно. После этого д-р Рицлер покинул приемную и вскоре вернулся в сопровождении посла. Блюмкин после этого вынул из своего портфеля большое количество подлинных документов и объяснил, что он должен с послом переговорить по поводу дела некоего графа Роберта Мирбаха, лично графу незнакомого члена отдаленной венгерской ветви его семьи, за которого якобы уже ходатайствовал граф Мирбах и датский генеральный консул. Этот Роберт Мирбах будто бы замешан в каком-то деле о шпионаже. Разговор, касающийся этого дела, продолжается около пяти минут, причем были представлены документы, подписи коих посольству были хорошо известны, как, например, подпись датского генерального консула Гакстгаузена. ...Когда на слова Блюмкина посол ответил, что он ничего не имеет общего с упомянутым офицером, что это для него совершенно чуждо, и в чем именно заключается суть дела, Блюмкин ответил, что через десять дней будет это дело поставлено на рассмотрение Трибунала. Посол при этих словах остался пассивен...

Когда д-р Рицлер предложил графу Мирбаху прекратить переговоры и дать письменный ответ через комиссара

Карахана, второй посетитель, до сих пор только слушавший и сидевший в стороне, сказал, что мы по-видимому хотим узнать, какие меры будут приняты со стороны Трибунала по делу графа Роберта Мирбаха, на каковой вопрос, при его повторении со стороны Блюмкина, граф ответил утвердительно.

У меня теперь такое чувство, что этот вопрос явился условленным знаком для начала действия.

Со словами "это я вам сейчас покажу", стоящий за большим тяжелым столом Блюмкин опустил руку в портфель, выхватил револьвер и выстрелил через стол сперва в графа, а потом в меня и д-ра Рицлера. Мы были так поражены, что остались сидеть в своих глубоких креслах. Мы все были без оружия.

Граф Мирбах вскочил и бросился в зал, причем его взял на прицел другой спутник... Граф выбежал в соседний зал и в этот момент получил... пулю в затылок. Тут же он упал. Брюнет продолжал стрелять в меня и доктора Рицлера. Я инстинктивно опустился на пол, и когда приподнялся, то тотчас же раздался оглушительный взрыв от брошенной бомбы. Посьпались осколки бомбы, куски из штукатурки. Я вновь бросился на пол и, приподнявшись, увидел стоявшего доктора, с которым кинулись в залу и увидели лежащего на полу, в луже крови, без движения, графа. Тут же вблизи на полу лежала вторая, не разорвавшаяся бомба и в расстоянии примерно 2–3 шагов в полу большое отверстие — следы взорвавшейся бомбы. Оба преступника успели скрыться через окно и уехать на поджидавшем их автомобиле. Выбегавшие из дверей подъезда слуги крикнули страже стрелять, но последняя стала стрелять слишком поздно и этим дала возможность скрыться безнаказанно убийцам. Скрываясь от преследования, злоумышленники забыли свой портфель с бумагами по делу графа и другими документами... и свои шляпы..."²

Из показаний д-ра Рицлера, данных в июле 1918 г.:

"В субботу приблизительно в 3 1/2 час. после обеда двое уполномоченных г. Дзержинского просили о личном

свидании с графом Мирбахом по личному делу. Я принял обоих в присутствии лейтенанта Мюллера в качестве переводчика. Первый из них объяснил, что ему непременно поручено об этом деле переговорить с графом Мирбахом, так как это дело личное, и не может уклониться от этого приказа. Я ему ответил, что граф не принимает. Но я, как старший чин посольства, уполномочен принимать и личные сообщения... Но граф решился сам выйти к ним. Мы уселись, и докладчик разложил на мраморном столе свое производство. Граф Мирбах, я и лейтенант Мюллер уселись напротив него, другой пришедший сел несколько подалее у двери. Докладчик на основании некоторых документов из дел Комиссии по борьбе с контрреволюцией изложил дело графа Роберта Мирбаха, арестованного несколько недель до того означенной Комиссией, арестован, по нашим сведениям, по ничтожным совершенно причинам. [Блюмкин заявил, что] хотя гр. Роберт Мирбах лично неизвестен послу гр. Мирбаху и является только очень отдаленным родственником его, посол гр. Мирбах еще до того делал со своей стороны представления об его деле. Так как мне объяснения докладчика Чрезвычайной Комиссии показались крайне неясными, то я заявил гр. Мирбаху, что лучше всего будет дать ответ по этому делу через Карахана. После краткого замечания на русском языке сидящего позади спутника докладчик быстро вынул, стоя за столом, большой револьвер и дал выстрел в гр. Мирбаха и немедленно засим несколько выстрелов в меня и Мюллера..."³

Из показаний Якова Блюмкина, данных в апреле 1919 г.:

"Я достал из портфеля револьвер и, вскочив, выстрелил в упор, последовательно, в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Они упали. Я прошел в зал. В это время Мирбах встал и, согнувшись, направился в зал, за мной. Подойдя к нему вплотную, Андреев, на пороге, соединяющем комнаты, бросил себе и ему под ноги бомбу. Она не взорвалась. Тогда Андреев толкнул Мирбаха в угол (тот упал) и стал извлекать револьвер..."⁴

Несмотря на противоречивые в деталях показания, картина покушения складывается относительно ясно.⁵ Судя по всему, Мирбах был убит Андреевым выстрелом в затылок.⁶ А поскольку на взрыв и выстрелы начали сбегаться обитатели посольства, Блюмкин, согласно его показаниям, "поднял лежавшую бомбу и с сильным разбегом швырнул ее. Теперь она взорвалась, необычайно сильно".⁷ Бросал он ее не в Мирбаха, уже лежавшего на полу и истекавшего кровью,⁸ а в соседний с приемной зал, чтобы вызвать панику и, воспользовавшись ею, скрыться. В одном из документов отмечалось:

"Вдруг в 2 часа 40 минут раздался сильный взрыв, выбились окна в первом этаже особняка Мирбаха. Минуты через три выскочил из окна первого этажа человек, затем — через железный забор на панель и в автомобиль. Вслед за ним — другой, в черном пиджаке или сюртуке, с длинными распущенными волосами, также из окна через железный забор на панель и прямо-таки кубарем свалился в автомобиль № 27—60, который сейчас же поехал к Пречистенке".⁹

Блюмкин, однако, во время прыжка из окна повредил левую ногу и был к тому же ранен в ногу часовым, открывшим по террористам огонь.¹⁰ За рулем автомобиля сидел уже шофер из отряда Попова. Куда они едут — чекисты не знали. Наконец, неожиданно для самих себя они очутились в отряде Попова, в Трехсвятительском переулке, в штабе войск ВЧК и в руках левого эсера, члена ВЦИК Попова. Из автомобиля в штаб Попова матросы перенесли Блюмкина на руках. В штабе он был "острижен, выбрит, переодет в солдатское платье и отнесен в лазарет отряда, помещавшийся на противоположной стороне улицы".¹¹ Роль Блюмкина была сыграна. С этой минуты он не принимал более в событиях никакого участия. Несколько раньше из поля зрения исчез Андреев — настоящий убийца германского посла. И по не совсем понятным причинам лавры убийцы были бесосновательно переданы Блюмкину.¹²

Но убийство не было совершено чисто. В суматохе террористы забыли в здании посольства портфель, в котором лежали "дело Роберта Мирбаха" и удостоверение на имя Блюмкина и Андреева,

подписанное Дзержинским и Ксенофонтовым. Наконец, два "упавших", по словам Блюмкина, дипломата — Рицлер и Мюллер, два опаснейших свидетеля преступления, остались живы и даже не были ранены. Все это время они отлеживались под столом. Блюмкин промахнулся.

Кем и когда начата была подготовка убийства Мирбаха? Кто стоял за убийством германского посла? На эти вопросы ответить не так просто, как пытается это представить советская историография. Дело в том, что никаких *документов*, подтверждающих причастность ЦК ПЛСР к организации убийства германского посла, нет. Самый полный сборник документов о событиях 6—7 июля был издан чекистами в 1920 г. под названием "Красная книга ВЧК" и давно стал библиографической редкостью.¹³ Но даже в нем нет документов, подтверждающих выдвинутые большевиками против левых эсеров, прежде всего ЦК ПЛСР, обвинений в организации убийства Мирбаха и "восстания левых эсеров". И если даже советское правительство не позаботилось о том, чтобы документально изобличить "восставшую против него партию", остается только предположить, что таких документов просто не существует.

С 1920 года и по сегодняшний день все серьезные обвинения, выдвинутые против ПЛСР и ее ЦК, строятся на этом сборнике, опубликованном самими чекистами, но вскоре изъятом. Не потому ли и изъяли его, что читателю становилась очевидна бесосновательность выдвинутых против ПЛСР обвинений? И не по той ли же причине советским (реже — иностранным) историкам не остается ничего иного, как преподносить материалы "Красной книги ВЧК" в искаженном виде. Вот что пишет, например, известный советский историк эсеровской партии К. Гусев: "ЦК партии левых эсеров 24 июня 1918 г. принял официальное решение об убийстве германского посла в Москве, графа Мирбаха, и начале контрреволюционного мятежа".¹⁴

Гусеву вторит и один из ведущих советских официальных историков академик И. И. Минц:

"24 июня, как явствует из захваченных и опубликованных после подавления авантюры документов, ЦК левых эсеров, далеко не в полном составе, принял постановление

о решительном выступлении. В нем говорилось, что ЦК партии левых эсеров признал необходимым в интересах русской и международной революции положить конец передышке, являющейся результатом заключения Брестского мира. Для этого необходимо предпринять ряд террористических актов против представителей германского империализма — в Москве против посла Мирбаха, в Киеве против фельдмаршала Эйхгорна,¹⁵ командующего германскими войсками на Украине, и др. С этой целью, указывалось в постановлении, следовало организовать боевые силы...»¹⁶

Между тем, в протоколе заседания ЦК ПЛСР ни о чем конкретном не говорилось. Приведем текст протокола полностью:

”В своем заседании от 24 июня ЦК ПЛСР-интернационалистов, обсудив настоящее политическое положение республики, нашел, что в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях Ц. Комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении. С этой целью к террористическим актам приурочить объявление в газетах участия нашей партии в украинских событиях в последнее время, как то: агитацию кр.¹⁷ и взрыв оружейных арсеналов. Время проведения в жизнь намеченных первых двух постановлений предполагается установить на следующем заседании ЦК партии.

Кроме того, постановлено подготовить к настоящей тактике партии все местные организации, призывая

их к решительным действиям против настоящей политики СНК.

Что касается формы осуществления настоящей линии поведения в первый момент, то постановлено, что осуществление террора должно произойти по сигналу из Москвы. Сигналом таким может быть и террористический акт, хотя это может быть заменено и другой формой.

Для учета и распределения всех партийных сил и приведения этого плана ЦК партии организует Бюро из трех лиц (Спиридонова, Голубовский, Майоров).

Ввиду того, что настоящая политика может привести ее помимо собственного желания к столкновению с п. большевиков, ЦК партии, обсудив это, постановил следующее:

Мы рассматриваем свои действия, как борьбу против настоящей политики СН Комиссаров и ни в коем случае, как борьбу против большевиков.

Однако, ввиду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций.

А чтобы в этой схватке партия не была использована контрреволюционными элементами, постановлено немедленно приступить к выявлению позиции партии, к широкой пропаганде необходимости твердой, последовательной интерн. и революционно-социалистической политики в Советской России.

В частности, предлагается комиссии из четырех товарищей: Камкова, Трутовского, Карелина ...¹⁸ выработать лозунги нашей тактики и очередной политики и поместить статьи в центр. органе партии.

Голосование было в некоторых пунктах единогласное, в некоторых против 1 или при одном воздержавшемся.

М. Спиридонова".¹⁹

Обратимся к анализу этого документа. Из него следует, прежде всего, что, вопреки утверждениям советской историографии, в

том числе Гусева, никаких указаний на намерение левых эсеров убить конкретно Мирбаха в протоколе от 24 июня нет. Таким образом, протокол, сам по себе, не доказывает причастия ПЛСР к убийству. Более того, в протоколе указано, что время проведения террористических актов будет определено следующим заседанием ЦК ПЛСР. Но до 6 июля, как известно совершенно точно, такого заседания не было. Неправомерными следует считать и заявления советских историков о подготовке левыми эсерами восстания против советской власти. Как раз из текста протокола следует, что левые эсеры больше всего на свете боялись подвергнуться разгрому со стороны большевиков; а однажды упомянутое в протоколе слово "восстание" подразумевало, безусловно, не восстание против советской власти, а восстание на Украине против германской оккупации. Именно по этой причине никто из советских авторов ни разу не процитировал текст опубликованного в "Красной книге ВЧК" протокола полностью: читателям стала бы очевидна безосновательность советских обвинений.

Кто конкретно стоял за организацией убийства германского посла? Блюмкин уверенно утверждает, что ЦК ПЛСР. Но из показаний Блюмкина этого не следует. Блюмкин пишет:

"4 июля перед вечерним заседанием Съезда Советов я был приглашен из Большого театра одним из членов ЦК для политической беседы. Мне было тогда заявлено, что ЦК решил убить гр. Мирбаха, чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата... чтобы, поставив правительство перед совершившимся фактом разрыва Брестского договора, добиться от него долгожданной определенности и непримиримости в борьбе за международную революцию. Мне приказывалось, как члену партии, подчиниться всем указаниям ЦК и сообщить имеющиеся у меня сведения о Мирбахе... Решение совершить убийство графа Мирбаха было принято неожиданно 4 июля 1918 года... *На том заседании ЦК, которое приняло решение убить гр. Мирбаха, я не присутствовал; меня пригласил к себе один из членов ЦК* вечером 4 июля... и попросил сообщить все сведения о Мирбахе, касающиеся

образа жизни его, которые были у меня в качестве члена ВЧК, заведовавшего отделом по борьбе с немецким шпионажем, причем мне было заявлено, что эти сведения необходимы для совершения убийства графа Мирбаха. Вместо представления этих сведений я предложил себя в исполнители акта... В эту ночь было решено, что убийство произойдет завтра, 5-го числа... [Но] акт отложили на 6 июля... из-за того, что в такой короткий срок нельзя было произвести надлежащих приготовлений...»²⁰

Таким образом, действиями Блюмкина и Андреева, еще одного члена партии левых эсеров, фотографа подведомственного Блюмкину отдела по борьбе с международным шпионажем, руководил не ЦК ПЛСР, а кто-то, называемый Блюмкиным "один член ЦК". Что это был за член ЦК, Блюмкин не указывает. Но удивительно другое: ни во время дачи Блюмкиным самих показаний, ни несколько позже, во время дачи дополнительных показаний, чекисты так и не поинтересовались личностью таинственного члена ЦК ПЛСР, явного организатора убийства. Эта нелюбознательность ЧК может быть объяснена лишь одним: большевики знали имя таинственного левого эсера, но были не заинтересованы в огласке. Кто же был этот член ЦК ПЛСР?

Есть основания полагать, что им был Прошьян. Левый эсер, противник Брестского мира и молодой радикал, мало считавшийся с партийной дисциплиной и в этом смысле человек достаточно безответственный, Прошьян мог пуститься на авантюру и, воспользовавшись постановлением ЦК ПЛСР от 24 июня, организовать самолично убийство Мирбаха, найдя в Блюмкине исполнителя акта. Основания утверждать так есть уже потому, что имя Прошьяна (и никого больше) упоминается в показаниях Блюмкина в связи с некими письмами Блюмкина Прошьяну "с требованием объяснения поведения партии после убийства Мирбаха" и "ответными письмами Прошьяна".²¹ Но что же было в письмах Блюмкина и Прошьяна? И на каком основании Блюмкин мог предъявить члену ЦК какие-то требования? "Красная книга ВЧК" на этот вопрос также не дает ответа. Этими письмами чекисты тоже "не поинтересовались". Но о требованиях Блюмкина к Прошьяну легко можно догадаться. Оказывается, таинственный член ЦК

ПЛСР, с которым договаривался Блюмкин об убийстве Мирбаха, заверил эсеровского боевика, что в задачу ЦК ПЛСР "входит только убийство германского посла". Блюмкин в своих показаниях писал:

"Общего вопроса о последствиях убийства графа Мирбаха во время беседы моей с упомянутым членом ЦК не поднималось, я же лично поставил резко два вопроса, которым придавал огромное значение и на которые требовал исчерпывающего ответа, а именно: 1) угрожает ли, по мнению ЦК, в том случае, если будет убит. гр. Мирбах, опасность представителю Советской России в Германии тов. Иоффе и 2) гарантирует ли ЦК, что в его задачу входит только убийство германского посла. Меня заверили, что опасность тов. Иоффе, по мнению ЦК, не угрожает... В ответ на второй вопрос мне было официально и категорически заявлено, что в задачу ЦК входит только убийство германского посла с целью поставить советское правительство перед фактом разрыва Брестского договора".

Если встречавшимся с Блюмкиным членом ЦК был Прошьян, становится понятным и вполне логичным требование к нему Блюмкина объяснить поведение партии левых эсеров после убийства Мирбаха. Ведь у Блюмкина, пролежавшего 6–7 июля в госпитале, информация о событиях тех дней была лишь из советских газет,²² где большевики однозначно указывали на восстание, то есть на то, чего по представлениям Блюмкина никак не могло быть. Он пишет:

"...В сентябре, когда июльские события четко скомпоновались, когда проводились репрессии правительства против партии левых с.-р. и все это сделалось событием, знаменующим собой целую эпоху в русской советской революции — даже тогда я писал к одному члену ЦК, что меня пугает легенда о восстании и мне необходимо выдать себя правительству, чтобы ее разрушить".

Но "один член ЦК" запретил, и Блюмкин, подчиняясь партийной дисциплине, послушался.²³ Только в начале апреля 1919 года, после скорострительной смерти Прошьяна, последовавшей в

декабре 1918, Блюмкин нарушил запрет покойного и явился в ВЧК, чтобы открыть чекистам "тайну" левозсеровского заговора.

Но это — лишь одна гипотеза, одна из возможных линий покушения. И самый серьезный аргумент против этой линии тот, что, согласно показаниям Саблина, Прошьян во втором часу дня находился в здании отряда Попова,²⁴ в то время как согласно показаниям Блюмкина, примерно в это время 6 июля Блюмкин и Андреев находились в Первом доме Советов (гостиница "Националь") на квартире у "одного члена ЦК" и получали там бомбы и последние инструкции.²⁵ Правда, Блюмкин не утверждает, что "один член ЦК" был в тот час у себя дома. И все-таки этот факт заставляет искать внутри эсеровской партии и других заговорщиков. Внешне самые серьезные обвинения в этой связи имеются против Спиридоновой. Она сама дала на себя показания много более обличающие, чем, наверно, могли ожидать большевики. На допросе 10 июля она сообщила следующее:

"Я состою членом ЦК партии левых эсеров. У нас состоялось постановление о необходимости убить германского посла графа Мирбаха, в осуществление принятого нами плана расторгнуть Брестский мирный договор. ЦК партии выделил из себя очень небольшую группу лиц с диктаторскими полномочиями, которые занялись осуществлением этого плана при условии строгой конспирации. Остальные члены ЦК никакого касательства к этой группе не имели. Я организовала дело убийства Мирбаха с начала и до конца... С постановлением ЦК партии об убийстве Мирбаха связаны только постановившие и выполнявшие это постановление... ЦК партии выделил для приведения в исполнение решения ЦК "тройку", фактически же из этой тройки этим делом ведала я одна. Блюмкин действовал по поручению моему. Во всей инсценировке приема у Мирбаха я принимала участие, совместно обсуждая весь план покушения с т.т. террористами и принимая решения, обязательные для всех. Блюмкин должен был говорить с Мирбахом о деле племянника Мирбаха".²⁶

Разумеется, этих показаний достаточно для того, чтобы свалить на одну Спиридонову всю ответственность за убийство Мирбаха, забыв о Прошьяне. Однако есть основания полагать, что Спиридонова наговаривала на себя лишнее и уж по крайней мере не была тем "одним членом ЦК", на которого постоянно указывал Блюмкин. Прежде всего, постановления ЦК ПЛСР об убийстве Мирбаха, на которое ссылается Спиридонова, не существовало. И это откровенно признает даже советская историография. Так, Спирин указывает, что "никакого заседания ЦК левых эсеров в ночь на 5 июля 1918 г. не было",²⁷ т.е. не было именно того заседания, на которое ссылался в разговоре с Блюмкиным "один член ЦК" и о котором, в свою очередь, сообщил Блюмкин. О том же, не понимая этого, Блюмкин засвидетельствовал в своих собственных показаниях. Он рассказал, что заместитель председателя ВЧК и член ЦК ПЛСР Александрович узнал о предстоящем покушении от... самого Блюмкина.²⁸ Между тем, если бы постановление об убийстве Мирбаха, как утверждала Спиридонова, действительно было вынесено ЦК ПЛСР до 6 июля, Александрович, как член ЦК, не зная об этом просто не мог. Ни о каком постановлении ЦК ПЛСР ничего не пишет и член ЦК партии левых эсеров Штейнберг.²⁹

Есть и другие указания на непричастность ЦК ПЛСР к убийству. Мальков, например, писал впоследствии, что "ни Устинов, ни Колегаев никакого отношения к левозеро́вской аванюре не имели. Подготовка к мятежу велась без их ведома, как и без ведома еще ряда левых эсеров..."³⁰ Даже Минц вынужден подстраховаться указанием на то, что решение о "выступлении" ЦК ПЛСР принял "далеко не в полном составе". А Гусев, рассказывая о Третьем съезде ПЛСР, открывшемся всего лишь через четыре дня после заседания ЦК ПЛСР от 24 июня, отмечает: "Безусловно, в решениях съезда прямо не говорилось об убийстве Мирбаха и вооруженном мятеже..."³¹

Присоединимся к мнению советского историка: ни на заседании ЦК ПЛСР 24 июня, ни на съезде ПЛСР, проходившем с 28 июня по 1 июля, ЦК ПЛСР не указал ни сроков террористического акта, ни будущую жертву его, хотя посла убили через несколько дней после заседания ЦК и закрытия съезда. Ни слова

не говорилось в постановлении и о планируемом "восстании" против большевистского правительства. Гусев в связи с этим вынужден указать, что "подготовка к мятежу тщательно скрывалась не только от органов советской власти, но и от рядовых членов левозсеровской партии".³² Наличие подготовки восстания отрицала в показаниях 10 июля и Спиридонова: "Во всех постановлениях ЦК партии [левых эсеров] свержение "большевистского" правительства ни разу не намечалось".³³

Но тогда кто же конкретно, по мнению советской историографии, организовывал убийство? Спирин отвечает: "Состоялось лишь совещание небольшой группы членов ЦК, созданной еще 24 июня 1918 г. с целью организации убийства представителей германского империализма".³⁴ Спирин имеет в виду упомянутое в показаниях Спиридоновой и в постановлении ЦК ПЛСР Бюро из трех человек: Спиридонову, Голубовского и Майорова. Но Майоров и Голубовский своего участия в июльских событиях никак не проявили. Да и сама Спиридонова показала, что делом убийства Мирбаха ведала она одна, а Майоров с Голубовским никакого отношения к покушению не имели. Тогда по-иному читаются и показания Спиридоновой. Если ЦК ПЛСР "сначала выделил очень небольшую группу с диктаторскими полномочиями", если потом из этой группы в три человека двое к событиям отношения не имели, то вся ответственность за организацию убийства Мирбаха действительно падает не на ЦК ПЛСР, повинный лишь в теоретическом одобрении террора вынесенным 24 июня постановлением, но лично на Спиридонову. Разве что...

Разве что Спиридонова все-таки к организации убийства Мирбаха никакого отношения не имела. Но уж очень любила она геройские поступки и из этой любви приняла на себя всю ответственность за убийство Мирбаха. В июле 1918 повторялся, по существу, цикл, начатый ею в январе 1906, когда Спиридонова из ревности стреляла в чиновника Луженовского, убила его, была арестована и приговорена к пожизненной каторге за бытовое уголовное преступление. Правительство и не собиралось тогда рассматривать ее преступление как политическое. Но дело Спиридоновой получило, как часто это бывало в либеральной прессе, незаслуженную огласку; и симпатизирующий

террористам журналист газеты "Русь" вместе с партией эсеров (и не без участия самой Спиридоновой) сделали из нее мученицу за идею и героиню. Спиридонова вступила в эсеровскую партию только на каторге. Выйдя на свободу после Февральской революции, она стала членом партийного ЦК.³⁵ И вот теперь новое убийство — Мирбаха.

Есть еще одно косвенное указание на то, что не Спиридонова была тем "одним членом ЦК", с которым встречались Блюмкин и Андреев. Блюмкин упоминает в своих показаниях написанное им к "одному члену ЦК" в сентябре 1918 г. письмо. Но в сентябре 1918 г. Спиридонова находилась под следствием (и была освобождена только 29 ноября). И поэтому письмо Блюмкина никак не могло быть адресовано ей. А вот в апреле—мае 1919 г., когда давал свои показания Блюмкин, Спиридонова находилась на свободе: в ночь на 2 апреля по подложному пропуску она бежала из Кремля, где содержалась под арестом.³⁶ Поэтому именно в апреле—мае большевики очень нуждались в свежих обвинениях против Спиридоновой, которую разыскивали по всей стране. Как раз в это время и явился в киевскую ЧК Блюмкин со своими ценными показаниями об июльских событиях 1918 г. И если б "одним членом ЦК" действительно была Спиридонова, большевики, безусловно, заставили бы Блюмкина произнести это имя вслух. Но большевикам, видимо, оказалось выгодным не спрашивать Блюмкина об "одном члене ЦК". Иначе разрушилась бы легенда об организации убийства ЦК левых эсеров.

Именами Прошьяна и Спиридоновой не ограничивается список подозреваемых организаторов убийства Мирбаха. Искать их нужно не только среди членов партии левых эсеров, но и в другом лагере, прежде всего среди левых коммунистов, столь же решительных противников Брестского мира, как и сам Прошьян. В этой связи, конечно же, обращает на себя внимание поведение левого коммуниста и председателя ВЧК Дзержинского. Именно в стенах его Комиссии, конечно же с ведома и согласия самого Дзержинского, в начале июня 1918 г. сотрудником ВЧК Яковом Григорьевичем Блюмкиным, молодым человеком 19—20 лет (впрочем, выглядевшим на все тридцать), было заведено дело на "племянника германского посла" — дело Роберта Мирбаха.

Это было первое "дело" Блюмкина, введенного в Комиссию в начале июня на должность заведующего "немецким шпионажем" — отдела контрразведки "по наблюдению за охраной посольства и за возможной преступной деятельностью посольства".³⁷

Как показал впоследствии Лацис,

"Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения... контрразведки и не раз подавал в комиссию проекты... Единственное дело, на котором он сидел — это дело Мирбаха-австрийского. Он целиком ушел в это дело, просидел над допросами свидетелей целые ночи".³⁸

Здесь было где развернуться молодому чекисту. Дело было не банальным прежде всего потому, что Роберт Мирбах, кажется, не был не только племянником германского посла, но и вообще австрийцем.

Насколько позволяет судить один из источников,³⁹ мирно жил в революционном Петрограде "исполняющий должность члена Совета по хозяйственной части Смольного института" обрусевший барон Р.Р.Мирбах. Увы, почти никаких сведений не просочилось о нем в историю.⁴⁰ И не вспомнил бы никто никогда об однофамильце германского посла. А вот Бонч-Бруевич о нем вспомнил. Бонч-Бруевич в то время имел со Смольным постоянный контакт, в том числе и хозяйственного характера, и не знать Р.Р.Мирбаха просто не мог. Быть может отсюда, от Бонч-Бруевича, по линии Бонч-Бруевич — Дзержинский — Блюмкин, и исходила легенда.

Исчез обрусевший барон Р.Р.Мирбах, член Совета по хозяйственной части Смольного института, а появился вместо него племянник германского посла, военнопленный австрийский офицер, дальний родственник графа-посла Мирбаха, с которым, как признавали все, посол ни разу в жизни не встречался. По сведениям чекистов, Роберт Мирбах служил в 37-м пехотном полку австрийской армии, был пленен, попал в лагерь, но освобожден из заключения после ратификации Брест-Литовского мирного договора. В ожидании отъезда на родину он снял комнату в одной из московских гостиниц, где проживал до начала июня, когда остановившаяся в той же гостинице шведская актриса

Ландстрем неожиданно наложила на себя руки. Было ли это самоубийство подстроено чекистами или нет, судить трудно. ВЧК, тем временем, заявило, что Ландстрем покончила с собой в связи с ее контрреволюционной деятельностью, и арестовало всех обитателей гостиницы. Среди них, дескать, оказался и "племянник германского посла" Р. Мирбах.

Дальнейшие действия чекистов, в первую очередь Блюмкина, нужно по крайней мере признать находчивыми. Об аресте графа Роберта Мирбаха ВЧК незамедлительно сообщило датскому консульству, представляющему в России интересы Австро-Венгрии. В ответ, 15 июня датское консульство вступило с ЧК в переговоры "по делу арестованного офицера австрийской армии графа Мирбаха". Во время этих переговоров чекисты и подсказали представителю консульства Евгению Янейке версию о родственности Роберта Мирбаха и германского посла. И 17 июня, через день после начала переговоров — и очевидно, что за этот срок никакой информации нельзя было ни собрать, ни проверить, — датское консульство вручило чекистам именно тот документ, которого те добивались:

"Настоящим королевское датское генеральное консульство доводит до сведения Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, что арестованный офицер Австро-Венгерской армии граф Роберт Мирбах, согласно письменному сообщению германского дипломатического представительства в Москве, адресованному на имя датского генерального консульства, в действительности состоит членом семьи, родственной германскому послу графу Мирбаху, поселившейся в Австрии".⁴¹

Поскольку первый документ датского консульства датирован 15 июня, а второй — 17-м, логично предположить, что письменный ответ германского посольства на запрос датчан был дан 16 июня, сразу после получения датского запроса, и преследовал гуманитарные цели: в германском посольстве решили посчитать неведомого графа Роберта Мирбаха родственником германского посла в надежде, что это облегчит участь несчастного австрийского офицера и он будет немедленно освобожден, тем более, что и выдвинутые против него обвинения казались Рицлеру мелочными.

Причастность же германского посла к делу "племянника" ограничилась, видимо, данным им разрешением зачислить Роберта Мирбаха в свои родственники.

В германском посольстве о деле уже забыли. В датском — ожидали освобождения Роберта Мирбаха из ВЧК. Но прошла уже неделя, и больше, а Роберта Мирбаха все не освобождали. Тогда 26 июня генеральный консул Дании Гакстгаузен обратился в ВЧК с официальной просьбой

"освободить из-под ареста австрийского военнопленного графа Мирбаха при условии гарантии со стороны консульства о том, что упомянутый граф Мирбах по первому требованию впредь до окончания следствия [по делу Ландстрем] явится в Чрезвычайную Комиссию".⁴²

Но просьба Гакстгаузена удовлетворена не была. И не случайно: дело "племянника посла" — легло в основу досье против германского посольства и лично Мирбаха. Основной уликой в руках Блюмкина стал сфабрикованный чекистами документ, подписанный (то ли добровольно, то ли по принуждению) графом Робертом Мирбахом:

"Я, нижеподписавшийся, германский подданный, военнопленный офицер австрийской армии Роберт Мирбах, обязуюсь добровольно, по личному желанию, доставить [ВЧК] ... секретные сведения о Германии и германском посольстве в России. Все написанное здесь подтверждаю и [обязуюсь] добровольно исполнять.

Граф Роберт Мирбах.

На подлинном есть аналогичная надпись на немецком языке. Подлинник хранится в несоргаемом ящике при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии".⁴³

Документ, однако, представлял собой самую дешевую фальшивку. Ни австрийский офицер, ни хозяйственник Смольного не мог считаться "германским подданным" и сообщить чекистам "секретной информации о Германии и германском посольстве в России". Такой поворот событий заставил побеспокоиться и немцев. Германский посол отрицал теперь всякую связь со своим "родственником", а в фабрикации "дела" усматривал провокацию. О суете чекистов вокруг германского посольства

и о фабрикации дела теперь знали даже в Берлине. Поэтому вскоре после убийства Мирбаха в советском полпредстве в Германии стало известно, "что германское правительство не сомневается, что граф Мирбах убит самими большевиками".⁴⁴ А старейший посольства Германии в Москве откровенно доносил в Берлин, что "покушение готовилось заранее. Дело об австрийском офицере Роберте Мирбахе было только предлогом для работников ВЧК проникнуть к послу кайзера".⁴⁵ Сам Блюмкин, однако, отрицал это, утверждая, что "вся организация акта над Мирбахом была исключительно поспешная и отняла всего 2 дня, промежуток времени между вечером 4-го и полднем 6 июля".⁴⁶ Блюмкин привел и "косвенные доказательства":

"Еще 4 июля, утром, я передал тов. Лацису, зав. отд. по борьбе с контррев. ВЧК, то самое нашумевшее дело арестованного мною в середине июня немецкого шпиона г. Роберта Мирбаха, племянника германского посла, которое 6 июля послужило мне предлогом для свидания с гр. Вильгельмом Мирбахом. Таким образом, вне всякого сомнения, что за два дня до акта я не имел о нем ни малейшего реального представления. Кроме того, вся моя работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно в силу своего значения, проходила под непосредственным наблюдением предс. Комиссии тов. Держинского и тов. Лациса. О всех своих мероприятиях, как, например, внутренняя разведка в пос[ольстве], я постоянно советовался с Президиум[ом] Комиссии, с комисс[аром] по иностранным делам тов. Караханом, с предс[едателем] Пленбежа тов. Уншлихтом".⁴⁷

Но никакого противоречия в германском донесении и показаниях Блюмкина нет. Вечером 4 июля началась реализация плана убийства Мирбаха, но подготовка всего предприятия могла начаться именно в первых числах июня, когда Блюмкину поручили заняться "делом Роберта Мирбаха", когда отстранили его по инициативе большевиков, прежде всего Лациса,⁴⁸ от всей остальной работы, дав ему сосредоточиться на фабрикации дела против германского посольства. А о том, что в планы стоящих за спиной Блюмкина противников Брестского мира входило

убийство германского посла, Блюмкин в те дни мог и не знать — до самого вечера 4 июля, когда, судя по его показаниям, его уведомили о предстоящем покушении, причем заявление Блюмкина о том, что его работа в ВЧК проходила под непосредственным наблюдением Дзержинского и Лациса, при консультациях с Караханом и Уншлихтом, лишний раз подтверждает предположение, что к убийству Мирбаха были причастны и большевики.

Уже после убийства Дзержинский в своих показаниях пробовал снять с ВЧК какую-либо ответственность за смерть Мирбаха. Он утверждал, что в самом начале июля (но непонятно, когда именно) Блюмкин был отстранен от ведения дела Роберта Мирбаха. Основанием для отстранения Блюмкина Дзержинский называл жалобу на произвол Блюмкина, с которой пришли к Дзержинскому за несколько дней до убийства посла Осип Мандельштам и Лариса Рейснер (жена Раскольников). Впрочем, эту часть своих показаний Дзержинский начал со лжи. Для придания веса своему разговору о произволе Блюмкина Дзержинский представил все так, будто с жалобой приходил сам нарком Раскольников, а не его жена. Между тем Раскольников только устраивал эту встречу, а при беседе Дзержинского и Мандельштама присутствовала именно Лариса Рейснер.⁴⁹ История этой встречи в изложении Дзержинского такова:

”За несколько дней, может быть за неделю до покушения, я получил от Раскольникова и Мандельштама... сведения, что этот тип (Блюмкин — Ю. Ф.) в разговорах позволяет говорить себе такие вещи: жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку — через два часа нет человеческой жизни... Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что если он кому-нибудь скажет о нем, он будет мстить всеми силами... В тот же день на собрании Комиссии было решено по моему предложению нашу контрразведку распустить и Блюмкина пока оставить без должности. До получения объяснений от ЦК левых с.-р. я решил о данных против Блюмкина Комиссии не докладывать. Блюмкина я ближе не знал и редко с ним виделся”.⁵⁰

На снятие Блюмкина с работы указывал в своих показаниях и Лацис:

”Я Блюмкина особенно недолюбливал и после первых жалоб на него со стороны сотрудников решил его от работы удалить. За неделю до 6-го июля Блюмкин уже у меня в отделе не числился, ибо отделение было расформировано по постановлению Комиссии, а Блюмкин оставлен без определенных занятий. Это решение должно быть запротоколировано в протоколах Комиссии в первых числах июля или в последних числах июня”.⁵¹

И все-таки, в самом начале своих показаний Лацис назвал Блюмкина ”заведующим секретным отделом”, а не ”бывшим заведующим”. И выписки из протоколов ВЧК об отстранении Блюмкина ”Красная книга ВЧК” не опубликовала, а наоборот, взяла Блюмкина под свою защиту: убрала из документов компрометирующий лично Блюмкина материал. В заметке ”От редактора” по этому поводу говорится:

”...Мы вовсе не поместили показаний Зайцева, ввиду того, что свидетель говорит исключительно о личности Якова Блюмкина, причем факты, компрометирующие личность Блюмкина, проверке не поддаются. Опущено несколько строк из показаний Ф.Э. Дзержинского, в которых он передает рассказы третьих лиц о том же Блюмкине, также не поддающиеся проверке”.⁵²

Большевикам важно было представить Блюмкина (теперь уже чекиста-коммуниста) не анархистствующим авантюристом, а дисциплинированным членом партии, совершавшим террористический акт по постановлению ЦК ПЛСР. И для этого не останавливались перед купированием показаний Дзержинского.

Показания Лациса и Дзержинского о расформировании отдела Блюмкина довольно интересны. Прежде всего из них следует, что Блюмкин был оставлен в ЧК. А вот расформирование большевиками за несколько дней до убийства Мирбаха отдела ”немецкого шпионажа” не может казаться случайным совпадением. Похоже, что речь шла о простой формальности: отдел объявили несуществующим. (Может быть Дзержинский обеспечивал себе алиби на случай осуществления убийства Мирбаха?) Но каждодневная работа

Блюмкина от этого вовсе не изменилась. Наверно, именно поэтому о расформировании отдела Блюмкин ничего не пишет в своих показаниях. Да и 6 июля, как свидетельствует Лацис, в 11 часов утра Блюмкин получил у Лациса из сейфа дело Роберта Мирбаха,⁵³ чего, конечно же, никак не могло произойти, если б Блюмкин на деле был бы отстранен от работы. Таким образом, скорее права Н. Манделъштам, которая пишет, что

”жалоба Осипа Манделъштама на террористические замашки Блюмкина осталась, как и следовало ожидать, гласом вопиющего в пустыне. Если бы тогда Блюмкиным заинтересовались, знаменитое убийство германского посла могло бы сорваться, но этого не случилось: Блюмкин осуществил свои планы без малейшей помехи...”⁵⁴

Блюмкиным не заинтересовались, так как это было не в интересах Дзержинского. Последний, безусловно, знал о готовящемся покушении на Мирбаха уже потому, что незадолго до убийства Карахан предупредил его о предстоящем убийстве. В письменных показаниях по делу об убийстве Мирбаха, данных 10 июля, Дзержинский коснулся этого вопроса более подробно. Он сообщил, что о возможных террористических актах против Мирбаха германское посольство извещало его дважды. Так, примерно в середине июня представители германского посольства сообщили Карахану и через него Дзержинскому:

”о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства... Это дело было передано для расследования тт. Петерсу и Лацису... Я был уверен, что членам германского посольства кто-то дает умышленно ложные сведения для шантажирования их или для других более сложных целей... Затем в конце июня (28-го) мне был передан т. Караханом новый материал, полученный им от германского посольства, о готовящихся заговорах...”

Дзержинского же во всем этом более всего заинтересовали не заговорщики, а имена информаторов германского посольства; и председатель ВЧК сказал германским дипломатам, что, не зная имен информаторов, он не сможет помочь посольству в разоблачении готовящихся заговоров. Дзержинский, кстати, намекал, что

и он имеет своих информаторов (отдел Блюмкина), которые сообщают ему о настроениях сотрудников посольства и их отношении к председателю ВЧК. Дзержинский продолжал:

”Для выяснения своих сомнений я попросил т. Карахана познакомить меня непосредственно с кем-либо из германского посольства. Я встретился с д-ром Рицлером и лейтенантом Миллером... Д-р Рицлер указал, что шантаж трудно предполагать, так как денег дающие ему сведения лица от него не получают. Я указал, что могут быть политические мотивы... Что здесь какая-то интрига я тем более убежден, что я получил вполне достоверные сведения, что именно д-ру Рицлеру сообщено, будто я смотрю сквозь пальцы на заговоры, направленные непосредственно против безопасности членов германского посольства, что, конечно, является выдумкой и клеветой. Этим недоверием к себе я объяснял тот странный факт, связывающий мне руки в раскрытии заговорщиков и интриганов, что мне не было сообщено об источнике сведений о готовящихся покушениях... Очевидным для меня было, что это недоверие было возбуждено лицами, имеющими в этом какую-либо цель помешать мне раскрыть настоящих заговорщиков, о существовании которых, на основании всех имеющихся у меня данных, я не сомневался. Я опасался покушений на жизнь гр. Мирбаха... Недоверие ко мне со стороны дающих мне материал связывало мне руки...”

Поддавшись на уговоры Дзержинского, Рицлер открыл председателю ВЧК их имена и даже устроил встречу с одним из них. Дзержинский продолжал:

”Некая Бендерская, видимо, соучастница заговора, была, как мне (и т. Карахану) было сказано д-ром Рицлером, одновременно и осведомительницей посольства... Через т. Карахана я потом настаивал, чтобы меня лично свели с осведомителями. Фамилия главного осведомителя не была названа... Рицлер, наконец, согласился познакомить меня со своим осведомителем. За пару дней до покушения (дня точно не помню) я встретился с последним... После

свидания с этим господином (В.И. Гинчем — О. Ф.) у меня больше не было сомнений, для меня факт шантажа был очевиден... В конце разговора, когда я встал, чтобы уйти, он просил меня [о] пропуске ко мне в Комиссию, что он несколько раз был там со сведениями, но его не хотели выслушивать, что был и в отряде Попова, но тоже толку не добился. После этой встречи я через т. Карахана сообщил германскому посольству, что считаю арест Гинча и Бендерской необходимым, но ответа я не получал...»⁵⁵

С. Далинский обращает внимание на то, что информация Гинча "по каким-то причинам" не привлекла внимания Дзержинского.⁵⁶ Но очевидно, что она потому и не привлекла его внимания, что он был в курсе готовящегося покушения на жизнь германского посла. Это достаточно определенно следует и из показаний Мюллера:

"...Скажу относительно Гинча... Недели четыре—пять тому назад, (т.е. в самом начале июня, когда только-только начинали фабриковать дело Роберта Мирбаха — Ю. Ф), а может быть и больше, утвердительно сказать затрудняюсь, в посольство наше явился этот Гинч и передал заведующему канцелярией г. Вухерфенику, что на графа Мирбаха партией "Союз Союзов" готовится покушение на убийство. Об этом доктором Рицлером было сообщено в комиссариат по иностранным делам, который в свою очередь уведомил Чрезвычайную Комиссию. Там же не придавали этому заявлению никакого значения. Прошло некоторое время, и Гинч снова явился в посольство с однородными сведениями. Я и Гинч ездили в Метрополь для переговоров с председателем Чрезвычайной Комиссии Дзержинским, который отнесся с недоверием к заявлению Гинча, хотя тот прямо говорил ему, что в этом деле замешаны и члены Комиссии. Не далее как вчера, 6 июля, доктор Рицлер ездил в комиссариат по иностранным делам и просил Карахана обратить особое внимание на не перестающие циркулировать слухи о покушении на убийство графа Мирбаха. Это тем более

явилось настоящим в глазах чинов посольства, что дней 10 тому назад являлся тот же Гинч и говорил определенно, что между 5 и 6 июля может случиться покушение”.⁵⁷

Дзержинский, следовательно, безусловно знал, что Мирбах будет убит на днях. Но ничего не предпринял. И более того, Дзержинский знал, что 6 июля Блюмкин отправится к Мирбаху. А скорее всего знал и то, что во время этой встречи Блюмкин Мирбаха убьет. Вот что написал в своих показаниях Лацис:

”О смерти Мирбаха я узнал в комиссариате вн[утренних] дел в 3 1/2 часа дня. Сейчас же я отправился в Вс. Чр. К., где узнал, что т. Дзержинский подозревает в убийстве Мирбаха — Блюмкина, заведующего секретным отделом контррев[олюционного] отдела. Самого тов. Дзержинского уже не застал. Он отправился на место преступления. Оттуда меня запрашивали, кончилось ли у нас дело Мирбаха, племянника посла, и у кого оно находится, ибо оно обнаружено на месте преступления... Отсюда мне стало ясно, что покушение на Мирбаха произведено действительно Блюмкиным”.⁵⁸

Но Лацису это стало ясно после того, как в посольстве нашли папку с делом Мирбаха, а Дзержинскому — еще до того, как он отправился в посольство. И здесь сами собой напрашиваются два вывода, одинаково невыгодные для Дзержинского и по существу равнозначные: либо Дзержинский собственноручно подписывал пропуск Блюмкина и Андреева и знал о визите чекистов к Мирбаху, а значит, наверняка знал и о предстоящем убийстве; либо Дзержинский пропуска не подписывал (обеспечивая себе алиби), но о приказе Блюмкину ”одного члена ЦК” убить 6 июля Мирбаха знал, а потому и обвинил Блюмкина в убийстве, лишь только узнав о нем. И в том и в другом случае причастность Дзержинского к убийству не может вызывать сомнения.

Ленин о готовившемся убийстве скорее всего не знал. Доказательств его участия в организации покушения нет. Американский историк Адам Улам считает поэтому сомнительным, чтобы лично Ленин был серьезно замешан в террористическом акте.⁵⁹ Но кто

бы ни стоял за убийством Мирбаха, фактом является то, что большевики оказались к нему готовыми больше, чем сами левые эсеры, которые, по заявлению большевиков, этот террористический акт готовили. Так или иначе, с момента первого сообщения о реализации покушения на Мирбаха роль Ленина в разгроме ПЛСР была однозначной. Интересный эпизод описывает в связи с этим в своих воспоминаниях советский сотрудник полпредства в Берлине Г. А. Соломон. Он пишет, что вернувшийся в Германию вскоре после июльских событий Л. Б. Красин рассказывал ему "с глубоким отвращением":

"Я хорошо знаю Ленина, но такого глубокого и жестокого цинизма я в нем не подозревал... Рассказывая мне об этом предполагаемом выходе из положения, он с улыбочкой, заметьте, с улыбочкой, прибавил: "словом, мы произведем среди товарищей товарищей эсеров внутренний заем... и таким образом и невинность соблюдем, и капитал приобретем..."

Г. Соломон продолжает:

"В этот свой приезд Красин неоднократно в разговорах со мной, точно не имея сил отделаться от тяжелого кошмарного впечатления, возвращался к этому вопросу и несколько раз повторял мне эти слова Ленина. Затем, уже много лет спустя, в Лондоне, Красин как-то вновь возвратился в одном разговоре со мной о Ленине к этому факту, почему он и врезался в мою память острым клином".⁶⁰

Как справедливо указывает Д. Кармайкл, "предполагаемым выходом из положения" или "внутренним займом" было "обвинение простодушных левых эсеров в убийстве Мирбаха".⁶¹ Но свидетельство Соломона отнюдь не единственное. Вот как описывает в своих воспоминаниях Айно Куусинен, жена Отто Куусинена, обстоятельства, при которых она узнала о непричастности левых эсеров к убийству Мирбаха:

"Многие эсеры были расстреляны после того, как Ленин заявил, что убийство посла явилось прелюдией к восстанию против большевистского режима. Однако вскоре я узнала, что на самом деле эсеры не были виновны. Когда

я однажды вернулась домой, Отто [Куусинен] был в своем кабинете с высоким бородатым молодым человеком, который был представлен мне как товарищ Сафир. После того, как он ушел, Отто сообщил мне, что я только что видела убийцу графа Мирбаха, чье настоящее имя было Блюмкин. Он был сотрудником ЧК и вот-вот собирался уехать за границу с важным поручением от Коминтерна. Когда я заметила, что Мирбах был убит социалистами-революционерами, Отто разразился громким смехом. Несомненно, убийство было только лишь поводом, чтобы убрать эсеров с пути, поскольку они были самыми серьезными оппонентами Ленина".⁶²

Все сходится на том, что кроме подготовки убийства Мирбаха, какие бы партии и лица ни стояли за его организацией, в Москве большевиками подготавливалась и другая акция: разгром партии левых эсеров во время предстоящего Съезда Советов. О подготовке большевиками разрыва с левыми эсерами и о предстоящем разгроме ПЛСР советская историография пишет фактически открыто, только по установившейся уже "традиции" она объясняет действия большевиков не желанием нанести превентивный удар по левым эсерам, а имеющейся у большевиков информацией о намерении левых эсеров или просто контрреволюционеров поднять в Москве восстание против советской власти.

На подготовку большевиками разрыва с ПЛСР и ее разгрома указывают многочисленные источники. Так, командующий московским военным округом Н.И.Муралов, в распоряжении которого находился левоэсеровский "отряд особого назначения", некое подобие большевистской Красной гвардии, во второй половине июня получил от Ленина указание внимательно следить за отрядом. Вот как описывает Муралов свой диалог с Лениным:

"— Что это у вас какой-то отряд левых эсеров, вы ему доверяете?

— Да, этот отряд хорош...

— Гм, гм... На всякий случай следите за ним зорко..."

И Муралов все понял:

"Почему, подумал я, Ильич взял под сомнение левых эсеров? ... Неужели дело дойдет до вооруженного

столкновения? На всякий случай решил часто проверять его (отряд — Ю.Ф.), присматриваться и постепенно заменять ком[андный] состав”.⁶³

С середины июня подготовка к разгрому ПЛСР под предлогом опасений контрреволюционного выступления велась фактически открыто. Советский историк Б. Томан пишет:

”В середине июня органы ВЧК получили сведения, что контрреволюционеры готовят вооруженное выступление. Латышские полки были приведены в боевую готовность. 18 июня И. Вацетис приказал командиру 2-го полка держать полк в боевой готовности, а один батальон с пулеметами выделить в распоряжение военного комиссариата Москвы”.⁶⁴

Несколько позже в Москву с юга страны был перебросен 3-й полк латышской дивизии. Большевики стягивали силы. И об этом, ссылаясь на ожидаемое восстание, пишет в своих мемуарах сам Вацетис:

”Знал ли кто-нибудь, что в Москве готовится восстание, и имелись ли об этом конкретные указания? На этот вопрос я могу ответить совершенно утвердительно... О готовящемся восстании знали и имели об этом конкретные указания... Я сделал доклад комиссару [латышской] дивизии тов. Петерсону К.А., в котором указал, что в Москве готовится что-то неладное... Тов. Петерсон отнесся к моему докладу с некоторым недоверием, но через два дня (числа 3 или 4 июля) сообщил мне, что ВЧК напала на след готовящегося восстания, но где и как — об этом он мне ничего не сказал”.⁶⁵

Даже до Блюмкина, связывавшего все с покушением на Мирбаха, дошли слухи о чем-то неладном. И 4 июля в своем разговоре с ”одним членом ЦК” он спросил, не готовил ли, действительно, ЦК ПЛСР ”акта партийной оппозиции”. Блюмкин показывает:

”Вопрос о гарантии ЦК, что в его задачу входит только убийство графа Мирбаха, я задал потому, что вокруг подготовки убийства создалась непроницаемая обстановка, и, кроме того, столкновение на Пятом съезде

Советов партии левых с.-р. с правительственной партией сгустило атмосферу политических отношений...»⁶⁶

Блюмкин, конечно же, имел в виду прежде всего агрессивную речь Троцкого, которая посеяла среди левых эсеров панику. Вот что показал по этому поводу Саблин:

«...Во время перерыва, после внеочередного заявления Троцкого, Камков мне сообщил о возможности ареста ЦК ПЛСР и даже фракции в связи с возможным обострением отношений с большевиками на этом вечернем заседании...»⁶⁷

Таким образом, уже 5 июля ЦК левых эсеров начал сознавать тот факт, что большевики скорее всего попробуют разделаться с активом их партии.

О накале отношений между двумя партиями пишет и Свердлов, утверждая, однако, вопреки показаниям Вацетиса и утверждению Томана, что о предстоящем "восстании" большевики ничего не знали:

«Ни Яков Михайлович [Свердлов], конечно, ни кто другой из большевиков не имели достоверных фактов о преступных замыслах левых эсеров, ничего не знали о готовившейся аванюре. Но чем ближе был Пятый съезд Советов, тем больше усиливалась у Ленина, Свердлова, Дзержинского и других большевиков настороженность в отношении левых эсеров, тем пристальней они наблюдали за их подозрительными действиями».

Свердлова в своих воспоминаниях приводит лишь один пример таких "подозрительных" действий левых эсеров. Оказывается, ПЛСР

«пыталась выставить в Большом театре на время съезда свою охрану. [Настойчивость левых эсеров] насторожила Якова Михайловича, руководившего практической подготовкой съезда. Не подав левым эсерам виду, что их возня замечена, он согласился предоставить им возможность участвовать в охране Большого театра, но одновременно дал указание принять необходимые меры предосторожности».⁶⁸

Свидетельство Свердловой — лишнее доказательство заговора большевиков против левых эсеров. Дело в том, что съезд и должны были охранять как большевики и их военные отряды, так и левые эсеры. Правящая советская партия левых эсеров, конечно же, имела право на свои партийные караулы. И этот факт сам по себе Свердлова насторожить никак не мог, а тем более не мог быть признаком готовившегося левозеро-вского "восстания" против большевистской партии. Если левые эсеры Закс и Александрович могли быть заместителями Дзержинского по ВЧК, а левый эсер Попов мог стоять во главе чекистского отряда, ничего не было противоестественного и в желании левых эсеров участвовать в охране Большого театра во время работы Съезда Советов.

В день открытия Пятого съезда Советов большевиками были проведены последние подготовительные мероприятия для предстоящего разгрома ПЛСР: был подготовлен арест актива левозеро-вской партии — фракции ПЛСР на Съезде Советов. Вот что вспоминает об этом комендант Кремля П. Д. Мальков:

"По распоряжению Якова Михайловича на все наиболее важные посты внутри театра были выставлены латышские стрелки из охраны Кремля. Уже 4 июля Яков Михайлович меня предупредил, что надо быть начеку. От левых эсеров можно ожидать всяких пакостей. По распоряжению были усилены караулы и внутренние посты в Большом театре..."⁶⁹

Можно ли считать совпадением, что Свердлов сказал об этом Малькову именно 4 июля, т.е. в тот день, когда Блюмкину наконец поручили убить Мирбаха?

О подготовке большевиками разгрома левозеро-вской фракции Съезда Советов пишет и Свердлова:

"Часть постов в помещении театра заняла перед началом съезда левозеро-вская охрана. Однако недалеко от каждого из левозеро-вских часовых, не спуская с них глаз, стояло по два—три человека. Это были специально выделенные боевые группы из числа охранявших Кремль латышских стрелков и других особо надежных частей. Ни один из левозеро-вских боевиков и пальцем не мог

пошевелить, не обратив на себя внимание. Одновременно надежная охрана была выставлена и вокруг театра в близлежащих улицах и переулках”.⁷⁰

Все сошлось на 6 июля: и убийство Мирбаха, и разгром партии левых эсеров. Было ли это случайностью или двухактовым спектаклем, первым действием которого стала провокация — убийство германского посла, а вторым — разгром ПЛСР? На этот вопрос, вероятно, так и нельзя ответить со всей определенностью. Если Ленин знал о готовившемся убийстве и решил воспользоваться им как предлогом, можно лишь удивиться его коварству. Если Ленин не был информирован о нем заранее, можно подивиться его смекалке, находчивости и решимости: услышав об убийстве германского посла обвинить левых эсеров в восстании против советской власти, в восстании, которого не было.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ВОСЬМОЙ

1. Красная книга ВЧК. Машинописная копия, хранящаяся в Гуверовском институте, стр.371–373.
2. Там же. Гарвардская копия, стр.216, 217, 219, 220.
3. Там же. Гарвардская копия, стр.221–222.
4. Там же. Гуверовская копия, стр.374.
5. Сцены убийства описаны также в книге Л.М. Спирина: Крах одной авантюры. (Мятеж левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г.). Москва, 1971, стр.12; в воспоминаниях Хильгера: Gustav Hilger, Alfred G. Meyer. The Incompatible Allies. A Memoir–History of Soviet–German Relations 1918–1941. New York, 1953, pp.4–5; в статье Ю. Фельштинского: История одной провокации. Часть 1, "Новый журнал" № 142 (март 1981), стр.177.
6. Об этом пишет и Хильгер. (См.: Хильгер, Мейер, указ. соч., стр.5).
7. Красная книга ВЧК. Гуверовская копия, стр.374.
8. Хильгер в своих мемуарах пишет, что пятна крови на паркетном полу так никогда и не были смыты. И через 20 лет после убийства по ним безошибочно можно было указать на то место, где лежал смертельно раненный граф Мирбах. (См.: Хильгер, Мейер, указ. соч., стр.5).
9. Цит. по кн.: Л.М. Спирин. Крах одной авантюры. (Мятеж левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г.). Москва, 1971, стр.13.
10. Красная книга ВЧК. Гуверовская копия, стр.374–376.
11. Там же, стр.376.
12. В западной историографии на этот факт обратил внимание, кажется, только Д. Кармайкл. (См.: Joel Carmichael. Trotsky. An Appreciation of his Life. New York, 1975, p.497).
13. Помещенные в "Красной книге" материалы, не относящиеся к июльским событиям, с точки зрения объема и значения не столь интересны.
14. К. Гусев. Крах партии левых эсеров. Москва, 1971, стр.193–194.
15. Фельдмаршал Эйхгорн был убит в Киеве 29 (30) июля 1918 г. (См.: Fritz Fischer. Germany's Aims in the First World War. New York, 1967, p.567).
16. И.И. Минц. Год 1918-й. Москва, 1982, стр.408–409.
17. Вероятно "красноармейцев" – Ю. Ф.
18. Многозначие в тексте "Красной книги ВЧК".
19. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.129–130.
20. Красная книга ВЧК. Гуверовская копия, стр.367–370, 383.
21. Там же, стр.388.
22. Там же, стр.383–384.
23. Там же, стр.376–377, 381–382, 388.
24. Там же. Гарвардская копия, стр.323.

25. Красная книга ВЧК. Гуверовская копия, стр. 373.
26. Там же. Гарвардская копия, стр. 319–321.
27. Спирин. Крах одной авантюры, стр. 85.
28. Красная книга ВЧК. Гуверовская копия, стр. 372–373.
29. См. неопубликованную рукопись Штейнберга, хранящуюся в Гуверовском институте, о войне, революции и мире. (I.N. Steinberg. The Events of July 1918, p.16), а также левозэсеровскую публикацию Socialist Russia, the Events of July 1918. (Geneva, 1918, 70 pp.). Наличие восстания Штейнберг отрицал и в написанной им биографии Марии Спиридоновой, вышедшей по-английски в 1934 г.
30. П. Мальков. Записки коменданта Кремля. Москва, 1967, стр. 216–217.
31. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 195.
32. Там же, стр. 193.
33. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 321.
34. Спирин. Крах одной авантюры, стр. 85.
35. Подробнее об этом см.: Е. Брейтбарт. "Окрасился месяц багрянцем..." или Подвиг святого террора? "Континент", 1981, № 28, стр. 321–342.
36. Подробнее о Спиридоновой см.: Ю. Фельштинский. Вина и расплата. "Новое русское слово", 4 декабря 1982.
37. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 312.
38. Там же..
39. См.: М.П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты, октябрь 1917–январь 1918 г. Изд. 2-е. Ленинград, 1967, стр. 73.
40. Согласно адресной книге "Весь Петроград на 1916 г." барон Роман Романович Мирбах в 1916 году проживал на Фурштадской 9 и был чиновником особых поручений при Главном управлении собственной его императорского величества канцелярии по учреждению императрицы Марии. (Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда, двадцать третий год издания, под ред. А. П. Шашковского. Стр. 448). Проследить дальнейшее местопребывание Р. Р. Мирбаха не удается: в послереволюционных адресных книгах он уже не числится. Катков, впрочем, указывает в своей статье, что по слухам "племянник германского посла" проживал потом во Франции. Но точных сведений об этом нет.
41. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 212, 214.
42. Там же, стр. 213.
43. Там же, стр. 214. В самой "Красной книге ВЧК" была помещена и фотокопия этого документа с факсимиле подписи графа Роберта Мирбаха. Между прочим Г. Аронсон в книге "На заре красного террора" (Париж, 1929) утверждает, что в этой немецкой подписи графом была сделана ошибка, что по мнению Аронсона трудно объяснить иначе, как незнанием "племянником" немецкого языка.

- Возможно, однако, что Роберт Мирбах вообще этого документа не видел, не читал и не подписывал, а подпись подделали сами чекисты.
44. Г. Соломон. Среди красных вождей. Париж, 1930, т. 1, стр. 81.
 45. Цит. по кн.: Спириин. Крах одной авантюры, стр. 75.
 46. Красная книга ВЧК. Гуверовская копия, стр. 369.
 47. Там же, стр. 370.
 48. Там же. Гарвардская копия, стр. 313.
 49. Н. Мандельштам. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970, стр. 112–113.
 50. Цит. по кн.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. Сборник документов. Москва, 1958, стр. 154.
 51. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 313.
 52. Там же, стр. 11.
 53. Там же, стр. 308–309. Там же. Гуверовская копия, стр. 272.
 54. Н. Мандельштам. Воспоминания, стр. 113.
 55. Цит. по кн.: Из истории ВЧК, стр. 151–154.
 56. См.: С. Далинский, в сб. "Память", № 2, стр. 77, сноска 9.
 57. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 218.
 58. Там же, стр. 308–309.
 59. См.: Adam Ulam. The Bolsheviks. New York, 1968, p. 425.
 60. Соломон, указ. соч., стр. 83. Отточие документа. Нет оснований считать, что Соломон писал неправду, хотя бы уже потому, что в то время версии о том, что восстания левых эсеров не было, никто не выдвигал. Кроме того общеизвестно, что Красин сильно недолюбливал Ленина. Это признает и Троцкий, который пишет: "Октябрьский переворот он встретил с враждебным недоумением, как авантюру, заранее обреченную на провал... К методам коммунизма относился и позже с ироническим недоверием, называя их "универсальным запором". (Архив Троцкого. Хогтонская библиотека Гарвардского университета. Т–3490, дело "Красин", папка 1, стр. 8). "Пробуждавшаяся революционная активность боролась в нем со скептицизмом. Красин отбивался от ленинских атак, преувеличенно хмурил брови и пускал в ход самые ядовитые свои словечки, так что Владимир Ильич среди серьезной и напористой аргументации вдруг останавливался, вскидывая в мою сторону взглядом, как бы говоря: "Каков?" – и весело хохотал над злым и метким словечком противника. Так, впоследствии Ленин неоднократно цитировал красинский "универсальный запор". (Там же, Т–3108, стр. 10, от 8 января 1927 г.).
 61. Д. Кармайкл. Троцкий. Иерусалим, 1980, стр. 143.
 62. Aino Kuusinen. Before and After Stalin. A Personal Account of Soviet Russia from the 1920s to the 1960s. London, 1974, pp. 36–37.
 63. Н. Муралов. Встречи с Ильичом на военной работе. "Спутник политработника", 1926, № 7, стр. 28. Об отряде особого назначения Саблин 10 июля показал следующее: "Насколько мне известно, формирование "отряда особого назначения" было предпринято Всероссийским

штабом л[евых] с.-р. по предложению т. Муралова (отряд должен был находиться в его распоряжении), о чем в 20-х числах июня им был отдан приказ, а 22 июня были утверждены штаты отряда... Для формирования этого отряда вызывались боевые дружины [левых эсеров] из Витебска и других мест. Ко времени событий 6–7 июля отряд находился еще в периоде формирования и ни один человек из его состава в событиях 6–7 июля участия не принимал". (Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 328).

64. Б. А. Томан. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год советской власти. Москва, 1975, стр. 177.
65. И. И. Вацетис. Гражданская война. 1918 год. Сб. "Память", № 2, Москва 1977—Париж 1979, стр. 16.
66. Красная книга ВЧК. Гуверовская копия, стр. 384.
67. Там же, Гарвардская копия, стр. 322.
68. К. Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр. 358.
69. Мальков. Записки коменданта Кремля, стр. 205. Фактически книга была написана в соавторстве с сыном Я. М. Свердлова, кандидатом исторических наук А. Я. Свердловым. (См. там же, стр. 5).
70. Свердлова, указ. соч., стр. 368. Кроме того, из соображений общей безопасности в дни съезда к театру не подпускались посторонние, а трамвайная остановка у Большого театра была отменена. Трамвай проходил тогда по Театральной площади (ныне площадь Свердлова).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАЗГРОМ ПАРТИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

В первые пятнадцать минут после убийства в посольстве царила неразбериха. Полковник Шуберт, глава комиссии по репатриации военнопленных, взял на себя организацию защиты здания, которое довольно скоро превратили в небольшую крепость. (По накалу тех дней немцам следовало считать убийство Мирбаха лишь началом и ожидать погрома). Попытки сообщить представителям советской власти о случившемся остались безрезультатны: телефон посольства, всегда исправно работавший, был отключен. (И этот факт немцам не мог показаться случайным совпадением). Тогда, в начале четвертого, сотрудник посольства Карл фон Ботмер и переводчик Мюллер на посольской машине поехали в наркомат иностранных дел, находившийся на Театральной площади, в гостинице "Метрополь". Там они встретили заместителя наркома иностранных дел Карахана.

Ботмер вспоминает, что когда он и Мюллер в возбужденном состоянии вошли к Карахану, тот вскочил со своего кресла и выбежал в комнату секретаря.¹ Почему? Либо Карахан знал о предстоящем убийстве и испугался, что немцы пришли мстить (именно так и показалось Ботмеру), либо просто предчувствовал кровавую развязку, так как о возможном убийстве немцы его предупреждали, а по необычно возбужденному виду пришедших немецких дипломатов понял, что покушение состоялось, и тоже испугался мести.

Поддавшись, однако, первому инстинктивному движению и убежав, Карахан скоро оправился. Взволнованный и извиня-

ющийся, он вернулся в свой кабинет, где ожидавшие его Ботмер и Мюллер сообщили ему об убийстве германского посла. Карахан выслушал их и заверил, что представители советского правительства немедленно придут в германское посольство. Карахан позвонил Чичерину, тот — управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу:

— Говорит Чичерин... Бомбой убит германский посол граф Мирбах; прошу вас сейчас же сообщить об этом Владимиру Ильичу...

— Известны подробности?

— Пока ничего не известно...²

Бонч-Бруевич позвонил Ленину, который приказал ему поехать с отрядом латышей в германское посольство и обо всем, что он узнает, сообщить по телефону. Тем временем Ленин позвонил Дзержинскому. Дзержинский по некоторым данным "находился на Съезде Советов",³ т.е. в Большом театре. Содержание беседы Ленина с Дзержинским неизвестно. Но редакторы сборника статей Дзержинского пишут об этом первом сообщении Дзержинскому как об "известии о мятеже".⁴

Ленин затем вызвал к себе Свердлова; позвонил Троцкому в военный комиссариат и уже по телефону сказал ему, что "левые эсеры бросили бомбу в Мирбаха", серьезно его ранив. Вот с этого момента и приступили большевики к разгрому ПЛСР, начали принимать "срочные меры по подавлению и ликвидации мятежа",⁵ хотя никак не могли знать в те часы, кто стоит за убийством Мирбаха. О постановлении ЦК ПЛСР от 24 июня никто из большевиков, судя по всему, не знал, так как о нем не имели представления даже такие видные левые эсеры (не члены ЦК), как Саблин.⁶ О партийной принадлежности и именах террористов мог знать только Дзержинский, как соучастник преступления, но в этом случае он вряд ли немедленно раскрыл бы имя Блюмкина (и свое соучастие в заговоре) Ленину. Из подробностей, таким образом, Ленину, если никакого отношения к покушению он не имел, известно было единственно то, что Мирбах еще жив, хотя ранен смертельно. Но Ленин твердо знал уже тогда: в Мирбаха стреляли левые эсеры. И этих левых эсеров Ленин теперь собирался громить.

Через несколько минут к Ленину приехал Троцкий; затем и Свердлов, "такой же, как всегда".⁷ А еще через какое-то время пришло сообщение, что Мирбах умер. Важно было не увязнуть в создавшейся ситуации. Немцев нельзя было провоцировать на выступление до того, как будет разгромлена ПЛСР: в противном случае условия для уничтожения партии левых эсеров могли бы исчезнуть. Поэтому, по признанию Ленина, важно было "повлиять на характер немецкого донесения в Берлин".⁸ Было решено, что Ленин, Свердлов и Чичерин отправятся в германское посольство для выражения соболезнования по поводу убийства посла. Троцкого от этого ритуала освободили. Он должен был оставаться на месте и руководить военными приготовлениями по разгрому ПЛСР. Ленин же согласился пойти в посольство, добавив цинично: "Я уж с Радеком об этом сговаривался. Хотел сказать "Mitleid", а надо сказать "Beileid".⁹ Троцкий продолжает:

"Он чуть-чуть засмеялся, вполтона, оделся и твердо сказал Свердлову: "Идем". Лицо его изменилось, стало каменно серым. Недешево давалась эта поездка в гогенцоллернское посольство с выражением соболезнования по поводу гибели графа Мирбаха. В смысле внутренних переживаний это был, вероятно, один из самых тяжелых моментов его жизни".¹⁰

Троцкий, таким образом, не скрывал, что сочувствия большевиков смерть Мирбаха не вызвала. Их заботила только необходимость, вопреки духу радикализма, гримасничать в посольстве, выражая соболезнование.

Однако в германское посольство Ленин и Свердлов поехали не сразу. Прежде всего они начали принимать меры по подавлению "левоэсеровского мятежа".¹¹ Вот что вспоминает об этом комендант Кремля П. Мальков:

"Я пришел в Большой театр в два пополудни. Проверил посты, на которых стояли латышские стрелки... Вдруг, когда часовая стрелка подползла к четырем, ко мне подбежал запыхавшийся Стрижак: — ...Только что звонил Яков Михайлович и велел тебе немедленно явиться в Кремль, прямо к нему. Через пять минут я уже был в Кремле, благо машина стояла наготове... Из отрывочных

фраз, которыми я успел на ходу обменяться со встречными сотрудниками ВЦИК и Совнаркома, мне стало ясно, что левые эсеры подняли мятеж... Все делалось удивительно быстро, четко, слаженно. Владимир Ильич и Яков Михайлович тут же на листках блокнотов писали телефонограммы, распоряжения, приказы... Я вышел из кабинета Ильича. Через пять минут гарнизон Кремля подняли по боевой тревоге".¹²

А находившихся в Кремле в войсках гарнизона и среди служащих левых эсеров немедленно арестовали.

Первым официальным правительственным объявлением об убийстве Мирбаха стала телефонограмма Ленина, переданная в 4 часа 20 минут в организации, контролируемые большевиками: в районные комитеты РСДРП (б), в районные Советы депутатов города Москвы (где левых эсеров практически не было), и в штабы Красной гвардии (партийные большевистские воинские части). В этой первой телефонограмме Ленин сообщал:

"Около трех часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха. Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших и чехословаков. Мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников. Задерживать все автомобили и держать до тройной проверки".¹³

Если вслед за советскими историками предположить, что к этому времени Ленин не знал о "мятеже" левых эсеров, покажется удивительным, что в столь сложной ситуации Ленин не сообщил о случившемся ни заседавшему в Большом театре Съезду Советов, ни руководству союзнической советской и правящей партии левых эсеров, ни даже в отряд ВЧК, т.е. Попову, куда, вероятно, правительство обратилось бы в любой другой ситуации. Правда, в первой ленинской телеграмме не было упоминания о левых эсерах, что, казалось бы, подтверждает версию советских историков. Бонч-Бруевич, однако, объясняет это отсутствие указания на левых эсеров совсем другими причинами. Во-первых, пишет он, "многие еще не хотели верить, что это — дело их рук". Аргумент

не слишком убедительный уже потому, что чье бы то ни было сомнение не могло сдержать Ленина. А вот вторая причина, указанная Бонч-Бруевичем, кажется куда более правдоподобной:

"...Здесь преследовался тактический прием, чтобы не спугнуть эсеров со своих мест и телеграммой о выступлении их в центре не подстрекнуть на периферии, в уездах их единомышленников к подобным же действиям".¹⁴

Телефонограмма Ленина действительно должна была быть послана по провинциям, но только "в уезды по случаю грозы тотчас передать не удалось".¹⁵ Передали лишь в 5 часов 30 минут. Бонч-Бруевич, однако, не разъясняет, почему же Ленин не указал на восстание левых эсеров в какой-нибудь особой телефонограмме, предназначенной только для Москвы. Но очевидно, что по причине, уже указанной Бонч-Бруевичем: нельзя было испугивать бездействовавших левых эсеров, бездействовавших не только на периферии, но и в самой Москве.¹⁶ До того момента, пока не разработали окончательно конкретный план разгрома ПЛСР, не окружили отряд Попова, не арестовали фракцию левых эсеров на Съезде Советов, нельзя было говорить левым эсерам, что большевики рассматривают их как восставшую партию. А конкретный план разгрома отряда Попова, аналогичный плану разгрома анархистов 12 апреля, был утвержден большевиками только около 5 часов вечера 6 июля.¹⁷ До этого времени не считал Ленин возможным не только объявлять по всей Москве о смерти германского посла (хотя за час до передачи первой телефонограммы Ленина, в 3 часа 15 минут, 47-летний граф Мирбах скончался),¹⁸ но и попытался умолчать о ранении Мирбаха. В черновике телефонограммы постскрипум была вписана зачеркнутая позже фраза: "Сейчас получено известие, что бомбы не взорвались и никто не ранен".¹⁹ И в этой попытке представить террористический акт пока что провалившимся был виден тот же смысл: скрыть на какое-то время и от немцев, и от противников Брестского мира правду, взять инициативу в свои руки. Ведь тот шанс, что известие о смерти Мирбаха вызовет аплодисменты всех делегатов Съезда Советов, от эсеров до большевиков, что в порыве революционного энтузиазма съезд одобрит убийство

и разорвет Брестский мир — был слишком велик. И от такого оборота событий Ленин обязан был себя застраховать. Для этого нужно было арестовать левозсеровскую фракцию съезда еще до того, как она узнает об убийстве Мирбаха, для этого необходимо было держать известие о смерти Мирбаха в секрете и не давать понять левым эсерам, что события принимают серьезный оборот, так как Мирбах на самом деле убит, а Брестский мир, может быть, уже разорван. Объявить об убийстве Мирбаха — значит окрылить левых эсеров. А окрылить их, значит придать им сил. А Ленин был заинтересован как раз в том, чтобы выбить у ПЛСР почву из-под ног.

В германское посольство первым прибыл вездесущий Радек. За ним последовали Карахан, нарком юстиции Стучка и Бонч-Бруевич, привезший с собой отряд латышских стрелков 9-го полка. Для "расследования террористического акта" в посольство прибыл Дзержинский, впоследствии писавший:

"Лейтенант Миллер встретил меня горьким упреком: "Что вы теперь скажете, господин Дзержинский". Мне показана была бумага, удостоверение, подписанное моей фамилией. Это было удостоверение, писанное на бланке Комиссии, дающее Блюмкину и Андрееву полномочия просить по делу аудиенции у графа Мирбаха.²⁰ Такого удостоверения я не подписывал, всмотревшись в подпись мою и т. Ксенофонтова, я увидел, что подписи наши скопированы, подложны.²¹ Фигура Блюмкина... сразу выяснилась, как провокатора. Я распорядился немедленно отыскать и арестовать его (кто такой Андреев, я не знал)".²²

Ленина все еще не было. И Хильгер напрасно пишет, что он прибыл в посольство "немедленно после того, как услышал об убийстве".²³ Только в пятом часу к главному подъезду здания СНК (бывшее здание Судебных установлений) подъехал личный шофер Ленина Гиль; Ленин, Свердлов и Чичерин сели в машину и поехали в посольство. О прибытии их немцам сообщил Бонч-Бруевич, указавший, что "главы правительства... желают официально переговорить с представителями германского посольства". Бонч-Бруевич пишет:

”Нас пригласили в большую парадную комнату. Мы все уселись. Водрузилась торжественная мертвая тишина... Владимир Ильич, сидя, произнес краткую реплику на немецком языке, в которой принес извинения правительства по поводу случившегося внутри здания посольства, где мы не имели возможности оказать помощь германскому представительству. Он высказал глубокое соболезнование по поводу трагической смерти посла и прибавил, что дело будет немедленно расследовано и виновные понесут заслуженную кару”.²⁴

”Реплика” Ленина, конечно же, не могла удовлетворить сотрудников германского посольства. По существу, Ленин снял с советских органов какую-либо ответственность за убийство германского посла, указав, что за происшедшее внутри посольства советская власть отвечать, дескать, не может. Да и краткую речь свою он произнес сидя, как бы подчеркивая, что не слишком огорчен убийством представителя германского империализма. Немцы же были настолько напуганы и растеряны, что не догадались выразить свой протест ни по поводу самого убийства, ни в связи с заявлением Ленина, хотя уже тогда обратили внимание на ”холодную вежливость” большевистского вождя.²⁵

Выразив формальное соболезнование германскому посольству, члены советского правительства покинули здание и вышли во внутренний дворик. В здании, однако, остался Стучка, начавший производить ”обследование” места преступления. Результаты этого самого первого большевистского расследования так никогда и не были оглашены советской властью. Но одно бесспорно: папка с ”делом” Роберта Мирбаха, опрометчиво оставленная террористами в приемной посольства, и удостоверение ВЧК за подписями Дзержинского и Ксенофонтова, являвшиеся опасными уликами в руках германского правительства, оказались у большевиков.

Что же происходило в это время в ЦК левых эсеров, вернее, в здании отряда ВЧК, у Попова, где в перерывах между заседаниями съезда собиралась верхушка левоэсеровской партии? Правильнее всего ответить: ничего, хотя это явно не то слово, которым должны были бы характеризоваться действия ”мятежной партии”.

Справедливости ради следует указать, что слухи о предстоящем покушении на Мирбаха дошли не только до Дзержинского и Карахана, но и до левых эсеров. Александровичу где-то в районе полудня об этом сообщил Блюмкин. А между часом и двумя о предстоящем покушении было уже известно группе членов ЦК левых эсеров — Прошьяну, Карелину, Черепанову и Камкову.²⁶ Теперь уже эта группа членов ЦК, имевшая возможность предотвратить убийство, но не сделавшая этого, становилась, как и Дзержинский, действительным соучастником преступления. Но неумолимо катилось красное колесо революции: как и Дзержинский, левые эсеры решили ничего не предпринимать. Это решение, скорее всего, было принято тем самым "совещанием небольшой группы членов ЦК", на которое указывал советский историк Спирин.

Между тем террористы, убив Мирбаха, приехали в особняк Морозова (в здание штаба отряда ВЧК под командованием Попова) в Трехсвятительском (ныне Большом Вузовском) переулке. Кажется, сам Попов не придавал происходящему никакого значения. По крайней мере, отряд ВЧК работал как обычно. Попов в момент приезда Блюмкина и Андреева беседовал в своем кабинете с комиссаром ВЧК, большевиком и сотрудником отдела по борьбе с преступлениями по должности Абрамом Беленьким. Беленький и стал первым большевиком, воочию увидевшим исполнивших террористический акт Андреева и раненого Блюмкина. Из отряда Попова, однако, Беленький вскоре уехал и отправился прямо к Дзержинскому. Когда он, наконец, нашел его в германском посольстве в Денежном переулке, шел уже пятый час.²⁷

Присутствовавшие там же Ленин, Свердлов и Бонч-Бруевич, переговорив с Беленьким, уехали в Кремль. Настроение у Ленина было приподнятое. Когда ему сказали, что целый час не могли передать его телефонограмму в уезды, он даже не рассердился, а "шутливо сказал":

"Революцию делать мы научились, это — несомненно, но побороть рутину в наших учреждениях мы никак не можем. Ведь дело такое ясное, а вот мы обсуждали его более часа. Впрочем, ведь [левые] эсеры еще более

любят поговорить, чем мы. У них наверно теперь дискуссия в полном разгаре. Это поможет нам, пока Подвойский раскачается... А его что-то совсем не слышно! — смеясь прибавил он".²⁸

И Ленин не ошибся. В ЦК ПЛСР (в отряде Попова) все это время действительно шли дискуссии о том, как реагировать на сообщение Блюмкина об убийстве им германского посла графа Мирбаха и, как ошибочно считал Блюмкин, Рицлера с Мюллером, и реагировать ли вообще. Между тем было очевидно, что Блюмкина будут разыскивать. Саблин пишет:

"От Блюмкина я узнал, что выданные ему документы на его настоящее имя (т.е. мандат за подписью Дзержинского — Ю. Ф.) остались в кабинете у графа Мирбаха. Таким образом, мне стало ясно, что в ближайшем же будущем следует ожидать чьего-либо посещения с целью розыска Блюмкина в отряде Попова. Об этом я доложил Центральному Комитету. Решено было ожидать".²⁹

Саблин оказался совершенно прав. В шестом часу вечера в сопровождении трех чекистов-большевиков — Беленького, Трепалого и Хрусталева — Дзержинский отправился в отряд Попова, чтобы арестовать "Блюмкина и тех, кто его укрывает".³⁰ К этому времени уже были известны имена террористов, и было бы естественно ожидать, что в первых же своих сообщениях об убийстве германского посла большевики эти имена опубликуют, чтобы облегчить розыск. Между тем имена Блюмкина и Андреева держались в секрете вплоть до окончания "мятежа" прежде всего потому, что во всех случаях подозрения падали прежде всего на большевика Дзержинского, непосредственного начальника Блюмкина, а не на левых эсеров, его партийных соратников. Именно поэтому большевики впервые назвали Блюмкина по имени лишь в официальном сообщении от 8 июля, написанном Троцким. В нем указывалось, что "некий Блюмкин произвел по постановлению" ЦК ПЛСР "убийство германского посла графа Мирбаха".³¹ Имя Андреева впервые упомянули 14 июля.³² Но сам Андреев, являвшийся в глазах сотрудников германского посольства фактическим убийцей Мирбаха, не был арестован большевиками ни сразу же после покушения, ни позже. Сообщник Блюмкина исчез.

Еще, казалось, ничего не происходило в городе. И не было никаких признаков "восстания". Дзержинский еще только направлялся в здание отряда ВЧК для ареста Блюмкина. А большевики уже громили левых эсеров. Лацис вспоминает:

"...Троцкий сообщил по прямому проводу, что он уже распорядился двинуть артиллерию и другие части, что я назначаюсь председателем на место Дзержинского, что Комиссия распускается, а работников я набираю по своему усмотрению. Тов. Фомина он назначил начальником наружной охраны Большого театра... Тов. Петерс направился вместе с тов. Полукаровым на съезд усилить внутренний надзор. [Затем я] распорядился сменить выставленный Поповым караул [в здании ВЧК] и поставить на место его самокатчиков. В это время я получил предписание Совнаркома, через Троцкого, арестовать всех левых с.-р. членов Комиссии и держать их заложниками. В Комиссии в это время присутствовал Зак, который выражал свое полное недоумение о всем происшедшем... [Я] решил пока его оставить на свободе. Но сейчас же в Комиссию заглянул [член Коллегии ВЧК левый эсер М. Ф.] Емельянов. Я немедленно распорядился арестовать его..."³³

В это время Дзержинский только прибыл в отряд Попова.

Согласно версии советской историографии, ЦК ПЛСР был извещен об успешном исполнении террористического акта самим Блюмкиным, приехавшим в отряд Попова примерно в три часа дня. Советские историки, однако, не дают ответа на один крайне существенный вопрос. Если левые эсеры действительно намеревались восстать против большевистской власти и устроить левозеровский "июльский переворот", наподобие большевистского "октябрьского", чем объяснить тот факт, что левые эсеры с момента приезда Блюмкина в отряд Попова и до прибытия туда в шестом часу вечера Дзержинского с чекистами Беленьким, Трепаловым и Хрустальевым бездействовали, не предпринимая никаких практических ходов. Советские историки удивительно единодушны в обвинении левых эсеров в организации убийства германского посла и восстания против советской власти. Но

почему же тогда представители ЦК ПЛСР не отправились в Большой театр сразу же после покушения, в три часа дня, не объявили о подготовленном и осуществленном террористическом акте и не взяли инициативу в свои руки? Разумеется потому, что более двух часов, т.е. с момента приезда Блюмкина и до прибытия Дзержинского в здание отряда ВЧК, ЦК ПЛСР решал, как реагировать на убийство: взять ли ответственность за террористический акт на себя или отмежеваться от него и выдать Блюмкина большевикам. Ответ на этот вопрос для ЦК не был легок. Осуждение покушения на Мирбаха было бы равносильно политическому самоубийству. В этом случае ЦК не только пришлось бы отмежеваться от убийства и выдать на расправу большевикам члена своей партии, но и признать неправильной свою политику в отношении германской оккупации на Украине. Короче, ЦК ПЛСР вынужден был бы признать свою политику в отношении Брестского мира неправильной, а позицию Ленина — единственно верной. Наконец, отказ ПЛСР от ответственности за террористический акт, произведенный членом левозероградской партии, противоречил партийным традициям социалистов-революционеров, заложенным еще "Народной волей". Да и трудно было вообразить левым эсерам, что их же союзники — большевики — подвергнут репрессиям всю партию — ведь убили всего лишь "германского империалиста".

В столь сложной ситуации многое, конечно же, зависело от того, как поведет себя лидер левых эсеров Мария Спиридонова. Но Спиридонова, по меткому замечанию Локкарта, "в качестве политической деятельницы... была несдержанна, не деловита", хотя и "пользовалась огромной популярностью".³⁴ Согласно другому свидетельству, Малькова, Спиридонова "была упряма и самолюбива, никого не хотела слушать".³⁵ И возможно, что именно она, особенно в том случае, если действительно организовывала убийство, настояла на принятии ЦК ПЛСР ответственности за убийство Мирбаха. Д. Кармайкл, впрочем, считает, что Спиридонова сделала это из солидарности со своими партийными товарищами — Блюмкиным и Андреевым.³⁶ И даже советская историческая энциклопедия решается обвинять Спиридонову лишь в "моральном руководстве левозероградским мятежом", а не

в практическом.³⁷ Но на самом деле левым эсерам не оставалось ничего иного, как санкционировать задним числом уже совершенное убийство. Ленин с Троцким, наверно, на это и рассчитывали. Во всеуслышание, однако, большевики заявляли обратное. Троцкий впоследствии писал:

”Когда по первым непроверенным сведениям мы узнали, что речь идет об акте левых эсеров, мы еще были уверены в том, что не только партия, но и Центральный Комитет ее ни в коем случае не захотят и не смогут солидаризоваться с этим актом, что они к нему не имеют отношения. Именно этим и объясняется, что т. Держинский, узнав о том, что убийцей является Блюмкин, отправился не во фракцию левых эсеров, а в отряд Попова”.³⁸

Троцкий умолчал, однако, что в здании отряда ВЧК находилось к тому времени большинство членов ЦК ПЛСР, так как там в перерывах между заседаниями Съезда Советов проходили совещания ЦК, в то время как обезглавленная фракция ПЛСР находилась в самом театре. Большевикам же важно было скомпрометировать ЦК партии, а не левозеровскую фракцию Съезда Советов. К тому же, Троцкий не сообщил, что после убийства Мирбаха Блюмкин поехал в отряд Попова. И если Держинский, как, по крайней мере, утверждает советская историография, действительно искал Блюмкина, ему нечего было делать в Большом театре. Для левых эсеров трагизм ситуации заключался как раз в том, что большевики их попросту перехитрили, так как и в случае принятия на себя ответственности за убийство Мирбаха, и в случае отказа принять на себя эту ответственность левые социалисты-революционеры оказывались в проигрыше. Большевики одержали полную тактическую победу. Левые эсеры лишний раз доказали, что ни к чему не были готовы и в корне не понимали замыслов и тактики своих ”заклятых друзей”.

Очередное заседание Съезда Советов предполагалось открыть в 4 часа дня 6 июля. Фракция левых эсеров, еще не знавшая об убийстве Мирбаха, заняла свои места в правой части партера и лож, но в президиуме съезда было пусто. Вопреки всеобщим ожиданиям, в театр не приехал Ленин. В зале находились лишь немногие лидеры левых эсеров (в том числе Мстиславский и

Коллегаев). Большинство членов ЦК ПЛСР осталось в Трехсвятительском переулке. Предполагалось, что заседание съезда откроет Свердлов. Но Свердлов так и не открыл его. Вместо этого "он собрал самых доверенных товарищей из находившихся в этот момент в Большом театре"³⁹ и быстро изложил им план действий. Среди "доверенных товарищей" оказался и вернувшийся в Большой театр Петерс. Вот что он вспоминает:

"Тут как раз [мне в ВЧК] позвонил Троцкий или Владимир Ильич — не помню — и сказал, чтобы Лацис остался в ВЧК, а я вместе с другими пошел в Большой театр и арестовал фракцию левых эсеров. Мы пошли в театр... Кто-то из нас вышел на сцену, объявил, что собирается фракция большевиков, и чтобы все большевики выходили из театра. При выходах же мы установили проверку документов и выпускали сначала только коммунистов. Но, понятно, очень скоро эта хитрость была обнаружена эсерами и др., но они ничем на это не реагировали... Потом стали пускать по рекомендациям, по документам. В конце концов, в театре остались левые эсеры, интернационалисты и беспартийные. Помню, что некоторые из них волновались, задавали вопрос, что это значит, так как положение им было неизвестно. Помню, как тов. Камаров прочел, не то пытался читать, лекцию о втором интернационале".⁴⁰

Здесь Петерсу почему-то отказывает память. На сцену вышел не "кто-то", а сам Петерс. Следуя инструкциям Свердлова, он объявил, что в помещении за сценой состоится совещание фракции большевиков. Делегаты-коммунисты прошли за сцену, спустились по черному ходу вниз и тайно покинули театр. Вот как описывает происшедшее Свердлов:

"Четко и ясно давал Свердлов необходимые указания. Между тем, ничего не подозревавшие делегаты заполнили зал и шумно рассаживались по местам. Все готово. Пора начинать заседание. Однако заседание не открывается. Представитель большевиков вносит предложение провести заседание фракций. Левые эсеры собираются в одном из обширных фойе Большого театра, большевики — на

Малой Дмитровке, 6, в школе агитации ВЦИК. Выход — через оркестр. Все остальные двери закрыты. У входа — часовые. Мандаты проверяет заместитель секретаря ВЦИК Глафира Ивановна Окулова. Она дает указание выпускать только тех, кто предъявляет карточку члена большевистской фракции съезда. Каждому большевику говорит: "Быстро на Дмитровку!"

Членов фракции левых эсеров из зала не выпускают: они собираются здесь, в театре, им выходить незачем!

Все делается быстро, без суеты. С точностью часового механизма приходят в движение все заранее подготовленные силы. Молниеносно убраны эсеровские часовые, все помещение Большого театра в руках большевиков, вокруг здания сомкнулось железное кольцо. Фракция левых эсеров в сборе. Никто не понимает, что произошло. Но и придти в себя, предпринять что-нибудь они не успевают. Широко распахиваются двери фойе, в дверях — вооруженные красноармейцы.

— Спокойствие, товарищи! В связи с тем, что левые эсеры организовали в городе выступление, мы вынуждены вас задержать. Сопротивление бесполезно".⁴¹

В шесть часов вечера фракция левых эсеров была арестована.⁴² Операцией руководили чекисты-большевики и комендант Большого театра Я.А. Стрижак. В то же время 187 латышских стрелков и подошедшие броневики блокировали Большой театр внешним кольцом. Арестованы были не только левые эсеры, но и делегаты всех других партий. Общее число арестованных достигло 450 человек. Члены фракции большевиков, между тем, разбились на группы по 40—50 человек и отправились в районные Советы для участия в разгроме ПЛСР.

В событиях 6 июля роль Дзержинского была одной из самых важных. С отъездом из Денежного переулкa начиналась, возможно, ее главная часть. Приехавшего в отряд ВЧК Дзержинского встретил Попов. Дзержинский пишет:

"...На мой вопрос, где находится Блюмкин, получил ответ, что его в отряде нет и что он поехал в какой-то

госпиталь. Я потребовал, чтобы мне привели дежурных, которые стояли у ворот и которые могли бы удостоверить, что, действительно, Блюмкин уехал на извозчике. Заметив колебание Попова, а также шапку скрывавшегося Блюмкина на столе, я потребовал открытия всех помещений”.⁴³

Здесь, однако, Дзержинский вряд ли говорил правду. По крайней мере, одно из двух: либо Дзержинский Блюмкина “близко не знал и редко с ним виделся”, либо знал и самого Блюмкина, и даже шапку, в которой должен был совершать свой террористический акт Блюмкин. С другой стороны, обнаруженная в отряде Попова шапка вряд ли была “шапкой Блюмкина”. По воспоминаниям Мюллера, головные уборы террористов остались в германском посольстве. Это следует и из описания внешнего вида Блюмкина в момент побега из посольства: “в черном пиджаке или сюртуке, с длинными распущенными волосами”. Ни о какой шапке свидетель не упоминал. Очевидно, что Дзержинскому просто нужно было найти предлог для обыска здания. С тремя своими спутниками Дзержинский обыскал весь дом, разбив при этом несколько дверей.⁴⁴ Блюмкина, конечно же, не нашел, но обнаружил в одной из комнат заседавший в ней в неполном составе ЦК ПЛСР. Похоже, что именно эту комнату и искал Дзержинский столь упорно. По крайней мере на этой комнате Дзержинский свой обыск окончил. Он “объявил Прошьяна и Карелина арестованными” и “сказал присутствующему при этом начальнику отряда Попову, что если он... не подчинится и не выдаст их, то Дзержинский “моментально” пустит “ему пулю в лоб, как изменнику””.⁴⁵

Так пишет в своих показаниях сам Дзержинский, но не договаривает. Он не только объявил Прошьяна и Карелина арестованными, но и “заявил, что один из членов ЦК должен быть искупительной жертвой за Мирбаха”,⁴⁶ т.е. должен быть непременно казнен. Такие действия Дзержинского, как бы ни рассматривать их, являлись провокацией: на что рассчитывал Дзержинский, прибывший в отряд ВЧК с малочисленной охраной “производить следствие по делу Мирбаха”, но вместо этого объявивший арестованными двух членов ЦК, собиравшийся

расстрелять одного из них, а члену ВЦИКа, члену Коллегии ВЧК и начальнику чекистского отряда Д.И. Попову намеревавшийся "моментально пустить пулю в лоб"? Понятно, что такой альтернативе ЦК ПЛСР предпочел "задержание Дзержинского", да иначе и поступить не мог.⁴⁷ Выдача Дзержинскому двух членов ЦК ПЛСР (одного на расстрел в виде выкупа за смерть "империалиста") вообще не могла подлежать обсуждению с точки зрения каких угодно революционных норм. Что касается Блюмкина, то и его решили не выдавать, так как никто из левых эсеров не видел состава преступления. За убийство "империалиста" никогда еще не наказывала никого советская власть. Тем более нельзя было наказывать Блюмкина за убийство германского посла, ненавидимого всеми революционерами. Блюмкина нельзя было выдать и из партийной гордости. Наконец, если б выдан был Блюмкин, как повлияло бы это на организацию террористических актов на Украине и на партизанскую борьбу украинских большевиков и левых эсеров с немцами?

По всем этим причинам левые эсеры не могли выдать Дзержинскому на расправу своего партийного товарища. В этом, наверно, и была одна из серьезных ошибок, допущенных в тот день ЦК ПЛСР. Сам Блюмкин, судя по его показаниям, в этом вопросе оказался на высоте. Он требовал своей собственной выдачи. Блюмкин пишет:

"Я пережил в лазарете и сознательно помню только один момент — приезд в отряд тов. Дзержинского с требованием выдачи меня. Узнав об этом, я настойчиво просил привести его в лазарет, чтобы предложить ему меня арестовать. Меня не покидала все время незыблемая уверенность в том, что... советское правительство не может меня казнить за убийство германского империалиста. Но ЦК отказался выполнить мою просьбу".⁴⁸

Об аресте Дзержинского большевикам не замедлили сообщить сами левые эсеры. В седьмом часу вечера в сопровождении группы матросов из отряда Попова в Большой театр прибыла Мария Спиридонова. Только по прибытии она узнала, что фракция ПЛСР на Съезде Советов арестована. Тем не менее Спиридонова заявила большевикам, что ЦК ПЛСР берет на себя ответственность

за убийство германского посла и к тому же задержало Дзержинского. Большевики имели теперь полное право обвинить левых эсеров в заговоре. С этим Свердлов и вернулся в Кремль, где информировал обо всем Бонч-Бруевича, а последний — Ленина.⁴⁹ Все, казалось, развивалось по плану.

Как вспоминал позднее Дзержинский, вечером 6 июля в особняк Морозова вернулись откуда-то "Саблин и растерянный Попов и сообщили, что... фракция левых эсеров, а с нею Спиридонова, арестованы... Настроение в отряде с каждым известием становилось все более подавленным".⁵⁰ О том же писал и сам Саблин:

"Для нас было ясно, что агрессивные действия против нас начаты. Это подтвердилось появлением вблизи отряда Попова патрулей, остановкой автомобильного движения, кроме тех, кто имел специальный пропуск, подписанный Лениным, Троцким, Свердловым".⁵¹

Но именно арест левозсеровской фракции съезда во главе со Спиридоновой переполнил чашу терпения Попова и оставшихся на свободе членов ЦК ПЛСР, и они решили что-нибудь предпринять. Прежде всего левые эсеры издали "Бюллетень № 1", где сообщили, что в три часа дня "летучим отрядом" ПЛСР "был убит посланник германского империализма граф Мирбах и два его ближайших помощника". В Бюллетене далее говорилось о задержании Дзержинского, об аресте большевиками фракции ПЛСР на Съезде Советов и о взятии Спиридоновой заложницей.⁵²

Печатанием листовки, однако, левые эсеры не ограничились. В ВЧК прибыла группа матросов из отряда Попова во главе с Жаровым и увела с собой Лациса и еще нескольких большевиков. Лацис пишет:

"...Ко мне забегает тов. Вороницкий с сообщением, что в коридоре наши комиссары арестованы караулом. Я поспешил туда, чтобы выяснить дело, которое мне показалось недоразумением, ибо я предполагал, что караул успел смениться и поэтому наши самокатчики не могли всерьез арестовать наших комиссаров. Но в коридоре меня остановил матрос Жаров с револьвером в руке... Но я был без шляпы и попросил разрешения

сходить за ней. Это было мне как будто разрешено. Я воспользовался моментом, когда арестовывали еще одного из наших комиссаров, и забежал в комнату президиума [ВЧК], где по прямому проводу сообщил в Кремль, что меня арестовали и уводят, куда – не знаю. Нас повели в штаб Попова в Трехсвятительском пер. С нами шел Емельянов. Все мои вопросы о причине [его ареста] и об источнике распоряжения я встречал молчанием... В штабе меня встретил Попов и спросил, кто распорядился арестовать Емельянова. Я ответил, что арестовал его по распоряжению Совнаркома. На это последовало заявление Попова, что я по постановлению ЦК л[евых] с.-р. арестован. Начались горячие упреки, что мы заступаемся за мерзавцев Мирбахов и арестуем тов., которые нас избавили от этого мерзавца”.⁵³

После ареста Лациса поспешили отпечатать новый вариант Бюллетеня № 1, где указали на арест Лациса и добавили, ”что все товарищи-коммунисты-большевики будут в ближайшее время освобождены”.⁵⁴ К задержанным же, в целом, относились с галантностью. Так, Лацису разрешили сходить за забытой им шляпой, а арестованных патрулями Попова членов большевистской фракции Съезда Советов немедленно отпускали. Вот что вспоминает Саблин:

”...Нам было приказано... Поповым задерживать все автомобили, проезжающие в районе расположения отряда и его патрулей... Было приказано спрашивать документы у всех проходящих. Среди них оказалось около 20-ти членов Съезда Советов – фракции большевиков. Все они были немедленно отпускаемы, после стереотипного вопроса о судьбе фракции левых эсеров”.⁵⁵

В три часа ночи задержали на автомобиле около Почтамта председателя Моссовета П.Г.Смидовича, который вспоминал днем позже:

”Встретили меня изумленно и вежливо. Но это не помешало отвести меня в качестве заложника в то же помещение, где находились уже около 20 коммунистов вместе с Дзержинским и Лацисом”.⁵⁶

В отряде ВЧК Смидовичу объяснили и причину ареста. Смидович вспоминает: "Прошьян начал мне объяснять, что меня задерживают как заложника, ввиду того, что по распоряжению Совнаркома задержана Спиридонова и ряд других членов партии с.-р." Но все-таки — "встретили очень любезно и не обыскали".⁵⁷ И ведь это была "восставшая партия"!

К утру 7 июля количество арестованных достигло 27 человек. Но посторонний наблюдатель не мог не обратить внимание на то, что "мятежники" не отдавали себе отчета в происходящем. 10 июля Смидович указал следственной комиссии:

"Полагаю, что люди эти не управляли ходом событий, а логика событий захватила их, и они не отдавали себе отчета в том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было".⁵⁸

Наконец, как военная сила, отряд Попова просто бездействовал, и это не осталось незамеченным для Вацетиса:

"Сведения о восставших были крайне скудны и сбивчивы. Определенно было известно, что штаб и резиденция... расположены в особняке Морозова. Все-таки... лево-эсеровские вожди пропустили момент для решительных действий... Я считал положение большевиков весьма прочным. Что же касается эсеров, то сил у них было мало, особенной боеспособностью таковые не отличались, энергичного и талантливого командира у них не оказалось; если бы таковой у них был, то он и левые эсеры не провели бы в бездействии 6 июля и всю ночь на 7 июля. Кремль для левых эсеров был неприступной твердыней..."⁵⁹

Левые эсеры в действительности не помышляли ни о каких наступательных акциях. Саблин пишет, что

"в ответ на поступающие в ЦК [ПЛСР от отдельных левых эсеров] предложения об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные к ЦК [ПЛСР] и отряду Попова шаги, ЦК отвечал заявлениями о необходимости придерживаться строго оборонительных действий, ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом".⁶⁰

На эту пассивность левых эсеров и отсутствие каких-либо наступательных действий обратили внимание как западные историки,⁶¹ так и советские. Томан, например, пишет, что "главные силы мятежников находились всего в километре от Кремля и Большого театра, где проходил Пятый съезд Советов"⁶² и где была арестована левозеро́вская фракция съезда в 353 человека. Но ни сразу же после убийства Мирбаха, ни позже "восставшие" не пытались атаковать не только Кремль, что можно было бы объяснить военными соображениями, но и Большой театр (для освобождения арестованных). Все это приводит С. Далинского к тому выводу, который напрашивается сам собою: действия левых эсеров после убийства Мирбаха "нельзя рассматривать иначе, как самозащиту от большевиков..."⁶³ А Штейнберг еще в 1918 году писал, что "если бы левые эсеры в самом деле готовили восстание против большевистской партии, они действовали бы совсем иначе".⁶⁴ Большевики же, используя в качестве формального повода для репрессий убийство Мирбаха и неосторожные шаги Попова, громили партию левых эсеров.⁶⁵

Но в чем же заключался "мятеж" как таковой (если не считать ареста 27 большевиков во главе с Дзержинским)? На самом деле лишь в том, что "восставшие", как заявляли потом большевики, "захватили" телеграф, почтамт и телефонную станцию. Но, во-первых, телеграф и почтамт находились в одном и том же здании на Мясницкой улице. Во-вторых, "захват" телеграфа проходил довольно мирно. Саблин пишет:

"На телеграфе стоял караул из Покровских казарм. Тов. Прошьян взял с собой около 10 человек из отряда Попова и 5 человек из Покровских казарм, чтобы эти последние объяснили караулу на телеграфе, который был из их же части, смысл происходящих событий. 10 же человек из отряда Попова были взяты для охраны по пути. [Т.е. для того, чтобы по дороге не быть арестованными большевиками — Ю. Ф.] Как мне известно, караул на телеграфе свободно пропустил т. Прошьяна, который, отправив телеграммы [левых эсеров об убийстве Мирбаха], вернулся обратно в штаб Попова".⁶⁶

Находящийся в этот момент на телеграфе нарком Подбельский тут же, прямо с телеграфа, позвонил Троцкому и сообщил о происходящем, после чего покинул здание, посчитав караул неблагонадежным. Троцкий послал к телеграфу две роты 9-го латышского полка, но стрелки были без боя разоружены и отпущены обратно в Кремль, где полк дислоцировался. Телеграф же продолжал свою нормальную работу: телеграммы Ленина и Троцкого о "мятеже левых эсеров" беспрепятственно передавались. Но происшедшее дало Троцкому повод впоследствии утверждать, что Покровские казармы "присоединились к мятежу левых эсеров". И это обвинение по сей день кочует из одной советской книжки в другую.

Не более агрессивно действовали левые эсеры и на телефонной станции. Следя за ходом событий 6—7 июля трудно не заметить, что все средства связи работали у большевиков нормально. Бесперебойно работала и телефонная сеть. Свердловна поэтому и написала в своих воспоминаниях, что "взять телефонную станцию мятежникам не удалось".⁶⁷ Между тем, левым эсерам и не нужно было захватывать телефонной станции. И, как ошибочно указано в ряде других советских исследований, "восставшие" станцию не захватывали. По случайному стечению обстоятельств на станции в тот день нес охрану левозсеровский отряд.⁶⁸ Ленин с Троцким то ли не знали об этом, то ли забыли. Только после звонка Троцкому наркома Подбельского Ленин распорядился и о замене караула на телефонной станции. Подбельский отправил туда очередной отряд латышей 9-го полка и члена коллегии наркомата почт и телеграфов А. М. Николаева. Новая охрана сменила старую без каких-либо недоразумений, и, отключив все телефоны, кроме телефонов Ленина и Троцкого, Николаев затем подключил лишь телефоны выданного ему большевистского списка.⁶⁹

Понятно, что если бы левые эсеры действительно подняли восстание против большевиков, отключение телефонов Кремля и большевистских наркоматов было бы первым актом "восставших". (С опытом октября 1917 года трудно было поступить иначе). Тогда, потеряв связь друг с другом и внешним миром, большевики действительно оказались бы в тяжелом положении и не смогли бы быстро мобилизовать свои силы.

Но ничего этого не произошло все по той же причине: "левоэсеровского восстания" не было. Именно поэтому "совершенно неиспользованными остались караул на телефоне, телеграфе" и в ВЧК.⁷⁰ Петерс пишет:

"...Весь караул, который находился в ВЧК, был из левых эсеров и финнов из отряда Попова, которые ничего не понимали по-русски и шли всецело за своими командирами — левыми эсерами".

Без труда, казалось бы, этой силой могли, и притом успешно, воспользоваться "восставшие". Но караул так и остался на своих местах, ничего не предпринимая. Именно поэтому Лацис был арестован не левоэсеровским караулом, но специально явившимися в ВЧК для ареста Лациса членами отряда Попова.

Петерс далее приводит еще один факт, подтверждающий лояльное отношение левых эсеров к большевикам. Чтобы выманить пришедший в ВЧК отряд Жарова, Петерс позвонил чекисту-большевику Левитану и "предложил ему нагрузить два грузовика красноармейцами из караула Попова и отправить его в Сокольнический парк, чтобы там они искали оружие", зарытое, дескать, контрреволюционерами. "После этого... — продолжает Петерс, — мы приступили к разоружению караула человек в 20—30, которые остались еще в ВЧК из отряда финнов".⁷¹ "Восставшие", тем временем, проискав в Сокольниках по приказанию большевика Левитана несуществующее оружие и, разумеется, ничего не найдя, вернулись ни с чем в здание ВЧК, были разоружены и взяты под арест. Говорят, эту "шутку" с Сокольниками придумал Свердлов.

Большевистские вожди лучше других сознавали, что сами левые эсеры рассматривают происходящее как очередную межпартийную склоку. И дело не ограничилось "забытой" шляпой Лациса; недоумением Закса, который, узнав, что его приказано арестовать за участие в "мятеже", не нашел ничего лучшего, как позвонить Троцкому и растерянным голосом пожаловаться на полное непонимание событий; звонком Подбельского Троцкому на глазах у "восставших" левых эсеров; визитом члена ЦК ПЛСР Магеровского к арестованным большевикам, чтоб сказать им, что все происходящее — "недоразумение",⁷² или

тем, что фракция левых эсеров во главе со Спиридоновой, дореволюционные террористы и современные революционеры, в большинстве своем явившиеся на съезд вооруженными (как и большевики, разумеется), митинговали, запертые, в Большом театре и даже не пытались вырваться наружу и присоединиться к "поднятому ими же мятежу". Даже 6—7 июля у левых эсеров был лишь один главный враг: контрреволюция. Это ясно виделось хотя бы из распространяемых левыми эсерами листовок и сообщений:

"ЦК ПЛСР предупреждает население гор.Москвы, что всякие попытки темных и контрреволюционных сил, белогвардейцев, германских и союзных провокаторов и шпионов, правых эсеров и меньшевиков, направленные к низвержению советской власти, будут подавляться беспощадным образом... [ЦК ПЛСР] категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремится, а произвел убийство Мирбаха в целях прекратить в дальнейшем завоевание трудовой России германским капиталом. Партия коммунистов-большевиков будет играть на руку контрреволюции, если будет направлять против защищающих советский строй и [ЦК ПЛСР]... частей советских войск свои обманутые части, направленные для отмщения за Мирбаха".⁷³

Да и некоторые большевики, тот же Лацис, смотрели на происходящее, как на инцидент, который скоро будет урегулирован. Когда только что арестованного Лациса повели по коридору здания ВЧК, он "наткнулся на бледного как смерть Карелина и смеющегося Черепанова". Лацис продолжает:

"Я обратился к ним с просьбой принять все меры для того, чтобы контрреволюционеры не воспользовались нашим инцидентом и *не подняли бы восстание против советской власти*. На это мне ответили, что все уже предпринято, а Александрович обещал отправиться в Комиссию, чтобы направить ее работу".⁷⁴

Если Лацис относился к событиям как к инциденту, а восстания против советской власти еще только боялся, да и то не со стороны левых эсеров, а со стороны "контрреволюционеров", то

понятно, что аналогичным было и отношение к событиям Ленина, Троцкого, Свердлова и других большевиков. Именно поэтому большевикам, чтобы правдоподобно было обвинение левых эсеров в восстании против советской власти, понадобилось создать миф о многочисленности "восставших". Самую большую цифру "восставших" называет Вацетис:

"Силы левых эсеров определялись в 2 000 штыков, 8 орудий, 64 пулемета, 4—6 бронемашин. Где эти войска и что они делают, известно не было... Общее впечатление у меня составилось такое, что левые эсеры действуют нерешительно".⁷⁵

Вацетис, вероятно, и сам не почувствовал абсурдности своего заявления. Получалось, что у левых эсеров было 2 000 человек, которые ничем не проявили своего участия в ими же поднятом "восстании". Причина завышения Вацетисом числа "восставших", однако, понятна: чем выше число "восставших", тем больше значение одержанной над ними победы. Понятна и завышенная цифра, указанная в "Красной книге ВЧК" — 1 700—1 800 человек:⁷⁶ через число участников доказывалось наличие самого "мятежа". В общем же можно сказать, что в советской и западной историографии точных сведений о численности левых эсеров и членов отряда Попова, принимавших участие в июльских событиях, нет.

Указанные Вацетисом две тысячи человек часто ошибочно принимаются авторами за число "восставших", а иногда и за численность отряда Попова.⁷⁷ Обычно советские историки называют несколько меньшую цифру: 1 300.⁷⁸ Но и это число следует считать завышенным, так как скорее всего оно включает в себя войска, находившиеся в Покровских казармах, и некоторые другие, в событиях участия фактически не принимавшие. Об этом, в частности, писал в своих показаниях Саблин:

"Ваше указание на то, что в распоряжении левых с.р. было 1 700—1 800 человек, ошибочно, ибо, как я уже указывал, ни один человек из формируемого "отряда особого назначения" участия в событиях 6—7 июля не принимал... Что касается присоединившихся частей, то ничем, кроме заявлений, они своего присоединения не

выявили. Лишь из отряда Винглинского перешло к Попову около 50 человек”.⁷⁹

Мицц называет четвертую цифру: 800 человек.⁸⁰ И очевидно, что это не что иное, как максимальная, ”штатная” численность отряда Попова. Ближе к истине стоит сообщение, что у ”мятежников” было не более 600 человек и два орудия.⁸¹ Но реальное число ”восставших” было, вероятно, еще меньше. Так, Луначарский 6 июля в разговоре по прямому проводу со Смольным сказал следующее:

”Левые эсеры захватили Дзержинского и забаррикадировались в числе 400 вооруженных на Покровском бульваре. Имеют два броневика... Мы... надеемся подавить в Москве это нелепое восстание к утру”.⁸²

А Саблин показал, что в отряде Попова

”было около 600 человек, из которых активное участие принимало не более 200—300 человек, остальные же или были заняты на постах в городе, или отдыхали после дежурства, или просто шатались, ничего не делая”.⁸³

Но, даже если вслед за советскими историками считать число восставших равным 1 300, ”мятеж” вряд ли представлял для большевиков серьезную опасность. По мнению Вацетиса, самым важным было удержать Кремль, что не представляло труда, так как в Кремле ”был расположен в качестве гарнизона 9-й латышский полк, около 1 500 бойцов. Этим сил было вполне достаточно, чтобы считать Кремль обеспеченным от захвата штурмом”.⁸⁴ Однако преданные большевикам силы отнюдь не ограничивались полутора тысячами. В Москве находилось в те дни свыше 4 тыс. стрелков латышской дивизии, 800 из которых были коммунистами.⁸⁵ На эти латышские части и планировали опереться большевики. В связи с этим Ленин вызвал к себе видных латышских большевиков — К.Х. Данишевского, комиссара латышской стрелковой дивизии К.А. Петерсона и наркома юстиции П.И. Стучку.⁸⁶ Данишевский предложил Ленину ”хоть на несколько минут” принять ”командный состав латышского полка, расположенного в Кремле... После секундного колебания... Владимир Ильич согласился”.⁸⁷

Разгром отряда Попова Ленин считал делом пустяковым, что еще раз подтверждает версию об отсутствии каких-либо "мятежных действий" со стороны левых эсеров. При этом, однако, перед военными Ленин делал вид, что относится к мятежу левых эсеров серьезно. Бонч-Бруевич пытается объяснить такое "странное" поведение Ленина уважением к военной науке:

"Я передал ему (Подвойскому — Ю. Ф.) приказ Владимира Ильича атаковать взбунтовавшийся полк войск ВЧК Попова, добившись или сдачи его, или полного уничтожения с применением беспощадного пулеметного и артиллерийского огня. Подвойский все это со вниманием выслушал и заявил мне, что он сосредоточит войска за Москвой-рекой и начнет наступление от храма Христа-Спасителя... Все это выходило очень гладко, но мне казалось, что это будет исполняться крайне медленно. Враг вовсе не настолько был силен. Достаточно было бы взять одну батарею, хороший отряд стрелков, вроде кремлевского, с приданными им пулеметами и сразу перейти в наступление, окружив этот небольшой район, где засели левые эсеры, *не проявляющие пока никакой деятельности*, кроме выставления небольших застав в своем районе (около Покровских казарм) и рассылки по ближайшим окрестностям патрулей... Я доложил Владимиру Ильичу о решениях тов. Подвойского...

— Да, серьезную штуку затеяли наши главковерхи, — добродушно улыбаясь, заметил Владимир Ильич. — А нельзя ли бы как-нибудь попроще? Настоящую войну разыгрывают!..

Часа в два мы получили наконец сведения, что войска, окончив сосредоточение, развернулись и двигаются по вымершим улицам...

— Наконец-то продвигаются...⁸⁸ Вот уж копуны...⁸⁸ — шутил сердясь Владимир Ильич. — Хорошо, что у нас еще враг-то смирный, взбунтовался и почил на лаврах, заснул, а то беда бы с такими войсками...⁸⁹

Практическое руководство операцией по разгрому отряда Попова было поручено Вацетису. Впрочем, не сразу. Большевики

подозревали его в "бонапартизме" и первоначально соглашались доверить ему лишь составление плана атаки, а не само командование войсками. Но Вацетису, по-видимому, не хотелось упускать шанс, и он настоятельно попросил Подвойского и Муралова доверить командование ему. За успех операции он готов был поручиться головой.⁹⁰ После долгих переговоров и колебаний большевики передали командование Вацетису.⁹¹

Самая большая опасность для большевиков заключалась в том, что настроенные антисоветски части Московского гарнизона, несмотря на удаленность от центра города, могли воспользоваться ситуацией и поднять в Москве настоящее восстание против советской власти, как против большевиков, так и против левых эсеров. Опасались этого не только большевики, но и командиры латышской дивизии, понимавшие, что в случае такого антисоветского восстания в первую очередь будет перебита латышская стрелковая дивизия, поскольку именно она была единственной опорой советской власти в столице. Вацетис пишет:

"Ко мне подошел начальник штаба дивизии, бывший полковник генштаба,⁹² и заявил, что он сдает занимаемую должность...

— Вы революционеры. Вы знаете, за что вы погибаете, а я за что погибну? ...Весь гарнизон против большевиков, и что же вы думаете — кучкой ваших латышей победить?"⁹³

Но сами большевики считали, что хотя на содействие примерно 20 тыс. войск Московского гарнизона, не входящего в число войск Красной армии, объявивших нейтралитет и дислоцировавшихся в так называемом Ходынском лагере, рассчитывать не приходится, важно лишь не сделать в отношении этих аполитичных войск неправильного шага, важно не спровоцировать эти нейтральные войска на выступление против советской власти. Между тем Вацетис, ущемленный недоверием большевиков, рвался доказать свою преданность и предложил Данишевскому и Петерсу не только разгромить левых эсеров, но и атаковать Ходынский лагерь, "пока он не занял позицию на боевом фронте" противников большевиков.⁹⁴ О предложении доложили Ленину. Но Ленин, конечно же, его отверг. Во-первых, войска Ходынского

лагеря были необходимы для войны с Германией, а во-вторых, именно так и можно было повернуть эти войска с нейтральных позиций на активно-антисоветские. К тому же Ленин знал, что никакого "восстания левых эсеров" не происходит. И чтобы унять пыл командира латышской дивизии, Ленин вызвал его к себе. В полночь Вацетис в сопровождении Данишевского прибыл в Кремль. Войдя в зал, где ожидал его Вацетис, Ленин подошел к нему быстрыми шагами и спросил таинственно, вполголоса: "Товарищ, выдержим до утра?" Вацетис пишет:

"Я в этот день привык к неожиданностям, но вопросов. Ленина озадачил меня остротой своей формы... Почему было важным выдержать до утра? Неужели мы не выдержим до конца? Было ли наше положение столь опасным, может быть, состоявшие при мне комиссары скрывали от меня истинное положение наше?"⁹⁵

Этот эпизод истолковывается советской историографией как доказательство серьезности левозероковского "восстания". Но очевидно, что Ленин только пугал Вацетиса, чтобы направить его энергию исключительно на разгром ПЛСР. И Вацетис сконфузился, испугался. О разгроме Ходынского лагеря он теперь не думал. Вацетис продолжает:

"...Я был убежден в нашей победе. Но я сознаю, что вопрос, поставленный В.И. Лениным, озадачил меня... Хотя наши войска не собраны еще полностью, ...в наших руках Кремль, неприступный для заговорщиков... Относительно нашего положения я сказал, что оно вполне прочное, и просил В.И. Ленина разрешить мне приехать с более подробным докладом через два часа, т.е. в 2 часа утра 7 июля. Ленин согласился..."⁹⁶

То, что Ленин именно пугал пришедшего к нему вместе с Данишевским Вацетиса, подтверждает Стучка. Он пишет:

"Затем офицеры ушли, и Ленин, сохраняя обычную веселость, вступил в беседу с собравшимися частным образом членами правительства... уверенный в том, что власть в Москве стоит прочно, как всегда".⁹⁷

На Вацетиса же разговор с Лениным подействовал соответствующе: Вацетис стал относиться к "восстанию" с большей серьезностью.

К двум часам ночи все необходимые приготовления были произведены.⁹⁸ В распоряжении большевиков находилось примерно 3 250 человек.⁹⁹ Вацетис теперь уже был абсолютно уверен в победе;¹⁰⁰ и с этим прибыл к Ленину, как и было условлено, в два часа ночи. Вацетис вспоминает:

”Когда я излагал состояние наших войск и указал, что наша артиллерия может действовать только прямой наводкой, В.И. Ленин улыбнулся и сказал: — А что она сделает? — Я... сказал, что дам указание... продвинуть на руках латышскую батарею как можно ближе к резиденции левозеровского ”правительства” и привести пушки так, чтобы выпалить прямо в окно...¹⁰¹ Наша беседа длилась минут двадцать”.¹⁰²

Ночь в Москве прошла спокойно. Никаких активных действий ”мятежники”, разумеется, не предпринимали.¹⁰³ Редкие перестрелки в городе были привычным явлением для Москвы 1918 года. В пять часов утра, как и планировалось, началось наступление латышей.¹⁰⁴ Трудно судить о том, происходили ли военные столкновения между поповцами и латышами на подступах к Трехсвятительскому переулку. Советская историография, например Томан, утверждает, что столкновения были.¹⁰⁵ Но в сообщении Томана многое не внушает доверия. В ночь с 6 на 7 июля был дождь с грозой.¹⁰⁶ По свидетельству Вацетиса,

”утром 7 июля был густой туман, покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15—20, а отличить своих от противников было совершенно невозможно, так как и те и другие были в сером”.¹⁰⁷

Томан же пишет, что

”на Чистопрудном бульваре левые эсеры построили баррикады, вырыли окопы (под грозовым дождем? — Ю. Ф.), засели в домах и оказали упорное сопротивление... Боевые действия пришлось вести в узких и кривых переулках под сильным ружейно-пулеметным огнем. Мятежники находились в окопах, за баррикадами, на крышах и балконах, против наступающих действовала бронемашина...”¹⁰⁸

Возможно, какое-то сопротивление поповцы оказали.¹⁰⁹ Но доказательством "упорного сопротивления" левых эсеров были бы, конечно же, жертвы, понесенные "мятежниками" или латышами. Между тем, в сделанном вечером 7 июля докладе о подавлении "мятежа" Подвойский и Муралов указывали: "Сколько раненых и убитых с нашей стороны, еще не выяснено. Называют пока единичные случаи".¹¹⁰ И это был итог на вечер 7 июля, а не на раннее утро. Единичными были и жертвы у Попова. Саблин свидетельствует, что к 10 часам утра 7 июля отряд Попова потерял 2–3 человека убитыми и 20 ранеными.¹¹¹

Вскоре после начала наступления большевистских частей Попов попробовал уладить конфликт мирным путем. Комиссар латышской дивизии доносил в связи с этим Троцкому:

"Только что к нам в дивизию по телефону сообщили, что четыре делегата из отряда Попова идут к нам выяснить положение. Они говорят, что большинство их стоит на платформе советской власти и для них совершенно неясны и непонятны причины восстания. Просим придти к нам, чтобы совместно переговорить с ними".

Когда матросская делегация из отряда Попова прибыла в штаб латышской дивизии и заявила, что отряд стоит "за советскую власть во главе с Лениным",¹¹² из штаба запросили мнение Вацетиса, но Вацетис приказал парламентаров прогнать.

Попытки урегулировать конфликт мирным путем, однако, не прекращались. Первоначально Троцкий и Ленин склонялись к тому, чтобы не расправляться с левыми эсерами слишком жестоко. И несмотря на то, что Вацетисом были сделаны последние приготовления к артобстрелу и атаке, Склянский, по поручению Троцкого и с согласия Ленина, начал переговоры с левыми эсерами. Их вел вышедший из особняка Морозова Саблин. Большевики предъявили левым эсерам ультиматум, срок которого истекал в 11.30. Обсуждавший в особняке Морозова условия ультиматума ЦК ПЛСР решил не капитулировать, а начать отступление. Именно в этот момент Склянский и приказал командиру батареи латышских стрелков Э.П. Берзину начать обстрел занятых левыми эсерами зданий. Как и предполагалось, обстрел производился прямой наводкой с двухсотметрового расстояния. Берзин пишет:

”В первые несколько минут нами было выпущено по обоим домам 16 снарядов с замедлителями, которые великолепно пробивали стены и разрывались внутри... Всего было выпущено по мятежникам 55—60 снарядов. Прекратились ответные винтовочные выстрелы со стороны левых эсеров...”¹¹³

Удивительнее всего, что и во время обстрела левые эсеры пытались вести переговоры. Два человека из отряда Попова явились к Петерсону, заявили, что они коммунисты, что ”большинство отряда против этой авантюры”, и просили большевиков, чтобы те ”отправили своего делегата разъяснить им, из-за чего происходит обстрел”. Большевики же в ответ одного делегата арестовали, а второго отправили назад, чтобы передал ”мятежникам” требование о сдаче.¹¹⁴

О находившихся у левых эсеров заложниках, в том числе и о Дзержинском, большевики в этот момент не думали, даже пошли на расстрел зданий прямой наводкой, хотя при этом был риск, что погибнет кто-нибудь из арестованных большевиков.¹¹⁵ Но никто из большевиков не погиб, и даже не был ранен. Дзержинский вышел сухим из воды. Несколькими часами позже он докладывал об артобстреле на ”импровизированном заседании Совнаркома”:

”...Вдруг раздался страшный грохот и треск. Дом зашатался. На нас посыпалась штукатурка с потолка и карнизов, разбились стекла, дверь отворилась и повисла. Мы вскочили. По нашему дому трахнул артиллерийский снаряд. Суматоха началась отчаянная. Все повскакали и кричали, ничего не соображая. Кто хватался за ружье, кто бросал его; все метались, били рамы, выпрыгивали из окон. Я вышел в соседнюю комнату и подумал: ”Надо сейчас уходить”. Мы вошли в комнату, где не было полстены; через эту пробойну мы выскочили на улицу, замешались в толпе и быстро скрылись, вскоре достигнув расположения наших войск”.¹¹⁶

Через 15—20 минут после начала артиллерийского обстрела Дзержинский уже находился среди артиллеристов латышского дивизиона. Жертв было мало. Латыши потеряли одного убитым

и троих ранеными. В отряде Попова в результате артобстрела было убито 14 человек и ранено 40. И эти ничтожные потери вновь указывали на то, что большевики подавили "восстание", которого не было.¹¹⁷

7 июля, независимо от участия в "восстании", левые эсеры арестовывались во всем городе на основании приказа специально созданной для разгрома ПЛСР Чрезвычайной пятерки, в которую, вероятно, входили Ленин, Троцкий, Свердлов, Подвойский и Муралов. В войска рассылались политические комиссары из числа большевиков, образовывались революционные комитеты. В полдень 7 июля все было кончено: Вацетис по телефону известил Ленина о том, что левые эсеры разбиты и бегут к Курскому вокзалу. Вацетис был награжден за свои старания: Троцкий вручил ему пакет с деньгами. И поблагодарил двусмысленно: "Вы разгромили одну из самых больших политических комбинаций и не знаете, кого вы громили".

Примерно в час дня 7 июля Ленин отдал первые распоряжения об арестах разбегавшихся левых эсеров. Ленин требовал

"обратить особое внимание на район Курского вокзала, а затем на все прочие вокзалы,.. организовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих. Арестованных не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения в непричастности к мятежу".

А Бонч-Бруевич вспоминал позднее, что все "лучшие силы ВЧК были направлены не обыски всех квартир, где только можно было предположить, что эсеры могли ночевать".¹¹⁸

К двум часам дня все очаги сопротивления отступавших левых эсеров были подавлены. Победители-латыши собрались около помещения ВЧК. Туда же приехал Ленин. А еще через час стало известно, что планы Ленина по преследованию разбегавшихся "мятежников" провалились, так как "войска нашли в складах ВЧК большие запасы продовольствия, которое разобрали, и отправились по домам".¹¹⁹

В 4 часа дня Совнарком объявил населению, что

"восстание левых эсеров в Москве ликвидировано. Левозсеровские отряды... обратились в ...бегство. Отдано распоряжение об аресте и разоружении всех

левоэсеровских отрядов, и прежде всего об аресте всех членов Центрального Комитета партии левых эсеров".¹²²

Общее число арестованных достигло в Москве 444 человек.¹²³ Когда вечером 7 июля Мальков доложил Ленину о результатах операции по преследованию левых эсеров, Ленин, по словам Малькова, выслушал доклад внимательно, но как-то спокойно, без особого интереса. "Было очевидно, что для него левоэсеровский мятеж уже прошлое".¹²⁴

7 июля приказом члена президиума Моссовета Фельдмана всех левых эсеров, занимавших ответственные посты, сместили и заменили большевиками.¹²⁵ В тот же день СНК образовал особую следственную комиссию в составе наркома юстиции П.И. Стучки, члена ВЦИК и члена следственного отдела Ревтрибунала при ВЦИК В.Э. Кингисеппа и председателя Казанского Совета и делегата Пятого съезда Я.С. Шейнкмана.¹²⁶ Следователем комиссии назначалась Розмирович.¹²⁷ В комиссию поступали все документы и материалы, относившиеся к событиям 6–7 июля, а также сведения об арестах. Освобождение арестованных производилось лишь с ведома комиссии.¹²⁸ Отдельная комиссия была создана приказом Троцкого для "расследования поведения частей московского гарнизона".¹²⁹

В пригородах Москвы и городах Московской губернии Ленин приказал задерживать "всех подозрительных, устанавливая в каждом отдельном случае принадлежность или непринадлежность к мятежникам", а о всех арестованных сообщать в ВЧК¹³⁰ — ту самую, которую только что расформировали по приказу Ленина–Троцкого. Кроме того, еще в ночь на 7 июля Ленин дал указание "о проведении мероприятий по предотвращению выступлений в войсках в поддержку мятежа".¹³¹ Так, в телеграмме, посланной в час ночи 7 июля в Царицын Сталину, Ленин писал:

"Левые эсеры... начали восстание против нас. Мы ликвидировали [его] сегодня же ночью беспощадно... У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов... Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще".¹³²

Через два часа Сталин ответил: "...Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески".¹³³ Как пишет А. Авторханов,

"у Сталина не только не дрогнула рука, но, пользуясь полномочиями Ленина, он развернул такую вакханалию террора в Царицыне, что похоронная команда чекистов не успевала закапывать жертвы расстрельной команды".¹³⁴

В те часы, когда писались и исполнялись большевистские карательные приказы, "изолированная" фракция ПЛСР на Съезде Советов послушно сидела под арестом в Большом театре во главе со своим лидером Марией Спиридоновой. Вскоре после своего ареста левые эсеры устроили совещание фракции. Выступавшая с речью Спиридонова заявила, что Мирбаха убили по постановлению ЦК ПЛСР и что необходимо принять декларацию по поводу убийства для оглашения ее на съезде. То, что события приняли серьезный для партии левых эсеров оборот, что никакой декларации на съезде ПЛСР оглашать уже не придется, что, наконец, начиная с этого дня, Спиридоновой суждено будет практически всю жизнь провести в советских тюрьмах и ссылках, незадачливому лидеру ПЛСР просто не приходило в голову. Декларацию, указывающую на то, что покушение было совершено по постановлению ЦК ПЛСР, фракция приняла без прений, большинством голосов: ничего более, как довериться своему ЦК, фракции не оставалось.

Нарочно или случайно, но арестованных даже не накормили.¹³⁵ Те сидели, голодные, и весь вечер пели революционные песни. Советский историк пишет:

"К двенадцати часам все устали и стали укладываться спать. Кто на диванах, кто в креслах, некоторые прямо на полу на коврах. В literной ложе на сдвинутых креслах разместилась Спиридонова. Долго спать не пришлось. Воспользовавшись тем, что еще вечером левые эсеры требовали ужина, их пригласили в верхнее фойе. Это было сделано преднамеренно, так как необходимо было изолировать левых эсеров от других делегатов съезда. После этого обратно никого не пустили [и ужина не

дали — Ю. Ф.]. Так левые эсеры оказались в залах фойе второго яруса. Они снова устроили митинг. Опять выступала Спиридонова... После выступления Спиридоновой левые эсеры занялись организационными вопросами. Они переизбрали бюро фракции, поскольку часть старого состава находилась в отряде Попова. Всех имевших оружие, а их оказалось более ста человек, разбили на десятки для несения дежурства. Покончив с делами, левые эсеры вновь стали укладываться спать. На новом месте не было ни диванов, ни кресел. Улеглись на полу, и только Спиридонову устроили на прилавке, за которым раньше продавали лимонад. Член ЦК Биценко затянула старую эсеровскую песню... Но никто не поддерживал ее...¹³⁶

В ту роковую для партии левых эсеров ночь актив ПЛСР мирно спал на полу Большого театра. Не многие из них догадывались, что когда они проснутся утром 7 июля, их партия, как политическая сила, перестанет существовать.

Вплоть до окончательного подавления "мятежа" в Москве фракция левых эсеров находилась под арестом в Большом театре. Когда утром 7 июля в театр прибыл Троцкий, левые эсеры потребовали своего немедленного освобождения и прекращения огня с обеих сторон. Спиридонова обвинила большевиков в насилии. Ее поддержал Колегаев, заявивший, что правящая партия большевиков нарушила конституционные права. Троцкий ответил:

"Какие вообще могут быть речи о конституционных правах, когда идет вооруженная борьба за власть! Здесь один закон действует — закон войны. Задержанные вовсе не являются сейчас фракцией Пятого съезда Советов или ВЦИКа, а членами партии, поднявшей мятеж против советской власти, а стало быть и закон, по которому мы сейчас действуем, есть закон усмирения мятежа".¹³⁷

Беседа не дала результатов. Нужно было как-то убить время, и арестованные устроили концерт самодеятельности. Кое-как прошел день. Наступила вторая ночь ареста, в которую

левым эсерам снова не дали поспать спокойно. Будущих узников приучали к режиму тюрем. В эту ночь (на 8 июля) началась регистрация арестованных, причем у всех забрали оружие. Спиридонову подвергли обыску и револьвер забрали насильно. Но и этого было мало. Важно было, чтобы арестованный актив ПЛСР совершил политическое самоубийство. С этой целью 8 июля Ленин и Свердлов подписали постановление ЦК РКП (б) с требованием "произвести в течение ночи с 8 на 9 июля выяснение отношения делегатов Пятого съезда л[евых] эсеров к авантюре". Все материалы должны были быть переданы в следственную комиссию. За заполнением этой анкеты — "Вопросы особой следственной комиссии" — левые эсеры провели третью ночь своего заточения. Историк Спиринов насчитал в архиве 173 такие анкеты. Примерно 40% делегатов, по его сведениям, осудили убийство Мирбаха; половина дала уклончивый, неопределенный ответ, а остальные отказались отвечать. Подавляющее большинство арестованных делегатов высказалось против войны с Германией, считая, что советская Россия к этой войне еще не готова.¹³⁸

Поскольку в Большом театре 9 июля намечалось возобновление работы съезда, левых эсеров решили поместить в Малый театр. Лишенные права участвовать в работе съезда, исключенные из правительства, частью арестованные и политически уничтоженные, левые эсеры уже не представляли из себя для большевиков какой-либо опасности. Цель была достигнута. 9 июля Троцкий объявил о том, что партия левых эсеров "совершила окончательное политическое самоубийство" и "уже не может воскреснуть".¹³⁹ В тот же день Съезд Советов, на котором остались фактически одни большевики, потребовал "суровой кары для преступников" и заявил, что левым эсерам "не может быть места в Советах".¹⁴⁰ Все это позволило Свердлову уже 10 июля заверить большевистских делегатов Пятого съезда, что большинство арестованных левых эсеров, делегатов съезда, "завтра, самое позднее послезавтра будут освобождены, как явно непричастные к выступлениям". О непричастности ПЛСР Свердлов готов был теперь заявить открыто. Но вот возвращать левым эсерам власть он не торопился:

”Что касается предоставления мест в ЦИК, то мы... таковые места оставим за теми товарищами левыми эсерами, которые подадут заявления о своей солидарности с действиями Центрального Комитета левозерской партии”.¹⁴¹

Свердлов, таким образом, пытался расколоть ослабевшую ПЛСР на две части. Это удалось сделать достаточно быстро. 15 июля на заседании ВЦИК Свердлов вновь коснулся этого вопроса и указал, что ”целый ряд организаций сделал соответствующие заявления”.¹⁴²

18 июля Московский областной Совет исключил из своего состава всех левых эсеров (их было десять человек), членов Исполкома, отказавшихся осудить свой ЦК. По аналогичным причинам исключения подверглись эсеры Московского городского, районных, уездных и губернских Советов. К концу июля партия левых эсеров потеряла все свои позиции в управлении страной.¹⁴³ Казалось, потеря столь большого числа советских функционеров должна была расстроить большевиков и ослабить структуру управления. Но нет, по свидетельству Троцкого,

”левозерсовский мятеж лишил нас политического попутчика и союзника, но в последнем счете не ослабил, а укрепил нас. Партия наша сгрудилась плотнее. В учреждениях, в армии поднялось значение коммунистических ячеек. Линия правительства стала тверже”.¹⁴⁴

Короче — дали знать себя все плюсы однопартийной диктатуры (о минусах тогда большевики не догадывались). Они успешно реализовали ”заем”, взятый у левых эсеров, и теперь отстранили их от власти.

Из большевиков под подозрением своих же собственных сопартийцев оставался только Дзержинский. 7 июля он попал под обстрел большевистских орудий не только в прямом смысле, но и в переносном. Ни арест его левыми эсерами, ни последующее освобождение не снимали с повестки дня вопроса о причастности Дзержинского к убийству германского посла. Показания Дзержинского о его связях с германским посольством были весьма сумбурны, с заметными недоговоренностями, а оправдательные аргументы — сомнительны.¹⁴⁵ Дзержинский, например, утверждал,

что осведомители германского посольства Гинч и Бендерская были провокаторами, но замалчивал, что информация их была достоверной, и не уточнял, на кого эти "провокаторы" работали, в чьих интересах действовали. Между тем очевидно, что Гинч и Бендерская не работали на большевиков или ВЧК. По делу об убийстве Мирбаха они к суду не привлекались, а следовательно, вряд ли работали на левых эсеров. Они, безусловно, работали на немцев. Но поскольку по договоренности с германским посольством ВЧК не могло арестовывать осведомителей Мирбаха, Бендерскую и Гинча арестовали лишь 6 июля, вскоре после убийства германского посла,¹⁴⁶ когда, судя по всему, большевики уже не боялись действовать вопреки интересам германского посольства и Германии. Материалы дознания осведомителей, если они и имелись, опубликованы чекистами не были, а сами Гинч и Бендерская в тот же день навсегда исчезли из поля зрения и немцев, и большевиков.

Подозрения "большевистской общественности", павшие на Дзержинского, заставили Ленина, Троцкого и Свердлова, во избежание невыгодных разоблачений, снять Дзержинского с поста председателя ВЧК. Вопрос об этом рассматривался на специальном заседании ЦК РКП (б). 7 июля Дзержинский подал официальное заявление об освобождении его от должности. Он писал:

"Ввиду того, что я являюсь, несомненно, одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха, я не считаю для себя возможным оставаться больше во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии... в качестве ее председателя, равно как и вообще принимать какое-либо участие в Комиссии. Я прошу Совет народных комиссаров освободить меня от работы в Комиссии".¹⁴⁷

Как указывает Бонч-Бруевич, постановление о снятии Дзержинского "было напечатано не только в газетах, но и расклеено всюду по городу".¹⁴⁸ Сделано это было демонстративно, по "внешним" причинам. В постановлении говорилось:

"Ввиду заявления тов. Дзержинского о необходимости для него, как одного из главных свидетелей по делу об

убийстве... Мирбаха, отстраниться от руководства работой Чрезвычайной Комиссии, ... Совет народных комиссаров назначает временным председателем названной Комиссии тов. Петерса. Коллегия Чрезвычайной Комиссии объявляется упраздненной. Тов. Петерсу поручается в недельный срок представить... доклад о личном составе работников Чрезвычайной Комиссии на предмет устранения всех тех ее членов, которые прямо или косвенно были прикосновенны к провокационно-азефской деятельности члена партии "левых социалистов-революционеров" Блюмкина".¹⁴⁹

На практике это означало лишь то, что служащие в ВЧК левые эсеры подлежали увольнению или аресту. Но публичное устранение из ВЧК Дзержинского было фикцией. Шесть лет спустя Петерс признался:

"Хотя формально Дзержинский был устранен как председатель ВЧК, фактически он оставался руководителем ВЧК, и коллегия была сформирована при его непосредственном участии".¹⁵⁰

Ленин же, на время пожертвовавший официальным постом Дзержинского, извлек из этого выгоду — ВЧК была очищена от меньшевистских элементов.

14 июля ВЧК сообщила о расстреле В. А. Александровича. Его арестовали днем 7 июля "при попытке сесть в автомобиль и удрать".¹⁵¹ Петерс вспоминает:

"...Его... привели в ВЧК. Александрович был сильно взволнован. Я долго говорил с ним наедине, и он не находил слов для оправдания своего поведения... Его оправдания сводились к тому, что он беспрекословно только подчинялся партийной дисциплине... но у меня создалось впечатление, что он говорил искренно, что он был образцовым по дисциплине членом партии эсеров, и его ошибка в том, что он подчинился дисциплине этой партии... Он плакал, долго плакал, и мне стало тяжело, быть может потому, что он из всех левых эсеров оставил наилучшее впечатление. Я от него ушел".

Со свидетельством Петерса частично совпадает версия советской официальной историографии, согласно которой Александров-

вич сказал, что отданные им приказы, в частности об аресте Лациса и Петерса, основывались на указаниях ЦК ПЛСР. На остальные вопросы Александрович отвечать отказался.¹⁵² В ночь на 8 июля он был застрелен лично Дзержинским,¹⁵³ причём Соломон утверждает, что Александровича расстреляли "для удовлетворения требований немцев",¹⁵⁴ т.е. он стал именно тем членом ЦК ПЛСР, которого принесли в "искупительную жертву" за Мирбаха. Но к самому убийству Мирбаха Александрович, конечно же, никакого отношения не имел. Это достаточно определенно следует из данных самим же Дзержинским показаний:

"Александрович был введен в Комиссию в декабре месяце [1917 г.] ... в качестве тов. председателя... Права его были такие же, как и мои, имел право подписывать все бумаги и делать распоряжения вместо меня. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство".¹⁵⁵

Дзержинский здесь, конечно же, разбивал большевиками же созданный миф. То, что под удостоверением Блюмкина и Андреева оказались подписи Дзержинского и Ксенофонтова (будь они настоящие или поддельные), а не Александровича, имевшего равные с Дзержинским права, еще раз подтверждает, что ЦК ПЛСР покушения на Мирбаха не организовывал и сам Александрович к убийству причастен не был. В противном случае Блюмкину было бы легче получить настоящую подпись Александровича, а не "поддельную" Дзержинского.¹⁵⁶ "Он был революционер, и мне рассказывали, что он умер мужественно". Эту фразу, звучащую более чем цинично, Троцкий проронил на съезде 9 июля. "Дифирамбы" расстрелянному Александровичу на этом не кончились. Их продолжал петь тот, кто и засвидетельствовал мужественное поведение Александровича во время расстрела — Дзержинский:

"Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в Комиссии, и всегда почти он соглашался со мною, и никакого двуличия не замечал. Это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я... не

поручил бы ему расследовать жалобы, которые поступали иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникли сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу примириться с мыслью, что это сознательный предатель, хотя все факты налицо и не может быть после всего двух мнений о нем”.¹⁵⁷

Короче, коварный Александрович обманул доверчивого Дзержинского. И за все это доверчивый Дзержинский коварного Александровича застрелил. Только кто же поверит в наивность Дзержинского?

Вообще, в манере для себя непривычной, большевики неоднократно подчеркивали свою полную растерянность перед происшедшим. Ленин писал: “Чтобы дело могло дойти до восстания или до таких фактов, как измена главнокомандующего Муравьева, левого эсера, этого я, признаться, никак не ожидал”.¹⁵⁸ Не ожидал. Но за эсеровскими отрядами следил давно, а 7 июля просил передать по прямому проводу в Казань приказ “установить тройной контроль над Муравьевым”. Председателю РВС Восточного фронта П.А.Кобозеву и членам РВС фронта К.А.Мехоношину и Г.И.Благодарову предписывалось попеременно дежурить при Муравьеве, не оставляя его одного “ни на миг”. “Телеграфируйте мне сейчас же, — продолжал Ленин, — можете ли вы гарантировать, что Муравьев не пойдет на эту глупую авантюру, а также, что вы в точности исполните предписание о строжайшем контроле”.¹⁵⁹

Отвечая Ленину, Мехоношин “сообщил об отказе М.А.Муравьева от звания члена партии левых эсеров, поскольку эта партия пошла против советской власти”.¹⁶⁰ Но “доверчивому” Ленину и этого казалось мало: “Запротоколируйте заявление Муравьева о его выходе из партии левых эсеров, — настаивал он, — продолжайте бдительный контроль”.¹⁶¹

Заявление Дзержинского об Александровиче и Ленина о неожиданности левоэсеровского “восстания” не были случайными. Дзержинский так и свел всю свою причастность к убийству германского посла к чрезмерной доверчивости. Но заподозрить Дзержинского в доверчивости к людям — значит усомниться в его

компетентности как председателя ВЧК. И зачем же было так торопиться с расстрелом Александровича, могшего дать полезный и крайне необходимый большевикам материал о подготовке ЦК ПЛСР убийства Мирбаха и восстания против советской власти? Да ведь именно для того, чтобы свалить на него вину.

В целом, однако, Ленин мог остаться собой доволен. Все улеглось быстро и без осложнений. Никому, конечно же, не пришло в голову подозревать Ленина в запланированном разгроме союзной советской партии. Все улеглось, и все-таки, впервые со времени революции по личному приказу Ленина артиллерийским огнем прямой наводкой расстреливались партийные друзья большевиков, преданные революции левые эсеры. И это — по задуманному Лениным плану. Пока громили левых эсеров, Ленин был жесток, циничен и хладнокровен. Но уже после разгрома, вечером 7 июля, как однажды вечером другого дня Родион Раскольников, он вернулся в дом, где совершилось убийство. Вместе с Крупской, единственной свидетельницей столь странного для Ленина поступка, он ходил по комнатам разрушенного дома в Трехсвятительском переулке, дробя подошвами своих ботинок куски лежавшей на полу обвалившейся штукатурки и разбитого стекла. Он молча думал. И поняв, что добился того, чего так страстно желал — однопартийной диктатуры под своим диктаторством, — ощутил значение и последствия своей победы и потерял самообладание. Он недолго оставался таким. Циничное спокойствие вернулось к нему, и он попросил увезти его обратно в Кремль.¹⁶²

10 июля особая следственная комиссия приступила к расследованию террористического акта и "восстания" левых эсеров. Комиссия, однако, убийц Мирбаха найти не пыталась. Об Андрееве все странным образом вообще забыли. В постановлении Пятого съезда Советов, принятом 9 июля по докладу Троцкого "Об убийстве Мирбаха и вооруженном восстании левых эсеров", упоминался только Яков Блюмкин, так и не арестованный. По этому поводу

"с германской стороны неоднократно предъявлялись протесты против того, что убийство графа Мирбаха не было искуплено соответствующими карами виновников

и конспираторов преступления, причем убийцы до сих пор не были задержаны”.¹⁶³

За неимением убийц Мирбаха, особая следственная комиссия допрашивала участников ”восстания” — левых эсеров и бойцов отряда Попова. Все они отрицали факт ”восстания” и намерение свергнуть советскую власть.¹⁶⁴ Всего особая следственная комиссия допросила около 650 человек, но ее выводы полностью разошлись с заявлениями Ленина и Троцкого о ”восстании против советской власти”. ЦК ПЛСР, кроме того, отказался принять на себя ответственность за военные действия, происходившие в Москве 6—7 июля, и член следственной комиссии Шейнкман вынужден был это открыто признать во ВЦИК 15 июля: ”Мне удалось убедиться в том, что они [левые эсеры] утверждают, что ЦК партии левых с.-р. не руководил этими военными действиями”.¹⁶⁵

Из показаний членов отряда Попова со всей очевидностью следовала абсурдность большевистских обвинений в восстании. Так, Матвей Тайнилайнен показал, что в отряд Попова поступил 25 июня, до этого находился в Красной гвардии в Финляндии, ни о каком ”восстании” ничего не знал, после расстрела из пушек особняка Морозова отступил вместе с остатками отряда, затем добровольно сдался. Иван Овечкин, 20-летний матрос Черноморского флота, заявил, что считает себя большевиком и против советской власти не шел. Степан Куркин, находившийся в отряде с утра 6 июля, сообщил, что в 6—7 часов поставили его в тот день дежурить у пулемета. Никто ему ничего не объяснял. ”Никаких приказов не давали. По отряду ходили слухи, что убит посол Мирбах и что немцы двигаются к... отряду разоружать...”¹⁶⁶ Поскольку в плен к левым эсерам еще 6 июля попали несколько человек из германо-австро-венгерского интернационального отряда Белы Куна,¹⁶⁷ такой аргумент казался вполне правдоподобным.

Выслушав аналогичные признания сотен участников ”восстания”, члены комиссии подтвердили их невиновность. Член комиссии Кингисепп писал по этому поводу:

”Значительная часть вооруженных сил Трехсвятительского Пьемонта¹⁶⁸ находилась в полном неведении и

непонимании происходящего даже 7 июля, когда среди них разрывались снаряды. Все финны в составе более двух рот так и были убеждены, что они защищаются против австро-германцев, которые, облачившись в красноармейские мундиры, восстали для свержения советской власти”.¹⁶⁹

Если к подобным выводам приходили сами большевики, что же оставалось думать левым эсерам. Выступавший от их имени 15 июля на заседании ВЦИК Свердлов был в полной растерянности и недоумении. Он указал и на безосновательность обвинений ПЛСР в попытке свержения советской власти и поставил под сомнение причастность партии, как целого, к убийству Мирбаха:

”В данный момент мы не имеем еще оглашенных ни в печати, ни с данной трибуны следственных материалов по данному вопросу, а более спокойная оценка того, что произошло, побуждает нас откинуть квалификацию действий [ЦК ПЛСР] ... как попытку захвата или свержения советской власти. Здесь совершенно определено был террористический акт... Попытки захвата власти или свержения советской власти не было... Я думаю, что следственная комиссия выяснит эти обстоятельства несомненно, целиком...”¹⁷⁰

Следственная комиссия, фактически, именно это и выяснила. Но таких результатов расследования больше всего боялся Ленин. Поэтому комиссию, только что начавшую свою работу, спешно распустили. Стучку в начале сентября послали в Берлин. Шейнкману приказали вернуться в Казань (где 8 августа он был расстрелян освободившими город белыми).¹⁷¹ 13 сентября коллегия наркомата юстиции вынесла специальное постановление о передаче дела в следственную комиссию Революционного трибунала при ВЦИК. И дальнейшее ведение какого-либо расследования просто прекратилось, хотя главный свидетель преступления, его исполнитель — Блюмкин, еще не был заслушан. Свои показания об июльских событиях он дал только в апреле—мае 1919 г. На вопрос о восстании левых эсеров Блюмкин ответил:

”Остается еще невыясненным вопрос о том, действительно ли 6 июля было восстанием. Мне смешно и больно ставить

себе этот вопрос. Я знаю только одно, что ни я, ни Андреев ни в коем случае не согласились бы совершить убийство германского посла в качестве повстанческого сигнала. Обманул ли нас ЦК и за нашей спиной произвел попытку восстания? Я ставлю и этот вопрос, ясный для меня, чтобы остаться честным до конца. Мне доверяли в партии, я был близок к ЦК и знаю, что подобного действия он не мог совершить. Партию... всегда занимала мысль о том, что необходимо во что бы то ни стало объединиться с коммунистами. Все сознательные работники и такие члены партии, как М.А. Спиридонова, тогда искали этого объединения, и если не нашли его, то не по своей вине. В Трехсвятительском пер. 6-го и 7-го, по-моему, осуществлялась только самооборона революционеров. Да и ее не было бы, если бы ЦК согласился меня выдать власти. Вот в этом я вижу его огромную историческую ошибку... Восстания не было... Убийство Мирбаха завершилось совершенно неожиданными политическими последствиями. Из акта протеста против вожделений германского империализма, из акта революционной самозащиты Советской России убийство Мирбаха было превращено в акт партийной вражды левых с.-р. с коммунистами и в действие, враждебное советской власти. Мало того, этот акт был истолкован советской властью как сигнал к восстанию левых с.-р. против нее. Вместо выступления против германского империализма он был превращен в вооруженное столкновение двух советских партий... Выступление... отряда произошло потому, что представители власти, узнав о том, что я после совершения убийства укрылся в этом отряде, потребовали у него выдачи меня...»¹⁷²

Но показания Блюмкина ничего не меняли уже, и значит — не были большевикам опасны. 6 июля началось стремительное падение партии левых эсеров. И уже никогда она не могла достичь той высоты, на которой стояла до июльских событий. Если на Пятом съезде Советов ПЛСР располагала более 30% всех

мандатов, то на Шестом, состоявшемся всего лишь через четыре месяца, левые эсеры владели лишь одним процентом голосов, 98% депутатских мест принадлежало теперь большевикам.¹⁷³ Но мало этого, члены левозсеровской партии не винили в июльских событиях никого, кроме себя и своего ЦК; комплекс того, что большевики были преданы ими в критический для коммунистической революции момент, не покидал многих левозсеровских лидеров,¹⁷⁴ а низы партии, критикуя свой ЦК,¹⁷⁵ встали на позиции большевизма.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ДЕВЯТОЙ

1. См.: К. Bothmer. Mit Graf Mirbach in Moskau. Tübingen, 1922, S. 73.
2. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, дополненное. Москва, 1969, стр. 299.
3. См.: Ф. Э. Дзержинский. Избранные статьи и речи. Москва, 1947, стр. 112, примечание редакции.
4. Л. Троцкий. О Ленине. Материалы для биографа. Москва, 1924, стр. 117. К этому времени стало известно уже, что Чичерин ошибся и Мирбах еще жив, хотя положение его критическое.
5. Ф. Э. Дзержинский. Избранные статьи и речи, стр. 112, примечание.
6. Красная книга ВЧК. Машинописная копия, хранящаяся в Гарвардском университете, стр. 322.
7. Троцкий. О Ленине, стр. 118.
8. Там же.
9. Mitleid и Weileid – близкие по смыслу слова. Но первое скорее переводится как "симпатия", а второе как "соболезнование".
10. Троцкий. О Ленине, стр. 118–119.
11. К. Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр. 362.
12. П. Мальков. Записки коменданта Кремля. Москва, 1967, стр. 208, 209. В боевую готовность были приведены 925 стрелков 9-го латышского полка, после чего в кабинете Малькова и под его руководством (согласно мемуарам Малькова) в присутствии командиров полка был составлен план усиленной обороны Кремля. С планом, который, кажется, был довольно прост, ознакомился Ленин. У всех четырех ворот Кремля выставили взводные посты; три роты с пулеметами поставили на кремлевские стены, две – оставили в резерве. (См.: Л. М. Спирин. Крах одной авантюры. (Мятеж левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г.). Москва, 1971, стр. 40. – Б. А. Томан. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красноармейцы в первый год советской власти. Москва, 1976, стр. 180.
13. "Записки института Ленина". Т. 3. Москва, 1928, стр. 42. – В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958–1965. т. 50, стр. 112–113.
14. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 308.
15. Сообщение телефонистки Борисовой. Опубл. в кн.: Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 308.
16. Даже позже к обширной инструкции районным Советам Москвы о разгроме ПЛСР была сделана приписка: "Настоящее объявление не подлежит пока опубликованию, а предназначается исключительно для внутреннего употребления". (См.: Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 279).

17. Вот что вспоминает Вацетис: "...Около 5 часов пополудни... к подъезду подъехал автомобиль, оттуда выскочил адъютант Муралова и, вбежав к нам в комнату, потребовал, чтобы я немедленно ехал с ним к начальнику гарнизона... Мы подъехали к зданию бывшего Александровского военного училища и остановились у подъезда Высшего военного трибунала. Видно было, что меня ждут, так как пропуска были везде заготовлены и часовые предупреждены. Везде стояла усиленная охрана. Меня ввели в большую квартиру, занимаемую комендантом города Москвы. В одной комнате за столом, подальше от окна, сидели Муралов и Подвойский. На столе был разложен план города Москвы, который оба они внимательно рассматривали... Подвойский познакомил меня с создавшейся обстановкой и сказал, что надо разбить левых эсеров ночной атакой, чтобы к 4-м часам утра все было ликвидировано. ...Причем он указал, что начало атаки назначается на два часа ночи и что в этой ночной атаке должны проявить себя латышские стрелки". (И. И. Вацетис. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. Сб. "Память", т. 2. Москва 1977—Париж 1979, стр.17—18). См. также Красную книгу ВЧК. Гарвардская копия, стр. 280.
18. Цит. по кн.: Спириин. Крах одной авантюры, стр. 14.
19. Эту зачеркнутую строчку советские историки тщательно скрывают. О ней есть указание лишь в одном издании работ Ленина: "Записках института Ленина", т. 3, стр. 42.
20. Удостоверение гласило: "Всероссийская Чрезвычайная Комиссия уполномочивает ее члена Якова Бломкина и представителя Революционного Трибунала Николая Андреева войти в переговоры с господином германским послом в Российской Республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу. Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: Ф. Дзержинский. Секретарь: Ксенофонтов". (Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 211).
21. Интересно, что самому Ксенофонтову для установления подлога своей подписи понадобилось более трех недель. Только 31 июля он заявил, что "подпись секретаря на сем удостоверении подложна: я такого удостоверения не подписывал". (Там же, стр. 212).
22. Цит. по кн.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917—1921 гг. Сборник документов. Москва, 1958, стр. 155.
23. См.: Gustav Hilger, Alfred G. Meyer. The Incompatibles Allies. A Memoir-History of Soviet German Relations 1918—1941. New York, 1953, p. 6.
24. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 303—304.
25. См.: Хильгер, Мейер, указ. соч., стр. 7.
26. См.: Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 323.
27. См.: С. Г. Тихомолов. Восемь лет с Дзержинским. В кн.: О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. Воспоминания, статьи, очерки современников. Москва, 1977, стр. 139.

28. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр.309. Отточие документа.
29. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.323.
30. Спирин. Крах одной авантюры, стр.15.
31. "Известия ВЦИК", 8 июля 1918.
32. См. там же, 14 июля 1918.
33. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.309–310.
34. Р. Локкарт. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, стр.288.
35. Мальков, указ. соч., стр.216.
36. См.: Joel Carmichel. Trotsky. An Appreciation of his Life. New York, 1975, стр.498.
37. См.: Советская историческая энциклопедия. Т.13. Москва, 1971, стр.751, статья "Спиридонова".
38. Л. Троцкий. Сочинения. Москва, 1923–1927, т.17, часть 1, стр.467–468.
39. Свердлов, указ. соч., стр.361.
40. Я. Петерс. Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции. "Былое", № 2, 1933 (Париж), стр.107–108.
41. Свердлов, указ. соч., стр.361–362. Курсив мой.
42. См.: К. Гусев. Крах партии левых эсеров. Москва, 1971, стр.207.
43. Дзержинский. Избранные статьи и речи, стр.113.
44. См.: Louis Fisher. The Soviet in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917–1929. V.1, Princeton, 1951, p.122.
45. Ф.Э. Дзержинский. Избранные произведения в двух томах. Москва, т.1, 1957, стр.268–269; там же, 2-е изд., 1967, стр.264–265.
46. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.227.
47. Там же.
48. Красная книга ВЧК. Машинописная копия, хранящаяся в Гуверовском институте, стр.376.
49. См.: В. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров. (По личным воспоминаниям). Москва, 1927, стр.27. По свидетельству Бонч-Бруевича, Ленину обо всем было доложено именно в седьмом часу вечера. (См. там же).
50. Дзержинский. Избранные статьи и речи, стр.116.
51. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.324.
52. См. там же, стр.227–228.
53. Там же, стр.310–311.
54. Там же, стр.255–256.
55. Там же, стр.325.
56. "Известия ВЦИК", 8 июля 1918.
57. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.315.
58. Там же.
59. Вацетис, указ. соч., стр.27–28.

60. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.326.
61. См., например, W.H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917–1921. V.2, New York, 1957, p.56.
62. Томан, указ. соч., стр.179.
63. С. Далинский. В сб. "Память", № 2, стр. 79.
64. Socialist Russia. The Events of July 1918. Geneva, 1918.
65. Свердлов от имени ЦИК вечером 6 июля приказал Моссовету созвать пленарное заседание и образовать Чрезвычайную пятерку "для организации борьбы с мятежом левых эсеров". (МЧК. Из истории Московской Чрезвычайной Комиссии, 1918–1921. Сборник документов. Москва, 1978, стр.59). В ночь на 7 июля Чрезвычайная пятерка приказала районным Советам "немедленно созвать всех вооруженных членов коммунистической партии и других честных сторонников советской власти и организовать из них вооруженные отряды. На всей территории районов расставить патрули и обезоружить всех подозрительных и сомнительных лиц. На территории района произвести аресты комитетов левых эсеров и отдельных руководителей этой партии, а также, в зависимости от обстоятельств, арестовать руководящую группу сочувствующих восстанию левых эсеров партий. Принять все меры к организации утром массовых митингов для мобилизации рабочих сил и разъяснения населению смысла происходящих событий. Об исполнении всего этого немедленно доводить до сведения президиума Московского Совета". (Цит. по сб.: Упрочение советской власти в Москве и Московской губернии. Москва, 1958, стр.135).
66. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.326.
67. Свердлова, указ. соч., стр.360.
68. См.: Спиричь. Крах одной авантюры, стр.48.
69. Ленин распорядился еще и о том, чтобы Николаев срочно связался с Ходынской радиостанцией и передал от имени Совнаркома циркулярное распоряжение по всем радиостанциям, что центральный телеграф захватили бандиты и что поэтому необходимо "считать все телефонные распоряжения с такого-то часа провокационными". (А. М. Николаев. Ленин и радио. Москва, 1934, стр.33).
70. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.326. Из показаний Саблина.
71. Петерс, указ. соч., стр.107, 108.
72. См.: Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.306. Из показаний Дзержинского.
73. Там же, стр.256, 260.
74. Там же, стр.311.
75. Вацетис, указ. соч., стр.19.
76. См.: Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.329.
77. См.: А. Хацкевич. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Изд. 3-е, Минск, 1970, стр.249.

78. См., например, Спирин. Крах одной авантюры, стр.61.
79. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.329, 327.
80. См.: И.И. Минц. Год 1918-й. Москва, 1982, стр.409.
81. См.: Красная книга ВЧК. Т. 1, под ред. П. Макинциана, Москва, 1921, стр.211.
82. Цит. по кн.: Хацкевич, указ. соч., стр.251.
83. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.329.
84. Вацетис, указ. соч., стр.19.
85. Подробный перечень частей латышской дивизии, находившихся в Москве в момент убийства Мирбаха, приводит в своей книге Томан. (См.: Томан, указ. соч., стр.179): Гарнизон Кремля, 9-й полк – 671 штык, 26 пулеметов, 925 стрелков; 1-й полк, расположенный в районе Царицынских улиц и Девичьего поля – 154 штыка, 33 сабли, 48 пулеметов, 631 стрелок; 2-й полк, на Ходынке – 173 штыка, 6 пулеметов, 586 стрелков; 3-й полк, в Замоскворечье – 68 штыков, 46 сабель, 617 стрелков; 1-й легкий артиллерийский дивизион – 4 орудия, 112 солдат; батарея восьмидюймовых английских гаубиц – 5 орудий, два пулемета, 48 солдат; батальон связи – 2 пулемета, 216 стрелков; отдел снабжения – 263 стрелка; штаб дивизии – 23 стрелка; штаб 1-й бригады – 4 пулемета, 41 стрелок; под Москвой, в Павловской слободе – кавалерийский полк – 150 сабель, 2 пулемета, 358 стрелков; и в Люберцах – авиагруппа – 1 самолет и 85 стрелков. ("Стрелками" Томан, видимо, называет собственно латышские стрелковые подразделения, а "штыками" – обычных солдат).
86. См.: О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, стр.14.
87. К. Данишевский, С. Каменев. Воспоминания о Ленине. Москва, 1934, стр.13–14.
88. Отточие документа.
89. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр.310, 312. Подвойский с Мураловым этого вмешательства Ленину не простили. В конце своего обширного доклада о событиях 6–7 июля, представленного вскоре после разгрома ПЛСР, они указали, что "вполне объяснимая для нас нервность из Кремля, покоящаяся на желании самым быстрым путем подавить восстание, нервировала и нас и иногда выбивала нас из планомерной работы". (Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.288).
90. См.: Вацетис, указ. соч., стр.18, 20.
91. Переговоры о передаче Вацетису командования стрелками Подвойский и Муралов вели с Кремлем по телефону около получаса, удалившись в другую комнату. Наконец, они вернулись и сообщили Вацетису, что Ленин одобрил его просьбу, но с тем условием, что при Вацетисе будут постоянно находиться четыре комиссара: Подвойский, Муралов, К.Х. Данишевский и К.А. Петерсон. Но и после этого к

Вацетису относились с настороженностью. Троцкий в ту ночь, по словам Вацетиса, четырежды справлялся, не изменил ли Вацетис большевикам. Возможно, именно на недоверие к Вацетису намекал и Данишевский, когда писал в своих воспоминаниях, что "шли... недобрые слухи об отдельных командирах латышских стрелков". (К. Данишевский, С. Каменев. Воспоминания о Ленине, стр. 13–14).

92. Александр Васильевич Косматов (1879–1938), бывший полковник царской армии. С весны 1918 года – начальник штаба латышской стрелковой дивизии. В 1920-е и 1930-е годы – военком и начальник штаба ряда военных округов. В 1938 г. погиб в заключении. (См.: С. Далинский. Сб. "Память", № 2, стр. 78, сноска 23).
93. Вацетис, указ. соч., стр. 22.
94. См. там же, стр. 18.
95. Там же, стр. 27.
96. И.И. Вацетис. У Ленина в июльские дни 1918 года. В сб.: Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, стр. 194–195. Также опубл. в газ. "Неделя", 1962, № 7. Тексты этих отрывков существенно отличаются от текста, опубл. в сб. "Память", № 2.
97. Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, стр. 114.
98. Для разгрома левых эсеров использовались 1, 2, 3 и 9-й латышские полки, 1-я батарея 1-го латышского легкого артиллерийского дивизиона, Образцовый полк, 1-я батарея и рота инструкторских курсов, две батареи 1-й резервной бригады, 4 броневика и 70 красноармейцев-интернационалистов из отряда Белы Куна.
99. 1-й латышский стрелковый и Образцовый полки сосредоточились у храма Христа Спасителя (на месте теперешнего бассейна "Москва"); 2-й латышский стрелковый полк и рота курсантов – на Страстной площади (ныне площадь Пушкина); 3-й латышский стрелковый полк – на Таганке. На Арбатской площади сосредоточили полк коменданта Москвы Пече, а основные силы 9-го латышского стрелкового полка остались охранять Кремль. В резерве, кроме того, большевики имели инженерный батальон и батальон связи латышской дивизии, тяжелый артдивизион и некоторые надежные части Красной армии.
100. Вацетис, указ. соч., стр. 28.
101. "Неделя", 1962, № 7; Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, стр. 195–196.
102. Вацетис, указ. соч., стр. 28. См. также в кн.: О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии, стр. 146.
103. См.: Томан, указ. соч., стр. 182.
104. См.: Вацетис, указ. соч., стр. 29.
105. См.: Томан, указ. соч., стр. 183.
106. См.: Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, стр. 168.
107. Вацетис, указ. соч., стр. 32.

108. Томан, указ. соч., стр. 183.
109. И даже, "видя безнадежность своего положения", (Петерс, указ. соч., стр.108), произвели три, кажется, выстрела по Кремлю из пушки, не причинив, впрочем, никакого существенного ущерба. (См.: А.И. Спреслис. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. Рига, 1967, стр. 134).
110. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр.286. Косвенно отсутствие столкновений, а значит и жертв, подтверждает и советская историография, в том числе Томан, который указывает в другой своей книжке, что "мятежники в центре города не могли получить подкреплений и были изолированы. Теперь предстояло ликвидировать центр мятежа в Трехсвятительском переулке". (Революционные латышские стрелки (1917–1920) под ред. А.Дризула и Я.Крастыня, изд. Зинате, Рига, 1980, стр.104. Глава написана Томаном). Эта цитата из Томана еще раз подтверждает, что составленные были сосредоточены только в Трехсвятительском переулке и нигде больше. Об этом же впоследствии вспоминал и член ЦК ПЛСР Трутовский: никаких вариантов военных действий не существовало, отряд Попова так и не сдвинулся с места до самого разгрома, оборона занятых позиций свелась к отсиживанию в двух зданиях Трехсвятительского переулка, а сам Попов "с первых же выстрелов... заговорил об отступлении". (Цит. по кн.: Спирын. Крах одной авантюры, стр.61).
111. См.: Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 327.
112. Вацетис, указ. соч., стр. 38.
113. Цит. по кн.: Спирын. Крах одной авантюры, стр. 66.
114. Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 271–272.
115. Вероятно, во время продолжавшихся до 11.30 переговоров между большевиками и левыми эсерами в той или иной форме был поднят вопрос об освобождении арестованных большевиков. Возможно также, что левые эсеры потребовали в ответ освобождения арестованной фракции ПЛСР съезда или же гарантии неприкосновенности членов ЦК ПЛСР, сдавшихся в плен большевикам. Последние, скорее всего, ответили отказом и пошли на риск расстрела своих собственных сопартийцев.
116. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 317, 318.
117. См.: Томан, указ. соч., стр.183–184. Учитывая малочисленные жертвы, трудно поверить в правдивость воспоминаний Вацетиса в той их части, где описывается настоящий бой между стрелками и отрядом Попова. Вацетис был лицом заинтересованным. Ему важно было убедить потомков, что в июле 1918 г. советская власть стояла на краю гибели и что именно он, Вацетис, спас большевиков во время "восстания" левых эсеров, что это была не мелкая карательная акция, но блестящая военная победа.

118. Вацетис, указ. соч., стр.38. Впрочем, Ленин тяготился услугой, оказанной большевикам Вацетисом. Кто знает, быть может именно поэтому 31 августа 1918 г. он предложил Троцкому Вацетиса расстрелять. Но Вацетиса спасла... Фаня Каплан. В тот же день она стреляла в Ленина, ранила его, и вопрос о расстреле Вацетиса отпал сам по себе. Только в 1937 году Сталин привел в исполнение приговор Ленина – Вацетиса расстреляли.
119. Ленин. ПСС, т. 50, стр.114–115. Как писал Стучка, *"слишком быстрое бегство* дало части эсеров возможность спастись через еще не отрезанный выход". (Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, стр.114). См. также "Борьба классов", 1932, № 2–3, стр.24.
120. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 316.
121. Вацетис, указ. соч., стр. 36.
122. "Пролетарская революция", 1927, № 4 (63), стр.128. Сводными отрядами советских войск и рабочих дружин, участвовавших в преследовании разбежавшегося отряда Попова, руководил уполномоченный наркомата по военным делам Сучков. Однако многочисленные телеграммы Ленина с требованием задержать разбежавшихся поповцев (см.: "Ленинский сборник, XXXIV, стр.30; Ленин. ПСС, т. 50, стр. 115) повисли в воздухе. Лишь вечером 7 июля броневик бежавших нашли взорванным на 12-й версте Владимирского шоссе (см.: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). Москва, 1975, стр.88), а самих "восставших" окружили в 20 километрах от Москвы у Горенок, в имении Третьякова (в 19-ти верстах от города) и в имении Севрюгино, в 30 верстах от Москвы.
123. Согласно сообщению Московского окружного военного комиссариата от 11 июля 1918 г.
124. Мальков, указ. соч., стр. 211.
125. См.: Упрочение советской власти в Москве и Московской губернии. Москва, 1958, стр. 142.
126. См.: Декреты советской власти. Т. 2, Москва, 1959, стр. 536–537.
127. Для упрощения поимки левых эсеров, проживавших в Москве, президиум Моссовета вынес постановление, согласно которому хозяева квартир, где проживали левые эсеры, подлежали немедленному аресту и суду Ревтрибунала "наравне с участниками мятежа, в случае, если они... повинны в укрывательстве". Если же эсеры находились в домах без ведома домовых комитетов и домовладельцев, последние карались "за преступную небрежность тюремным заключением не ниже трех месяцев и денежным штрафом не ниже 10 000 рублей". Сведения о проживавших в Москве левых эсерах сообщались в Моссовет. (См.: "Правда", 9 июля 1918, № 140).
128. См.: Упрочение советской власти в Москве и Московской губернии, стр. 142.
129. См.: Вацетис, указ. соч., стр. 37.

130. См.: "Красный архив", 1940, № 101, стр.115. С помощью специально созданных отрядов аресты левых эсеров производились везде, где это только было возможно, причем, как правило, левые эсеры не оказывали никакого сопротивления. Так, в телеграмме председателя петроградской ЧК от 9 июля сообщалось, что "разоружение левых эсеров происходит без сопротивления". Впрочем, левые эсеры, собравшиеся в здании Пажеского корпуса, сначала отказались сдать-ся, но после того, как их обстреляли, – выбросили белый флаг. (См.: Гусев. Крах партии левых эсеров, стр.212). В Витебске комитет левых эсеров, в целом одобрявший действия ЦК своей партии, был арестован без какого-либо сопротивления. 14 июля аресты и конфискации оружия были произведены во Владимире. А в Жиздре (Калужской области) по прибытии отряда латышских стрелков левозэсеровский отряд беспрекословно сдал оружие и был распущен. (Там же). Аресты также производились в Туле, Воронеже, Вязьме и многих других городах.
131. Цит. по кн.: Ленин и ВЧК, стр. 84.
132. Опувл. в кн.: К.Е.Ворошилов. Сталин и Красная армия. Москва, 1929, стр. 39.
133. Опувл. в кн.: И.В.Сталин. Сочинения. Москва 1949–1951, т. 4, стр. 118.
134. А.Авторханов. Происхождение партократии. Т. 1, Франкфурт-на-Майне, 1973, стр. 508.
135. См.: Свердлов, указ. соч., стр. 364.
136. Спирин. Крах одной авантюры, стр. 51–52.
137. Там же, стр. 53.
138. Там же, стр. 54.
139. Цит. по кн.: Д. Кармайкл. Троцкий. Иерусалим, 1980, стр. 143.
140. Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда Советов. Москва, 1918, стр. 209.
141. Я.М.Свердлов. Избранные произведения. Т. 2, Москва, 1959, стр. 246.
142. См.: РСФСР. ВЦИК. Созыв V. Стенографический отчет. Москва, 1919, стр.57, 58, 61, 62. Большинство левых эсеров было освобождено из-под ареста только после принятия первой советской конституции. Лишь 13 человек посадили на гауптвахту в Кремль. Десятерых, однако, вскоре выпустили. Под арестом остались Спиридонова, Измайлович и Мстиславский, которые по решению большевистской фракции Пятого съезда Советов подлежали суду революционного трибунала. (См.: Спирин. Крах одной авантюры, стр. 55).
143. Уже 8 июля 1918 г., т.е. еще до решения Пятого съезда Советов, петроградский Губисполком снял со всех ответственных постов левых эсеров, отказавшихся осудить свой ЦК. Вскоре члены фракции левых эсеров были исключены из состава Совета. Череповецкий

Губсовет удалил левых эсеров из губернского и уездного Советов, а из Казанской губернии доносили, что "все ненадежные исполкомы с кулацким и эсеровским элементом упразднены и на их месте созданы... новые исполкомы с исключительно коммунистическим составом..." Левые эсеры были исключены из Советов Новгорода, Перми, Витебска, Орла и многих других городов. К осени 1918 г. левых эсеров, оставшихся в Советах, насчитывались единицы. Так, из 736 депутатов 31 уездного Совета, где еще оставались левые эсеры, последних было лишь 146 человек, а большевиков – 495. (См.: К. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 220–221).

144. Троцкий. О Ленине, стр. 119.
145. См.: Дзержинский. Избранные статьи и речи, стр. 111–116.
146. См.: Из истории ВЧК, стр. 154.
147. "Правда", 8 июля 1918, № 139.
148. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 316.
149. "Известия ВЦИК", 8 июля 1918, № 141.
150. Петерс, указ. соч., стр. 110. 22 августа 1918 г. Дзержинский получил свой пост назад формально. (См.: В борьбе за победу Октября. Сборник статей. Москва, 1957, стр. 297–298).
151. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 316.
152. См.: Спириин. Крах одной авантюры, стр. 79.
153. См.: I.N. Steinberg. In Workshop of the Revolution. New-York–Toronto, 1953, p.222. В обвинении, опубликованном неделей позже, об Александровиче говорилось, что, "воспользовавшись своим положением... он ввел в комиссию убийц Мирбаха – Блюмкина и Андреева. Он же приложил печать к подложному удостоверению, с помощью которого убийцы добились приема у графа Мирбаха... Решившись на выступление, Александрович заблаговременно подготовил пути отступления для отряда и принял самое деятельное участие в восстании. Им был отдан приказ арестовать Лациса, Петерса, Визнера и других членов и сотрудников Комиссии. Он же послал отряд для захвата всей Комиссии и ее помещения". ("Известия ВЦИК", 14 июля 1918).
154. Г. Соломон. Среди красных вождей. Т. 1, Париж, 1930, стр. 82–83. Показания Александровича никогда советскими чекистами опубликованы не были. Между тем, есть все основания полагать, что данные им показания, равно как и показания Спиридоновой, опубликованные в "Красной книге ВЧК", были пересланы немцам в Берлин. На это указывают два обстоятельства: во-первых, в "Красной книге ВЧК" показаниям Спиридоновой предшествует пометка "Берлин". Во-вторых, они помечены буквой "б)", т.е. "а)" чекисты просто не опубликовали. (См.: Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 319). А то, что какие-то показания Спиридоновой и Александровича в Берлин в те дни пересланы были, следует из одного из документов,

- хранящихся в архиве Троцкого. (См.: Архив Троцкого. Хогтонская библиотека Гарвардского университета, т–564).
155. Цит. по кн.: Из истории ВЧК, стр. 154.
 156. Дзержинский сообщил далее, что "Блюмкин был принят в Комиссию по рекомендации ЦК левых с.-р. для организации в контрреволюционном отделе отдела по шпионажу". (Там же). Следовательно, обвинение Александровичу во "введении в комиссию" убийц Мирбаха также лишены оснований.
 157. Красная книга ВЧК, стр. 193–194.
 158. Ленин. ПСС, т. 37, стр.385. О восстании Муравьева см.: Ю. Фельштинский. Восстание М. А. Муравьева. "Новое русское слово", 15 августа 1982.
 159. Цит. по кн.: В.И. Ленин и ВЧК, стр. 85.
 160. Ленин и ВЧК, стр. 85.
 161. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 116.
 162. См.: Н.К. Крупская. Переезд Ильича в Москву и первые месяцы его работы в Москве. В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, Москва, 1957, стр.192–193. Для судебного следователя в поведении Ленина не было ничего необычного: преступника всегда тянет к месту совершения убийства. Советская историография не слишком убедительно объясняет необычное поведение Ленина. Вот что пишут составители книги "Ленин в Москве": "После разгрома "лево"-эсеровского мятежа в Москве Владимир Ильич решил осмотреть особняк Морозова, в котором находился штаб "левых" эсеров. По воспоминаниям Н.К. Крупской, Владимира Ильича заинтересовало, почему эсеры выбрали этот особняк своим штабом и как организовали его защиту". (Ленин в Москве. Москва, 1957, стр.61–62). Но левые эсеры не "выбирали" особняк Морозова – штаб Попова там исходно находился. И никакой "организации защиты" проведено не было. Ленина тянуло к особняку именно для того, чтоб увидеть результаты своего преступления. Визит Ленина в особняк был произведен в такой тайне, что о нем не знали даже охранявшие подступы к особняку солдаты. И появление в вечерние часы неизвестного автомобиля, направляющегося к особняку, настолько удивило их, что по машине Ленина был открыт огонь. (См.: М.И. Ульянова. О Ленине. Москва, 1969, стр.128).
 163. ВЦИК V созыва, стр. 89–90. Из речи Чичерина.
 164. Саблин объявил действия левых эсеров, начиная с ареста Дзержинского, актом самозащиты. Спиридонова обвинения в "восстании" также отвергла: "Все происшедшее является результатом стремительной защиты русским правительством убитых агентов германского империализма и самозащиты ЦК партии, совершившего это убийство". (Красная книга ВЧК, стр.201).
 165. ВЦИК, V созыва, стр. 61.

166. Цит. по кн.: Спирин. Крах партии левых эсеров, стр. 82.
167. См.: Красная книга ВЧК. Гарвардская копия, стр. 328.
168. Пьемонт – бывшее королевство, ныне провинция северо-западной Италии. В 1821 г. в Пьемонте началась революция, которая, однако, потерпела поражение. Но с этого момента Пьемонт стал играть ведущую роль в деле создания единого национального итальянского государства, и название "Пьемонт" вскоре стало нарицательным, чем-то вроде "фронды".
169. Цит. по статье: Д. Рубнев. С. Цыпков. Следователь республики. "Волга", 1967, № 5, стр. 122.
170. ВЦИК, V созыва, стр. 58.
171. В книге "В. И. Ленин и ВЧК" ошибочно указано, что Шейнкман погиб в 1919 г. (См.: Ленин и ВЧК, стр. 649). В его фамилии иногда встречаются разночтения: Шейман, Шейнман, Шейкман.
172. Красная книга ВЧК. Гуверовская копия, стр. 380, 381, 384, 385.
173. В свете июльского уничтожения левозероверской партии как политического института, а затем еще и ленинско-сталинского уничтожения самих членов ПЛСР, не чем иным, как глумлением звучит заявление советского историка К. В. Гусева, сделанное им в журнале "Коммунист", о том, что блок большевиков с партией левых эсеров "просуществовал очень недолго, но исторический опыт взаимоотношений большевиков и левых эсеров представляет интерес как первый опыт сотрудничества коммунистов с непролетарской партией в условиях победившей революции, сыгравший положительную роль в укреплении ее завоеваний, и как доказательство лояльного отношения коммунистов к мелкобуржуазным партиям, поддерживающим социализм". (К. В. Гусев. О политической линии большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям. "Коммунист", 1976, № 15, стр. 94).
174. В вышедшей в 1918 г. брошюре левые эсеры писали: "Мы, как партия, теряем вместе с тем друго-критиков слева и приобретаем против нашей воли врагов-"друзей" справа. Большевики, естественно, отворачиваются от нас, изменивших им в самую трудную и острую минуту классовой борьбы, зато к нам примазываются правые с.-р. и иже с ними. Мы расплозаемся по швам. Советская партия социального переворота готова превратиться в заговорщицкую антисоветскую соглашательскую партию". (Вокруг московских июльских событий. Саратов, 1918, стр. 3). Даже тогда ПЛСР больше всего боялась "кооперации направо".
175. Левозероверский деятель П. Сапожков в связи с этим писал: "Низы" партии даже не предполагали порой о возможности тех событий, которые развернулись в центре... Московские события явились громом при ясном небе..." (Там же, стр. 87–88).

ЭПИЛОГ

До тех пор, пока партия левых эсеров не была подавлена окончательно, Ленин в отношении с немцами придерживался выжидательной тактики. По свидетельству Г. Соломона, "Иоффе поминутно вызывали из Москвы и он часами не отходил от аппарата, беседуя с комиссаром иностранных дел. И, конечно, об этих беседах (в полпредстве — Ю. Ф.) тоже циркулировали слухи и слухи, один нелепей другого".¹ Трудно сказать, о чем беседовал с Москвою Иоффе. Ясно, однако, что сразу же после подавления "восстания" тон советского правительства по отношению к Германии резко изменился. Уже 9 июля Пятый съезд Советов, имея в виду прежде всего Германию, указал, что "в случае иноземного нашествия, с чьей бы стороны оно ни исходило, обязанностью всех рабочих и крестьян... явится беззаветная защита советского отечества против империалистов".² Это был пробный ленинский шаг, оказавшийся удачным: съезд, еще три дня назад выступавший, в лице большевистской фракции, за мир любой ценой, высказался за защиту своего отечества. О возможной войне с Германией 10 июля говорил делегатам съезда и Свердлов:

"Сколько-нибудь точного сообщения от германского правительства мы еще не имеем, но косвенные указания успокоительного свойства мы имеем. Опасность не миновала, но пока не получили официальных сведений... Есть много шансов, что обойдется без войны, но сказать об этом категорически невозможно".³

В тот же день в разговоре с Вацетисом Ленин поднял вопрос о вероятной войне с Германией. Вацетис вспоминает:

“...Ленин показал мне донесения из Берлина о событиях на театре мировой войны... Много говорилось о революционном движении внутри Германии, которое охватило всю страну. В конце нашего разговора тов. Ленин задал вопрос: будут ли сражаться латышские стрелки с германскими войсками, если немцы будут наступать на Москву. Я ответил, что латышские стрелки будут сражаться везде, где прикажет советская власть”.

А когда днем 13 июля Вацетис прибыл к М.Д. Бонч-Бруевичу, вопрос о войне с Германией был советским правительством уже решен. Вацетис пишет, что М.Д. Бонч-Бруевич не сразу принял его, так как был занят, а когда освободился, то вышел и сказал:

“Извиняюсь, был очень занят... Были представители французской миссии. Вы знаете, подготавливается вступление в мировую войну против Германии, и я не мог их не выслушать до конца... Россия находится в крайне тяжелом положении, она вступает снова в мировую войну вместе с Францией и Англией — это дело уже налажено...”⁴

Предупредительная вежливость советского правительства по отношению к Германии, уже и прежде холодная, теперь исчезла вовсе. Большевики отказались присутствовать на религиозной церемонии у гроба убитого германского посла, а на траурные проводы гроба Мирбаха в Германию явился только Чичерин, и то с опозданием в час, тем самым заставив всю процессию себя ждать. Чичерин же был человеком исключительной пунктуальности, и его поведение немцы рассматривали однозначно. К тому же, он появился без головного убора — чтобы не снимать шляпы при проводах гроба посла, в неряшливом виде, и это тоже произвело на немцев, торжественных и спокойных, соответствующее впечатление.⁵ Большевики пытались продемонстрировать свое неуважение к ним во всем, в чем это было только возможно.

Германия между тем тянула с ответом на последнее советское заявление. Только 14 июля в 11 часов вечера Ридлер вручил Чичерину текст полученной из Берлина ноты. В ней содержалось

требование о вводе в Москву для охраны германского посольства батальона солдат германской армии. Но Ленин не собирался отступать. Решившись на стремительное уничтожение ПЛСР, он доказал странам Запада решимость коммунистического правительства удерживать власть и добиваться победы. Бонч-Бруевич пишет:

”Самый факт восстания левых эсеров очень помог нам... Такое быстрое подавление новых контрреволюционеров, аресты центров мятежников и суровая расправа с их зачинщиками и с главарями сразу же дали всем понять, что наше коммунистическое правительство твердо держит власть в руках и не собирается никому давать пощады. Все это вместе взятое несомненно произвело впечатление на правящие немецкие сферы и *призрак почти неизбежной войны стал постепенно отдаляться*”.⁶

Таким образом, если до убийства Мирбаха военные действия между советской Россией и Германией практически не прекращались ни до подписания Брестского мира, ни после него; если до июля 1918 г. германское вторжение в Россию и оккупация Петрограда считались вопросом ближайших недель, даже не месяцев, то после убийства Мирбаха эта угроза стала отдаляться. Нужно было обладать дьявольским чутьем Ленина, чтобы еще 7 июля увидеть в этом второй (после разгрома ПЛСР) выигрышный ход: разрыв Брестского договора. Но этот тягостный договор Ленин не мог разорвать сразу же, после ожесточенной борьбы за мир на съездах, после многочисленных заверений в том, что мир жизненно необходим республике Советов. Он хотел, чтобы этот мир разорвала сама Германия.

Надежда на удачу мелькнула 14 июля, когда Бонч-Бруевич доложил Ленину о телеграмме с германскими требованиями. Вот свидетельство Бонч-Бруевича:

”Владимир Ильич в это время находился под Москвой... Я сообщил ему, что есть очень важные известия из Москвы.

— От немцев?

— Да, — и я подал ему полученную телефонограмму. Владимир Ильич быстро прочел ее... Он рассмеялся

тем тихим смехом, за которым, я знал, выковываются у него твердые и ясные решения государственного мужа, непреклонного революционера...

— Хорошо, мы им ответим, — грозно сказал он...

Он вдруг улыбнулся, даже тихонько засмеялся и сел за столик, ...и сразу углубился в работу... Я знал, что Владимир Ильич ждал самых худших последствий от провокаторского убийства германского посла;... он предчувствовал войну, о чем уже объявил в им написанном правительственном сообщении. Никакие ультиматумы не могли заставить Владимира Ильича врасплох, ибо он всегда все предвидел, все взвешивал и изумительно ясно понимал все сложное общеевропейское положение вещей".⁷

В ответ на германское требование Ленин написал заявление, которое 15 июля обсуждалось на заседании ЦК РКП (б).⁸ Протокол этого заседания числится в "ненайденных",⁹ но составленный Лениным ответ был в тот же день оглашен на заседании ВЦИК. Сообщив об ультиматуме Ридлера и о его отклонении советским правительством, Ленин огласил затем заявление, написанное им в тот упомянутый Бонч-Бруевичем вечер. Он указал, что на требование немцев о вводе в Москву батальона солдат для охраны посольства советское правительство ответит

"усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всяких изъятий, путем [сожжения]¹⁰ складов и в особенности продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, но эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с советской властью до последнего издыхания..."

Ленин подчеркнул, что даже грядущая война с Германией не изменит отношения большевиков к левым эсерам. И в этом смысле он подвел итог борьбы партии большевиков и своей

собственной борьбы за однопартийную диктатуру.¹¹ Резолюция по докладу Ленина была принята единогласно.¹²

К этому документу, написанному единым порывом, у Ленина было какое-то особое отношение. Бонч-Бруевич вспоминает, что, написав его, Ленин сказал: "Возьмите это для печати, ... перепишите и пошлите. Подлинник никому не давайте, сохраните у себя". Бонч-Бруевич продолжает:

"Второй и последний раз слышал я от него это желание. Так же, почти с такими же словами, передал он мне свою знаменитую прокламацию "Социалистическое отечество в опасности!", когда он мгновенно написал ее в утро наступления немцев на Петроград..."

Война с немцами, которую все партийные активисты и ждали, и боялись, — теперь становилась реальностью, и — "в се в здохнули с в о б о д н о". Большевики "отчетливо сознавали, что, несмотря ни на что, немцам необходимо дать отпор". Но и немцы, со своей стороны, "поняли, что настаивать на своих... требованиях нельзя. ...До конфликта не дошло. События в Германии назревали". Германскому правительству теперь уже приходилось "думать больше всего о своей собственной судьбе".¹³ Военное счастье Германии изменило: так думал в те дни Бонч-Бруевич, так считал Ленин. Так писали несколько позже в своих мемуарах и германские генералы и дипломаты, например Хильгер: "Они (большевики — Ю.Ф.) понимали, что Германия уже не сильна настолько, чтобы настаивать на выполнении своих требований. Они правильно определили ситуацию".¹⁴ Так писали затем уже и немецкие историки, в том числе социалистические.¹⁵

Позже, когда революционный энтузиазм стал достоянием прошлого, бывший нарком юстиции в советском правительстве, член ЦК ПЛСР Штейнберг, эмигрировавший из России, отрицал в своих мемуарах намерение левых эсеров поднять мятеж против большевиков. Штейнберг писал, что левые эсеры

"хотели лишь добиться изменений тех обстоятельств, которые вели страну по дороге развалин... Они утверждали, что Германия не была в состоянии возобновить войну с Россией, и правомерность этого утверждения была доказана тем фактом, что Берлин не реагировал

на убийство с жестокостью, которая проявилась бы в дни военного могущества Германии. (В это время Германия была уже слишком близка к поражению)”.¹⁶

Ленин понимал это не хуже Штейнберга, не хуже левых эсеров. Вот что вспоминал о Ленине и июльских днях 1918 года Чичерин:

”Самым тяжелым моментом было убийство Мирбаха, когда можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода в наступление. В этот момент у меня было несколько продолжительных разговоров с Владимиром Ильичом. Он совершенно правильно оценил трудности, какие представило бы для Германии наступление на Москву. И, считая необходимым отклонить требования германского правительства о вводе в Москву германского вооруженного отряда, Владимир Ильич с полнейшим спокойствием ожидал результатов нашего ответа. Чутье не обмануло Ленина...”¹⁷

15 июля Чичерин передал Ридлеру две ноты, категорически отклонявшие требования о вводе в Москву батальона германских войск.¹⁸ Это же требование было повторно отклонено 19 июля. Столкнувшись со столь жесткой позицией советского правительства, Германия не поддалась на провокацию и отказалась от своих притязаний. 28 июля в Москву прибыл новый германский дипломатический представитель Карл Гельферих. События, связанные со смертью Мирбаха, постепенно отходили в прошлое.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЭПИЛОГУ

1. Г. Соломон. Среди красных вождей. Т. 1, Париж, 1930, стр. 82.
2. Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда Советов. Москва, 1918, стр. 209.
3. Я. М. Свердлов. Избранные произведения. Т. 2, Москва, 1959, стр. 247–248.
4. Вацетис. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. Сб. "Память". Т. 2, Москва 1977–Париж 1979, стр. 41–42, 54, 55, 56–57. Вацетис пишет, что "Бонч-Бруевич не терял надежды создать большую армию, были уже назначены командующие десяти армий..." (Там же, стр. 53).
5. См.: Gustav Hilger, Alfred G. Meyer. The Incompatible Allies. A Memoir–History of Soviet German Relations 1918–1941. New York, 1953, p. 7.
6. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, доп., Москва, 1969, стр. 320.
7. Там же, стр. 321–323. Несколько отличный текст опубликован в кн.: В. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (по личным воспоминаниям). Москва, 1927, стр. 54–55.
8. См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва, 1958–1965, т. 36, стр. 725.
9. Вообще, если верить сообщению советского историка Аникеева, до сих пор "не найдены" протоколы заседаний ЦК РКП (б) с 19 мая по 16 сентября 1918 г. (См.: В. В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б) – РКП (б) в 1917–1918 годах. Хроника событий. Москва, 1974, стр. 298), т. е. именно за тот период, когда на каждом заседании обсуждались проблемы голода, продовольственных отрядов и возобновления войны с Германией.
10. В собрании сочинений Ленина: "путей сообщения". (См.: В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, Москва 1941–1962, т. 27, стр. 499).
11. РСФСР. ВЦИК. Созыв V. Стенографический отчет. Москва, 1919, стр. 55–56.
12. См. там же, стр. 6. 17 июля заявление Ленина было опубликовано в "Известиях" за подписями Ленина и Свердлова.
13. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 324, 325.
14. Хильгер, Мейер, указ. соч., стр. 9.
15. Эдуард Бернштейн писал в своей "Германской революции": "В июле 1918 года была сломлена наступательная сила, а в августе 1918 года и сила сопротивления германской Западной армии". (Цит. по: Архив Троцкого. Хогтонская библиотека Гарвардского университета. Т-3755).

16. I.N. Steinberg. In Workshop of the Revolution. New-York–Toronto, 1953, p. 244.
17. Цит. по кн.: И. Горохов, Л. Замятин, И. Земсков. Г. В. Чичерин – дипломат ленинской школы. Изд. 2-е, дополненное, под общей редакцией А. Громыко. Москва, 1974, стр. 93–94.
18. См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1, Москва, 1959, док. № 273–274, стр. 400–401.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

ПИСЬМО БЛЮМКИНА

Документ, о котором пойдет речь ниже, требует к себе особого внимания по многим причинам. Он хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке и публикуется впервые. Его форма и содержание требуют специального анализа. Документ этот не дошел до нас в подлиннике и имеется лишь в копии, переписанной рукой Г.А. Алексинского со сделанной ранее кем-то копии. Никаких следов подлинника письма, к сожалению, не прослеживается. В этих случаях, разумеется, всегда приходится допускать и возможность фальсификации, хотя само содержание письма Блюмкина кажется достаточно правдоподобным.

Судя по всему, Блюмкин написал это письмо перед самым убийством Мирбаха, между вечером 4-го и утром 6 июля 1918 года. Это косвенно подтверждают показания Блюмкина, данные им киевской ЧК в 1919 году, согласно которым вечером 4 июля Блюмкин, после разговора с "одним членом ЦК", вызвался убить Мирбаха. С другой стороны, из текста самого письма следует, что написано оно до убийства.

Какие цели преследовал Блюмкин написанием этого письма и было ли оно искренним? На этот вопрос ответить крайне трудно. Адресованное почти незнакомому Блюмкину человеку, с которым, по словам самого Блюмкина, он виделся только раз, оно производит впечатление искреннего, но все-таки находится в некотором противоречии с фактами, изложенными Блюмкиным несколько позднее. Блюмкин подчеркивает в письме

индивидуальный характер своего акта, ни разу не упоминая не только ЦК ПЛСР, но и "одного члена ЦК", который, согласно "Красной книге ВЧК", обсуждал с Блюмкиным возможность покушения на Мирбаха. Проходящий через все письмо красной нитью еврейский мотив покушения не проступает ни в каких других показаниях Блюмкина, хотя, казалось бы, ничто не мешало Блюмкину в данных в 1919 году показаниях изложить столь же четко национальные мотивы покушения на Мирбаха.

Из текста письма следует, что оно было написано Блюмкиным на случай его гибели во время совершения террористического акта. Но Блюмкин не погиб, а о существовании и содержании письма так никому и не стало известно. Если же предположить, что Блюмкин написал это письмо с целью дезинформации, снова не ясно, почему уже после покушения на Мирбаха письмо это не было обнародовано Блюмкиным или адресатом письма, молчаливо следившим за разгромом партии левых эсеров, но не предавшим гласности документ, который в июльские дни 1918 года читался, безусловно, иначе: письмо не оставило бы ни у кого сомнений в индивидуальном характере совершенного Блюмкиным покушения.

Приведем текст этого документа полностью, в том его виде, в каком он хранится в архиве:

"Лето 1918 года. Москва

Письмо Блюмкина (эсера, убившего графа Мирбаха)

Копия

В борьбе обретишь ты право свое¹

Уваж[аемый] товарищ!

Вы, конечно, удивитесь, что я пишу это письмо Вам, а не кому-либо иному. Встретились мы с Вами только один раз. Вы ушли из партии, в которой я остался. Но, несмотря на это, в некоторых вопросах Вы мне ближе, чем многие из моих товарищей по партии. Я, как и Вы, думаю, что сейчас дело идет не о программных вопросах, а о более существенном: об отношении социалистов к войне и миру с германским империализмом. Я, как и Вы, прежде всего противник сепаратного

мира с Германией, и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир каким бы то ни было способом, вплоть до единоличного акта, на который я решился...²

Но кроме общих и принципиальных моих, как социалиста, побуждений, на этот акт меня толкают и другие побуждения, которые я отнюдь не считаю нужным скрывать — даже более того, я хочу их подчеркнуть особенно. Я — еврей, и не только не отрекаюсь от принадлежности к еврейскому народу, но горжусь этим, хотя одновременно горжусь и своей принадлежностью к российскому народу. Черносотенцы-антисемиты, многие из которых сами германофилы, с начала войны обвиняли евреев в германофильстве, и сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и за сепаратный мир с немцами. Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особенное значение. Я, как еврей и как социалист, беру на себя совершение акта, являющегося этим протестом.

Я не знаю, удастся ли мне совершить то, что я задумал. Еще меньше я знаю, останусь ли я жив. Пусть это мое письмо к Вам, в случае моей гибели, останется документом, объясняющим мои побуждения и смысл задуманного мною индивидуального действия. Пусть те, кто со временем прочтут его, будут знать, что еврей-социалист не побоялся принести свою жизнь в жертву протеста против сепаратного мира с германским империализмом и пролить кровь человека, чтобы смыть ею позор Брест-Литовска.

Жму крепко Вашу руку и шлю Вам сердечный привет
Ваш...² (подпись Блюмкин)³

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ ПЕРВОМУ

1. Лозунг эсеровской и левоэсеровской партии.
2. Отточие документа.
3. Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive. Ms Coll Aleksinskii. Blumkin Iakov, Moscow, Summer 1918, To [Grigorii Alekseevich Aleksinskii?], ms. 1, 3p. (copy by Aleksinskii). Указание архива на то, что письмо, возможно, было написано Алексинскому, является безусловной ошибкой. Алексинский никогда не был членом партии левых эсеров или эсеров.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

ЯКОВ БЛЮМКИН

Карьера Блюмкина-чекиста началась лишь в апреле 1919 года, лишь когда он явился с повинной в киевскую ЧК. На Украине, уже амнистированный, Блюмкин налажил контакт с отрядом Каховской, той самой, которая подготовила убийство Эйхгорна. Однако в отряде вскоре узнали, что Блюмкин сотрудничает с ЧК и доносит на своих сопартийцев. Эсеровский товарищеский суд, разбиравший обвинение Блюмкина в предательстве и его связях с ЧК, "не установил, что Блюмкин не предатель", и приговорил его к смертной казни. По постановлению эсеровского суда в первой декаде июля 1919 г. на Блюмкина произвели покушение, но неудачно: Блюмкин отделался ранением.¹ После выздоровления Блюмкина приняли в союз эсеров-максималистов, организацию, фактически стоявшую на большевистских позициях. И вскоре этот "отъявленный авантюрист" и "террорист", как писала о нем Свердлова,² поступил на службу в киевскую ЧК, где, кажется, снова руководил отделом контрразведки.

В 1920 году, вероятно летом, Блюмкин вернулся в Москву, чтобы начать учебу в военной академии Красной армии. Его возвращение не осталось незамеченным для германской дипломатической миссии,³ и из Берлина потребовали объяснений. Теперь уже большевикам нельзя было сослаться на то, что они не могут "поймать" Блюмкина. И советское правительство оказалось в затруднительном положении. Но что было еще хуже, забытый всеми вопрос об убийстве германского посла вновь всплывал на поверхность со всеми неприятными для большевиков

последствиями. Им было что скрывать. И Троцкий в секретном послании Ленину, Чичерину, Крестинскому и Бухарину первым забил тревогу:

”Необходимо принять предупредительные меры в отношении дурацкого немецкого требования удовлетворения за графа Мирбаха. Если это требование будет официально выдвинуто, и нам придется войти в объяснения, то всплывут довольно неприятные воспоминания (Александровича, Спиридоновой и проч.). Я думаю, что, поскольку вопрос уже всплыл в печати, необходимо, чтобы откликнулась наша печать и чтобы тов. Чичерин в интервью или другим порядком дал понять немецкому правительству,.. что, выдвинув это требование, они впадают в самое дурацкое положение. Газеты могли бы высмеять это требование в прозе и стихах, а по радио отзвуки дошли бы до Берлина. Это гораздо выгоднее, чем официально объясняться на переговорах по существу вопроса”.⁴

И немцы, не желавшие идти на ухудшение советско-германских отношений, отступили.⁵ Блюмкин так и остался жить в Москве, уже на следующий год формально вступил в партию большевиков,⁶ и время от времени представлялся еще не знавшим его германским дипломатам не иначе, как убийца Мирбаха.⁷ Позднее, уже выпускник военной академии, Блюмкин ”прославился участием в жестоком подавлении грузинского восстания”, затем работал в Монголии, где ”во главе ЧК он так злоупотреблял расстрелами, что даже ГПУ нашло нужным его отозвать”.⁸ В 20-е годы Блюмкин служил в военном секретариате Троцкого, организовал несколько провокаций.⁹ Однако круг интересов Блюмкина к этому времени ”расширился”. В 1923 г. началось издание трехтомного труда Троцкого ”Как вооружалась революция”. Могло ли быть большей иронией то обстоятельство, что ”подбор, критическая проверка, группировка и правка материала” первого тома этого издания производилась Блюмкиным.¹⁰ Как писал Троцкий,

”судьбе было угодно, чтобы тов. Блюмкин, бывший левый эсер, ставивший в июле 1918 г. свою жизнь на карту в бою против нас, а ныне член нашей партии, оказался моим

сотрудником по составлению этого тома, отражающего в одной своей части нашу смертельную схватку с партией левых эсеров".¹¹

Во второй половине 1920-х годов Блюмкин работал резидентом ГПУ в странах Ближнего Востока, вербовал агентов в Сирии, Палестине, Хиджазе и Египте. Как агент с особой миссией, он обладал неограниченной властью в Константинополе. Он въехал в Палестину с паспортом на имя Султана Заде и странствовал по Востоку до июня 1929 г. Его шефы, Менжинский и Трилиссер, считали его незаменимым работником. Но так было лишь до тех пор, пока он не попал в опалу...

Сведения о последних месяцах жизни Блюмкина весьма противоречивы. Вероятно, перед своей последней поездкой в Турцию Блюмкин связался с только что вернувшимся из сибирской ссылки Радеком и сообщил ему о своем намерении посетить высланного в январе 1929 года в Турцию Троцкого, проживающего на Принцевых островах. Александр Орлов, один из руководителей советской контрразведки, сбежавший на Запад, пишет, что Радек тут же донес Сталину о беседе с Блюмкиным. И Сталин поручил Ягоде выследить, с кем будет встречаться в Турции Блюмкин. С этой целью к Блюмкину, не отличавшемуся особым аскетизмом, прикомандировали секретаршей сотрудницу ОГПУ Лизу Горскую, к которой Блюмкин питал когда-то романтические чувства. Но, оказавшись нестойким мужчиной, Блюмкин остался истинным чекистом и ничего Лизе не рассказал. Тогда Сталин решил прекратить игру. Блюмкина вызвали в Москву для доклада и арестовали по дороге в столицу.¹²

По словам другого сбежавшего на Запад ответственного сотрудника ГПУ, шефа Восточного отдела и резидента ОГПУ в Константинополе Г. Агабекова, арест Блюмкина произошел в Москве следующим образом:

"Агенты... прибыли на автомобиле к квартире Блюмкина примерно в час ночи, когда Блюмкин в сопровождении Горской входил в свой автомобиль. Почувствовав неладное, Блюмкин приказал шоферу ехать как можно быстрее. Автомобиль последовал за ним и его пассажиры произвели несколько выстрелов. Тогда Блюмкин

неожиданно приказал шоферу остановиться, повернулся к своей компаньонше и сказал: "Лиза, ты предала меня". Затем он вышел наружу и, обратившись к сидящим в машине агентам, сказал: "Не стреляйте, я сдаюсь".¹³

Троцкий считал, что Блюмкина выдал Радек. Он, в частности, показал, что встречался с Блюмкиным в Константинополе летом 1929 г.:

"В Константинополе он... встретил на улице моего сына... Он пригласил его в свою комнату в гостинице... Блюмкин сказал: "Я повидаю старика". Мой сын пришел ко мне и сказал: "Он повидает тебя". Я сказал: "Абсолютно невозможно. Слишком рискованно". Он настаивал, и поэтому я согласился [встретиться], тайно. Он [Блюмкин] уехал в Россию, в Москву. Радек вернулся из Сибири капитулянтom. Он [Блюмкин] полностью доверял Радеку... Блюмкин... посетил Радека... Он сообщил ему по своей собственной инициативе, что он встречался со мною... Радек немедленно донес на Блюмкина в ГПУ..."¹⁴

Дело Блюмкина передали на усмотрение Коллегии ОГПУ. В Коллегии мнения разделились. Ягода настаивал на смертной казни. Трилиссер был против. Менжинский — воздержался от ответа. Дело передали в Политбюро, и Сталин утвердил смертный приговор.¹⁵ По постановлению Коллегии ОГПУ от 3 ноября 1929 г. Блюмкин был расстрелян.¹⁶ Рассказывают, что перед смертью он крикнул: "Да здравствует Троцкий!"¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ ВТОРОМУ

1. Подробнее см.: Г. Максимов. Суд над Я. Блюмкиным в 1919. Сб. "Память", № 3, Москва 1978—Париж 1980, стр. 379—381.
2. См.: К.Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. Москва, 1976, стр. 357.
3. См.: Н. Манделыштам. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970, стр. 109.
4. Архив Троцкого. Хогтонская библиотека Гарвардского университета. Т-564.
5. См.: Gustav Hilger, Alfred G. Meyer. The Incompatible Allies. A Memoir—History of Soviet German Relations 1918—1941. New York, 1953, p.9.
6. По сведениям БСЭ, 1-е изд.
7. См.: Хильгер, Мейер, указ. соч., стр. 9.
8. Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1980, стр. 258.
9. А. Солженицын пишет, что в 1925 г. Блюмкин "написал так называемое предсмертное письмо Савинкова, по заданию ГПУ. Оказывается, когда Савинков был в заключении, Блюмкин был постоянно допущенное к нему лицо — он "развлекал" его вечерами... Это и помогло Блюмкину войти в манеру речи и мысли Савинкова..." (А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. 1918—1956. Том 1, Париж, 1973, стр. 374).
10. Л. Троцкий. Материалы и документы по истории Красной армии в трех томах. Как вооружалась революция (на военной работе). Том первый: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. Москва, 1923, стр. 7.
11. Там же, стр. 8.
12. См.: А. Orlov. The Secret History of Stalin's Crimes. New York, 1953, pp. 192—193.
13. Georges Agabekov. OGPU. The Russian Secret Terror. New York, 1931, p. 220.
14. The Case of Leon Trotsky. Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials by the Preliminary Commission in Inquiry. New York—London, 1937, pp.105—106. Судя по всему, Троцким через Блюмкина для Радека и других соратников Троцкого было передано письмо. (См.: Дело Льва Троцкого, стр.537—538). Самого Радека убили в 1939 г. Он был большой остряк и, говорят, любил повторять в кругу друзей: "У меня со Сталиным расхождения по земельному вопросу — он хочет видеть в могиле меня, а я — его".
15. См.: Агабеков, указ. соч., стр. 221.
16. См.: С.З. Остряков. Военные чекисты. Москва, 1979, стр. 124.
17. См.: Орлов, указ. соч., стр.193. Троцкий долго потом не мог успокоиться и посвятил Блюмкину не одну статью, да и нередко упоминал о расстреле в частных письмах. (См.: Л. Троцкий. Портреты. США, 1984, стр. 276—285).

ДОКУМЕНТЫ

Протокол заседания Революционного Трибунала при ВЦИК

1918 года ноября 27 дня, Революционный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете в открытом заседании в составе:

За Председателя Трибунала —
Заместителя Председателя тов. Карклина,

Членов:	тов. Веселовского,
	” Галкина,
	” Платонова,
	” Петерсона,
	” Томского,
	” Сельтенева,
при секретаре	” Зыбню,

разбирал дело о контрреволюционном заговоре Центрального Комитета партии ”левых социалистов-революционеров” и других лиц той же партии против советской власти и революции.

Из всех обвиняемых в заседание Трибунала доставлены: Спиридонова и Саблин; остальные обвиняемые: Майоров, Прошьян, Фишман, Камков, Карелин, Трутовский, Магеровский, Голубовский, Черепанов, Попов, Блюмкин и Андреев от суда скрылись.

На вопрос Председателя Трибунала, как имя, отчество и сколько лет, обвиняемая Спиридонова заявила, что пока ей не

будет дано слово для предварительного заявления, на вопросы отвечать она не будет.

В предоставленном затем Спиридоновой слове для заявления последняя заявила, что, по постановлению партии левых соц.-революционеров и по своему личному убеждению, она отказывается принимать участие в том, что здесь происходит. В этом зале происходит суд одной партии над другой, что совершенно недопустимо. Нашу междоусобицу, наш спор может решить только III Интернационал, так как это все делалось по постановлению ЦК партии, поэтому она покидает зал суда.

Обвиняемый С а б л и н — он тоже целиком присоединяется к заявлению тов. Спиридоновой.

Обвинитель Крыленко заявил, что данный суд не есть вовсе суд одной партии над другой, а это есть суд, установленный Конституцией Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, поэтому он просит в ходатайстве обвиняемых отказать и дело слушанием продолжать, не мешая обвиняемым апеллировать к III Интернационалу.

Трибунал постановил: Объявить перерыв на 10 минут.

После перерыва заседание объявлено продолжающимся. Рассмотрев заявление подсудимых Спиридоновой и Саблина по делу о контрреволюционном заговоре ЦК партии "левых социалистов-революционеров" и других лиц той же партии против советской власти и революции, Трибунал **ПОСТАНОВИЛ:** дело слушать, хотя обвиняемые и отказываются присутствовать в зале заседания.

Обвинитель Крыленко заявил, что поскольку показания тов. Дзержинского, вызванного в качестве свидетеля, имеются в деле, постольку надобность в допросе теперь последнего не встречается.

Трибунал постановил: вызванного в качестве свидетеля тов. Дзержинского не допрашивать.

Обвинитель Крыленко: партия левых эсеров, вышедшая из недр той же самой партии социал-революционеров, в настоящее время умерла, но остались определенные лица, с которыми необходимо бороться, когда они становятся вредными, поэтому он настаивает, чтобы Верховный Трибунал отнесся к обвиняемым

со всей строгостью, в особенности, по отношению к Попову, как начальнику выступления 6—7 июля, по разыскании он должен быть расстрелян. В отношении же Блюмкина и Андреева, совершивших террористический акт, но не принимавших активного участия в восстании, удалить навсегда из пределов Советской Республики, а в отношении же остальных обвиняемых, за исключением Спиридоновой и Саблина, применить строгие меры наказания, заключив под стражу с высылкой из пределов Советской Республики не менее на 5 лет (так дословно написано, очевидно, нужно "чем на 5 лет". Переписчища), и, принимая во внимание прежние заслуги перед революцией Спиридоновой и Саблина, выслать на 5 лет.

Трибунал удалился на совещание.

После совещания, Председателем оглашен публично приговор.

Председатель Трибунала: подпись.

Секретарь: Зыбно.

П Р И Г О В О Р

Именем РСФСР Революционный Трибунал при Всероссийском ЦИК Советов, в заседании своем от 27 ноября 1918 года, заслушав и рассмотрев дело Марии Александровны Спиридоновой, Саблина, Попова, Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова и Фишмана по обвинению их в контрреволюционном заговоре Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров против советской власти и революции — признал предъявленные им Спиридоновой, Саблину, Попову, Прошьяну, Камкову, Карелину, Трутовскому, Магеровскому, Голубовскому, Черепанову, Блюмкину, Андрееву, Майорову и Фишману обвинения в заключении обвинительной коллегии при Революционном Трибунале ВЦИК доказанными и постановил:

Попова объявить врагом трудящихся, стоящим вне закона, и как такового при поимке и установлении личности расстрелять. Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского,

Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова, Фишмана — заключить в тюрьму, с применением принудительных работ на три (3) года;

Спиридоновой и Саблину, принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией, смягчить меру наказания и заключить в тюрьму сроком на один год.

27 XI — 18 г.

Председательствующий: Карклин.

Члены: Веселовский,
Галкин,
Платонов,
Петерсон,
Томский,
Сельтинев.

**ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК
ОТ 29 НОЯБРЯ 1919 ГОДА**

Применить амнистию к М.А.Спиридоновой и Саблину и освободить их из заключения.

Председатель: Я. Свердлов

Секретарь: А. Енукидзе

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ЯКОВА БЛЮМКИНА

7 июля при отступлении отряда Попова из Трехсвятельского пер. я был забыт во дворе лазарета. Отсюда меня, вместе с другими ранеными, увезла на автомобиле в первую городскую больницу одна неизвестная сестра милосердия. В больнице я назвался Григорием Беловым, красноармейцем, раненным в бою с поповцами. В больнице я пролежал, кажется, до 9 июля. 9-го вечером мне был устроен моими внепартийными друзьями, извещенными случайно о моем пребывании в больнице, побег. Я говорю побег потому, что больницам и лазаретам был отдан приказ, неизвестно откуда, не выпускать под угрозой расстрела ни одного раненного в эти дни. Я скрывался в Москве несколько дней в лечебнице, в частных квартирах. Кажется, 12-го я кое-как уехал и после полосы долгих скитаний попал в Рыбинск...

В Рыбинске я пробыл под фамилией Авербаха до последних чисел августа, вылечивая ногу. В начале сентября, очень нуждаясь, я работал под фамилией Вишневого, в Кимрах, в уездном комиссариате земледелия, давал уроки. Все это время я был абсолютно оторван от партии. Она не знала, где я нахожусь, что со мной делается. В сентябре я случайно завязал сношение с ЦК, я обратился к нему с предложением срочно отправить меня на Украину в область германской оккупации для террористической работы. Мне было приказано выехать в Петроград и там выжидать отправки. Я жил в окрестностях Петрограда, очень замкнуто, в Гатчине, в Царском Селе и др., занимаясь исключительно литературной работой, собиранием материала об июльских событиях и написанием о них книги. В октябре я самовольно, без ведома ЦК, поехал в Москву, чтобы добиться скорейшей командировки

на Украину. Недолго жил в Курске, и 5-го ноября я был уже в Белгороде, в Скоропадчине.

Я не могу не сказать несколько слов о своей работе на Украине. По ряду причин мне нельзя еще говорить о ней легально, подробно. Скажу только следующее: я был членом боевой организации партии и работал по подготовке нескольких террористических предприятий против виднейших главарей контрревол. Такого рода деятельность продолжалась до свержения гетмана. При правительстве Директории, в период диктатуры кулачества, офицерства и сечевых стрелков, я работал для восстановления на Украине советской власти. По поручению партии, организовал, совместно с коммунистами и другими партиями, на Подолии ревкомы и повстанческие отряды, вел советскую агитацию среди рабочих и крестьян, был членом нелегального Совета рабочих депутатов Киева, — словом, посильно я служил революции.

**В Президиум Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета**

Особой Следственной Комиссии по делу
Я. Г. Блюмкина

Д О К Л А Д

Доклад Якова Григорьевича Блюмкина, явившегося в распоряжение советской власти, после состоявшегося приговора Верховного Трибунала о заключении его, Блюмкина, за убийство германского посла Мирбаха в тюрьму на три года, Следственная Комиссия усматривает:

1) Блюмкин, по его утверждению, полагал, что убийство Мирбаха не вызовет войны с Германией и послужит только к убеждению масс в бессилии германского империализма.

2) Перед свершением убийства Мирбаха Блюмкин потребовал от партии левых эсеров гарантии, что этот акт окончится только убийством и никаких шагов против советской власти в связи с этим убийством не произойдет, в чем ему членами ЦК партии было дано категорическое обещание.

3) Поднятый партией левых эсеров после убийства Мирбаха мятеж против советской власти, он, Блюмкин, осуждает и категорически отмежевывается от тех преступных действий, которые были совершены партией, вопреки данного ему обещания.

4) Причиной, побудившей его, Блюмкина, явиться в распоряжение советской власти, прежде всего послужило желание рассеять оскорбительное для него, как исполнителя террористического акта против Мирбаха, мнение, в результате коего он был

назван в "Известиях ЦИК" "негодяем", и разъяснить советской власти, как он понимал это убийство.

На предложение Следственной Комиссии представить доказательство этим утверждениям (каковыми доказательствами могли служить письма Блюмкина, написанные им Прошьяну, с требованием объяснения поведения партии после убийства Мирбаха, ответные письма Прошьяна, а также письма, которые получил Блюмкин от членов партии, будучи арестован, в киевской тюрьме), Блюмкин заявляет, что самый факт его явки должен служить уже достаточной гарантией правдивости его слов.

Таким образом, если верить утверждениям Блюмкина, что никакой связи с действиями обманувшей его партии левых эсеров, воспользовавшейся фактом убийства Мирбаха с целью восстания против советской власти, у него, Блюмкина, не было, то он должен нести ответственность только за совершение террористического акта по отношению к Мирбаху, каковая ответственность, во всяком случае, не может вызвать необходимости в содержании Блюмкина в тюрьме.

Но ввиду того, что Блюмкин категорически отказывается представить доказательства своим утверждениям о полной непричастности и отрицательном своем отношении к поднятому вслед за убийством Мирбаха партией левых эсеров мятежу, Следственная Комиссия не находит возможным, имея в виду политику левых эсеров в настоящее время, придавать его словам, не подтвержденным никакими доказательствами, безусловное доверие, а потому полагала бы:

- 1) Блюмкина из-под стражи освободить,
- 2) Заменить ему трехлетнее тюремное заключение отдачей его на этот срок под контроль и наблюдение лиц по указанию Президиума ВЦИК и
- 3) В случае уклонения Блюмкина от контроля над своими политическими действиями, или в случае совершения каких-либо новых действий во вред советской власти, немедленно привести в исполнение состоявшийся по делу об убийстве Мирбаха приговор Революционного Трибунала при ВЦИК.

4) Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 16-го мая 1919 года об освобождении из заключения Якова Григорьевича Блюмкина.

Ввиду добровольной явки Я.Г.Блюмкина и данного им подробного объяснения обстоятельств убийства германского посла гр.Мирбаха, Президиум постановил Я.Г.Блюмкина амнистировать.

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе.

ТАБЛИЦА 1

По данным книги: О.Н. Знаменский. Всероссийское Учредительное собрание. Ленинград, 1979, стр.357.

Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание по Петроградскому столичному округу.

Партии и организации	Количество голосов и процент от общего числа голосов.
Большевики	424 024 (45,0 %)
Кадеты	246 506 (26,2 %)
Эсеры	156 936 (16,6 %)
Меньшевики	29 757 (3,1 %)
Православные приходы	24 129 (2,5 %)
Народные социалисты	19 109 (2,0 %)
Междупартийное единение христиан- демократов (католики и лютеране)	14 382 (1,5 %)
Союз казачьих войск	6 711 (0,7 %)
Лига равноправия женщин	5 231 (0,5 %)
Независимый союз рабочих, солдат и крестьян	4 942 (0,5 %)
Украинские социал-демократы и эсеры.	
Сионисты	4 219 (0,4 %)
Христианско-демократическая партия	3 797 (0,4 %)
Остальные партии	1 275 (0,15%)

Всего голосовало 941 081 избирателей — 69,7% от общего числа, внесенного в списки.

ТАБЛИЦА 2

По данным книги: О.Н. Знаменский. Всероссийское Учредительное собрание. Ленинград, 1979, стр.357.

Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание по Московскому городскому округу.

Партии и организации	Количество голосов и процент от общего числа голосов.
Большевики	372 794 (48,1 %)
Кадеты	265 327 (34,2 %)
Эсеры	62 865 (8,1 %)
Демократическо-социалистический блок	35 546 (4,5 %)
Меньшевики-объединенцы	19 724 (2,2 %)
Группа общественных и земских деятелей	4 095 (0,5 %)
Народные социалисты	2 516 (0,3 %)
Торгово-промышленная группа	2 300 (0,3 %)
Всероссийский крестьянский союз	2 291 (0,2 %)
Содружество народностей	2 082 (0,2 %)
Меньшевики-интернационалисты	1 933 (0,2 %)

Всего голосовало 773 853 избирателей – 69,7% от общего числа, внесенного в списки.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. М. А. Спиридонова.
2. Б. Д. Камков.
3. И. А. Майоров.
4. П. П. Прошьян.
5. Я. М. Свердлов.
6. Ф. Э. Дзержинский в начале 1918 г.
7. Дом в Петрограде, где размещалась ВЧК.
8. Я. Х. Петерс и Ф. Э. Дзержинский.
9. М. Я. Лацис.
10. И. И. Вацетис.
11. Дом № 11 по Большой Лубянке, где в 1918 г. размещались ВЧК и МЧК.
12. Д. И. Попов.
13. Я. Г. Блюмкин.
14. Н. А. Андреев.
15. Денежный переулок, д. 5.
16. Документ, который Блюмкин и Андреев предъявили в германском посольстве.
17. Автограф Дзержинского, с его подписью.
18. Охрана V съезда Советов, проходившего в здании Большого театра. Июль 1918 г.
19. Большой Трехсвятительский переулок, д. 1.
20. К событиям в Москве 6—7 июля 1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1	
Зарождение большевистско-левоэсеровской коалиции	11
Глава 2	
Формирование советского правительства	29
Глава 3	
Созыв Учредительного собрания	65
Глава 4	
Разгон Учредительного собрания	85
Глава 5	
Вокруг Брестского мира	110
Глава 6	
Брестский мир в действии	127
Глава 7	
Большевики и левые эсеры в апреле-июне	145
Глава 8	
Убийство Мирбаха	164
Глава 9	
Разгром партии левых эсеров	200
Эпилог	258
Приложение 1	
Письмо Блюмкина	266
Приложение 2	
Яков Блюмкин	270
Документы	275
Иллюстрации	287

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 3 MAI 1985
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 9074

СЕРИЯ ИНРИ

Вышли из печати:

1. В. В. Леонтович. История либерализма в России (1762–1914).
2. Народное сопротивление коммунизму в России. Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы. Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам.
3. Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919). Документы и материалы. Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам.
4. Г. М. Катков. Февральская революция.

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ФЕЛЬШТИНСКИЙ

родился в Москве в 1956 году. В 1978 г. эмигрировал в США. Изучал историю в Брандайском университете на кафедре Сравнительной истории. В настоящее время аспирант докторской программы Ратгерского университета. Специализируется по русской истории 1917—1945 годов, новейшей истории дипломатии и проблемам социализма. Автор ряда публикаций и статей, среди них "Legal Foundations of the Immigration and Emigration Policy of the USSR (1917—1927)", *Soviet Studies*, vol. XXXIV (Великобритания, 1982); "СССР—Германия 1939—1941. Документы и материалы по истории советско-германских отношений", в двух томах (США, 1983). Им же подготовлен к изданию сборник очерков Троцкого "Портреты", а также ряд других материалов из архивов Троцкого, ранее не публиковавшихся.